

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

Петрова Наталия Дмитриевна

**РОССИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА 2014-2024 ГГ.: ПОЛИТИКО-
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Демиденко Сергей Владимирович

Москва, 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	25
1.1. Теоретические основы и особенности формирования внешнеполитической стратегии Европейского союза в отношении России.....	25
1.2. Особенности политико-текстологического анализа как метода исследования	34
1.3. Доктринально-концептуальная основа формирования внешней политики ЕС	54
ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ.....	76
2.1. Россия во внешнеполитических документах ЕС: основные нарративы	76
2.2. Анализ нарративов в отношении России отдельных стран ЕС на примере Германии и Италии.....	93
ГЛАВА 3. ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ С РОССИЕЙ.....	128
3.1. Отражение конкуренции ЕС и России на постсоветском пространстве в политических документах	128
3.2. Гибридные войны в отношениях ЕС и России и их отражение в политической коммуникации.....	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	167
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.....	173
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	229
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	232
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	235
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	240
ПРИЛОЖЕНИЕ 5	249
ПРИЛОЖЕНИЕ 6	255
ПРИЛОЖЕНИЕ 7	258
ПРИЛОЖЕНИЕ 8	264
ПРИЛОЖЕНИЕ 9	265
ПРИЛОЖЕНИЕ 10	266

ВВЕДЕНИЕ

С самого основания в 1993 г. Европейский союз (ЕС) является одним из ключевых игроков на мировой арене. ЕС стал новым типом участников международных отношений – интеграционным объединением с частичной передачей суверенитета на наднациональный уровень, унификацией экономической политики, единой валютой и развитой системой институтов, функционирующих в рамках определенной сферы ответственности. ЕС представляет собой политический актор со своей системой ценностей и внешнеполитических интересов, определяемых, в том числе, и региональными особенностями. Одной из подобных особенностей является соседство с Российской Федерацией, что представляет собой как возможности для сотрудничества, так и определяет факторы соперничества, которого становится все больше в последние годы.

Переломным моментом в отношениях России и ЕС можно назвать присоединение Крыма в 2014 г., не признанное западными государствами и повлекшее за собой масштабные экономические санкции против России. В процессе выработки подходов к внешней политике ЕС в отношении нашего государства ЕС выпустил новую Глобальную стратегию в 2016 г., в которой, по своей сути, Россию вычеркнули из списка партнеров Европы. Россия стала восприниматься как угроза безопасности для ЕС, что демонстрируется политическими лидерами и официальными лицами Европы во всех документах и внешних коммуникациях ЕС, связанных с Россией, по настоящее время. Этот нарратив обострился после начала Специальной военной операции (СВО) в Украине 24 февраля 2022 г.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена следующими обстоятельствами:

1. **во-первых**, ростом научного интереса к дискурсивному и текстологическому анализу в международных отношениях. С учетом диджитализации и повышения роли публичных документов и заявлений,

именно такие подходы позволяют выявить глубинные ценностные различия, процессы формирования образа «другого» и механизмы институциональной легитимации внешнеполитического курса ЕС.

2. **во-вторых**, необходимостью осмысления стратегической коммуникации ЕС в контексте усиления нарратива «гибридных угроз» и перехода к многослойной системе безопасности. Эти концепции формируются как ответ на предполагаемое российское влияние, особенно в постсоветском пространстве. Для России в этом контексте важно понимать, как через такие коммуникационные практики конструируется ее образ в европейском дискурсе и какие тактики следует использовать для внешнеполитического позиционирования страны.
3. **в-третьих**, глубокой трансформацией отношений между Европейским союзом и Российской Федерацией в период 2014–2024 гг., которая проявилась в переходе от формата стратегического партнерства к конфронтационной модели взаимодействия. События 2014 г. и последующие кризисы в европейской безопасности привели к пересмотру политики ЕС в отношении России, что выразилось в институциональном закреплении новой стратегии взаимодействия, расширении санкционной политики и изменении характера официальной риторики, в которой Россия стала обозначаться как источник угроз или системный вызов европейской безопасности.
4. **в-четвертых**, формированием в официальных документах ЕС нового политического нарратива, легитимирующего политику сдерживания России и её международной изоляции. В рамках данного нарратива Россия представляется как актер, подрывающий энергетическую безопасность Европы, нарушающий нормы международного права и дестабилизирующий региональную безопасность. В свою очередь российская сторона продвигает альтернативную интерпретацию международных процессов, апеллируя к принципам многополярности, стратегической стабильности и неделимости безопасности.

Сосуществование этих конкурирующих интерпретаций формирует конфликт политических нарративов, который становится важным элементом современной международной коммуникации.

5. **в-пятых**, усилением значения информационно-коммуникационных технологий и политической коммуникации в современном международном взаимодействии. Быстрое распространение информации через интернет и соцсети, развитие цифровой дипломатии превращают тексты и публичные заявления в ключевые инструменты внешнеполитического влияния. Изучение этих текстов становится важным способом понять скрытые механизмы формирования идентичности и легитимации внешнеполитической стратегии ЕС.

Степень научной разработанности темы исследования. В рамках поставленной цели исследования необходимо упомянуть различные группы научной литературы, посвященной проблематике работы и помогающие раскрыть все ее части.

Общие вопросы функционирования и безопасности ЕС поднимаются в работах Н.К. Арбатовой¹, Т.А. Романовой², Л. О. Игумновой, О. Г. Лекаренко, Ю. Г. Агафонова³, Г.М. Михалевой, М.А. Гордеевой, Н.Ю. Кавешникова⁴, Н.А. Медушевского⁵, М.Н. Марченко, Е.М. Дерябиной⁶, О. Хольмана⁷, Р. Уитмана⁸,

---

¹Арбатова Н.К. Новая стратегия безопасности ЕС // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016, 8 июля. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-strategiya-bezopasnosti-es/> (дата обращения 01.02.2022).

² Романова Т.А. Институты Европейского союза и процесс принятия политических решений. Учебное пособие. СПб.: Издание СПбГУ, 2018. – 192 с.

³ Игумнова Л.О. Официальные коммуникации Европейской внешнеполитической службы с Россией: создание образа нормативной силы ЕС // Внешняя политика и международные связи Европейского Союза: осмысливая роль ЕС в мире / Под ред. Л. О. Игумновой, О. Г. Лекаренко, Ю. Г. Агафонова и др.; отв. ред. Л. О. Игумнова. Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2018. – 340 с.

⁴ Кавешников Н.Ю. Трансформация институциональной структуры Европейского союза / Н.Ю. Кавешников. – М.: Навона, 2010. – 480 с.; Кавешников Н.Ю. Лиссабонский договор и его последствия для развития Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2010. №2. – С. 55-76.

⁵ Михалева Г.М. ЕС: отношения с Россией и политика Восточного партнерства // Европейский союз: риски и вызовы современного этапа политической эволюции / Под ред. Медушевского Н.А. М.: URSS, 2019. – 352 с.

⁶ Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Европейский союз. Настоящее и будущее. Сравнительное теоретико-правовое исследование. М.: Проспект, 2021. – 528 с.

⁷ Holman O. Global Europe: The External Relations of the European Union. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. – 244 p.

⁸ Whitman R. (Ed.). Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives. London: Palgrave Macmillan, 2011. – 306 p.

Н. Точчи⁹, Е. Барбе, П. Морийаса¹⁰, а также в коллективных монографиях ИЕ РАН под ред. Ал.А. Громыко¹¹ и В.В. Журкина¹².

Работы Т.А. Романовой, М.Л. Энтина, М.Н. Марченко, Н.Ю. Кавешникова и Е.М. Дерябиной раскрывают институционально-правовые основы международной деятельности ЕС и помогают структурировать знания о системе органов и принципах взаимодействия стран-членов ЕС с внешними игроками. Также монографии О. Игумновой, О. Г. Лекаренко и Ю. Г. Агафонова, О. Хельмана, Р. Уитмана ценны своим глубоким и многосторонним анализом концепции внешней политики ЕС и тенденций ее развития в последние годы, что актуально для выбранных временных рамок работы.

Монография ИЕ РАН «Безопасность Европы» раскрывает фундаментальные понятия безопасности ЕС, включая военную, экономическую и информационную, что особенно актуально для Главы 3, а коллективный труд 2023 г. затрагивает современные аспекты политического развития Европы, включая роль медиа, политику отдельных государств (в частности, Германии для кейса в Главе 2) и вызовы безопасности.

Исследования Н.К. Арбатовой, Н. Точчи, Е. Барбе и П. Морийаса помогают оценить вклад Глобальной стратегии ЕС 2016 г. в трансформацию внешней политики ЕС, в том числе по отношению к России, проанализировать расстановку приоритетов во внешней политике ЕС и его политическое самосознание как актора мировой политики и «полюса» власти на мировой арене.

Говоря непосредственно об анализе отношений России и ЕС, основных изменений, тенденций и сфер их взаимодействия, нельзя не упомянуть работы

---

⁹ Tocci N. The making of the EU Global Strategy // Contemporary Security Policy. 2016. Vol. 37. No. 3. – P. 461-472.

¹⁰ Barbe E., Morillas P. The EU Global Strategy: The Dynamics of a More Politicized and Politically Integrated Foreign Policy // Cambridge Review of International Affairs. 2019. Vol. 32. No. 6. – P. 753-770.

¹¹ Европа в глобальной пересборке / [Ал.А. Громыко и др.; отв. ред. Ал.А. Громыко] – М.: ИЕ РАН: Издательство «Весь Мир», 2023. – 508 с.

¹² Безопасность Европы / Под ред. В. В. Журкина. М.: ИЕ РАН: Издательство «Весь мир», 2011. – 754 с.

Е.Г. Энтиной и М.Л. Энтина¹³, И.С. Иванова¹⁴, С.С. Жильцова¹⁵, а также В.А. Рыжкова¹⁶. Авторы определяют ключевые факторы развития отношений России и ЕС, а также предпринимают попытку спрогнозировать дальнейшие этапы в развитии этих отношений, опираясь на политический, экономический и социальный контекст.

Далее, стоит отдельно отметить блоки научной литературы, посвященные региональным и глобальным аспектам восприятия Европейским союзом России на политической арене. Столкновение интересов в странах Восточного партнерства ЕС, являющихся для России постсоветским пространством и зоной значительного политического и экономического влияния, рассматривалось в работах Р.С. Мухаметова¹⁷, Б. Михайленко и В.И. Михайленко¹⁸, Л. Делькур¹⁹, Б. Футак-Кэмпбэлл²⁰, И. Мусьялковской, П. Идцака, О. Потлака²¹, М.Г.А. Вицере²². Исследования Р.С. Мухаметова и Б. Футак-Кэмпбэлл посвящены особенностям «мягкой» силы России в странах Восточного партнерства, ее восприятия данными государствами и ЕС, эффективности и методам. Данные статьи раскрывают тему понимания «мягкой» силы России как угрозы в ЕС, что является крайне важным элементом стратегии ЕС в отношении России. В схожей по тематике работе М.Г.А. Вицере анализирует концепцию гибридных угроз по отношению к российскому влиянию в регионе и размышляет над ролью

---

¹³ Энтин М.Л., Энтина Е.Г. К конструированию будущего отношений между Россией и ЕС // Современная Европа. 2017. Том 77. №5. – С. 16-26.

¹⁴ Иванов И.С. Европейский вектор внешней политики современной России. М.: Эксмо, 2018. – 424 с.

¹⁵ Жильцов С.С. Политика России в условиях глобальной неопределенности: вызовы и возможности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. №10 (1). – С. 8-16.

¹⁶ Рыжков В.А. Отношения России и ЕС: текущий кризис и возможности нормализации // Современная Европа. 2019. Том 88. №3. – С. 13-24.

¹⁷ Мухаметов Р.С. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств // Сравнительная политика. 2020. Том 11. № 4. – С. 78-91.

¹⁸ Михайленко Е.Б., Михайленко В.И. Внешняя региональная политика Европейского союза. Европейский интеррегионализм. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. – 330 с.

¹⁹ Delcour L. Shaping the Post-Soviet Space? EU Policies and Approaches to Region-Building. London: Routledge, 2016. – 194 p.

²⁰ Futak-Campbell B. Practising EU Foreign Policy. Russia and the Eastern Neighbours. Manchester: Manchester University Press, 2018. – 192 p.

²¹ Musialkowska I., Idczak P., Potluk O. (Eds.). Successes & Failures in EU Cohesion Policy: An Introduction to EU Cohesion policy in Eastern, Central, and Southern Europe. Warsaw: De Gruyter, 2020. – 204 p.

²² Vicere M.G.A. Looking Towards the East: The High Representative's Role in EU Foreign Policy on Kosovo and Ukraine // European Security. Vol. 29. No. 3. – P. 337-358.

Глобальной стратегии 2016 г. в усилении фокуса внешней политики ЕС на данных угрозах в отношениях с Россией. Работа И. Мусьялковской, П. Идцака, О. Потлака исследует восточно-европейское направление ЕС с точки зрения согласованности действий органов и стран-членов ЕС, что является одним из главных принципов Общей внешней политики и политики безопасности и определяет условия выстраивания стратегий по отношению к роли России.

Глобальные аспекты восприятия Европейским союзом России рассматриваются в исследованиях В.И. Бартенева²³, М.Н. Катца²⁴, Е.А. Примакова²⁵. В то время, как первые два автора фокусируются в основном на милитаризованных действиях («жесткой» силе) России на Ближнем Востоке, Е.А. Примаков в своей статье рассматривает социально-гуманитарный аспект влияния России в мире, говоря не столько о военных миссиях в регионах масштабных конфликтов, сколько о гуманитарном сотрудничестве и зонах влияния «мягкой» силы России. Он затрагивает Азиатско-Тихоокеанский регион, а также упоминает и Восточную Европу; как следствие, данная работа может быть использована и в составе вышеупомянутого блока литературы.

Цель данного исследования – с опорой на методы анализа политических текстов и дискурсивного анализа определить, каким образом в официальных документах ЕС 2014-2024 гг. формируется и трансформируется образ России, и исследовать, как данная риторическая трансформация становится инструментом внешнеполитической стратегии и идентификационных процессов Европейского союза.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо выполнение следующих **задач**:

---

²³ Бартенева В.И. «Взаимно гарантированная обструкция»? Россия, страны Запада и политические дилеммы восстановления Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Том 18. №4. – С. 755-774.

²⁴ Katz M.N. Russia and the conflict in Syria: four myths // Middle East Policy. 2013. Vol. 20. No. 2. – P. 38-46.

²⁵ Примаков Е.А. Гуманитарная миссия России // Пути к миру и безопасности. 2018. Том 54. №1. Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах. – С. 182-196.

1. Проанализировать теоретические основы формирования внешнеполитической стратегии Европейского союза в отношении России
2. Определить основные характеристики анализа политических текстов как научного метода, в том числе в контексте особенностей ЕС как актора международных отношений;
3. Провести анализ институциональных и нормативно-правовых механизмов формирования и реализации внешней политики Европейского союза как контекст для формирования политического дискурса в отношении России;
4. Установить факторы формирования образа России во внешнеполитических документах ЕС с 2014 г.;
5. Выявить нарративы в отношении России в политической коммуникации отдельных стран-членов ЕС (Германия и Италия);
6. Выявить, как институты ЕС формируют и транслируют в официальных документах обоснование конкурентного взаимодействия с Россией на постсоветском пространстве;
7. Определить механизмы текстологического конструирования «гибридных угроз» России в стратегических документах ЕС.

Объект данного исследования – внешняя политика Европейского союза в 2014-2024 годы.

Предмет данного исследования – внешнеполитическая коммуникация ЕС, в частности в отношении России.

Теоретико-методологическая база исследования. Диссертационное исследование носит комплексный характер и направлено на выявление механизмов формирования и трансформации образа России в официальной внешнеполитической коммуникации Европейского союза в 2014–2024 гг. В связи с этим оно объединяет специализированные политологические подходы и общенаучные методы анализа, позволяя рассматривать феномен политической коммуникации ЕС как сложную социально-политическую конструкцию.

Теоретическую основу работы составляет конструктивистская парадигма в международных отношениях, которая рассматривает международную политику как процесс социального конструирования идентичностей и норм через дискурсивные практики. Термин «конструктивизм» ввел представитель критического направления в международных отношениях Н. Онуф²⁶. Конструктивисты считают, что интересы и реальность обуславливаются социально-культурным контекстом, который постоянно меняется. Конструктивисты представляют международную систему как систему норм, идей и институтов, а не как анархию и борьбу за материальные ресурсы. Интересы участников МО могут быть переформулированы с изменением культурного контекста, который подлежит изучению и пониманию.

В конструктивизме присутствует четкое разделение на «своих» и «других/чужих», которое исследовалось в социологии и социальной философии в трудах британского исследователя А. Тэшфела в рамках коллективной (социальной) идентичности²⁷. В политологии данную дихотомию детально описывал в своих работах А. Вендт²⁸. Принадлежность к группе определяется совпадением ценностей и готовностью взаимодействовать на зафиксированных правилах. При этом восприятие акторов зависит исключительно от их образа для актора международных отношений: как описывает А. Вендт, ЕС активно взаимодействует и сотрудничает с Великобританией и осуждает КНДР за милитаризацию при большем количестве ядерных боеголовок у первого государства²⁹. Все эти положения перекликаются с *modus operandi* ЕС как актора, для которого нормы и социальный контекст играют важнейшую роль и который формирует свою деятельность через институты.

Исследование опирается на институциональный и дискурсивный конструктивизм, акцентирующие внимание на том, как международные

---

²⁶ Interview – Nicholas Onuf // E-International Relations, 2014, May 9. URL: <https://www.e-ir.info/2014/05/09/interview-nicholas-onuf/> (accessed 10.04.2022).

²⁷ Tajfel H et al. Social categorization and intergroup behaviour // European Journal of Social Psychology. 1971. Vol. 1 (2). – P. 149–178.

²⁸ Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. – P. 400.

²⁹ Wendt A. Constructing International Politics // International Security. 1995. Vol. 20. No.1. – P. 73.

институты через формализованные тексты, риторику и нормы воспроизводят определенные идентичности и образы «другого»³⁰. Работа фокусируется на социальном конструировании международной системы через межсубъективные ожидания, но развивается в направлении анализа институциональных механизмов закрепления этих конструкций. Особое значение придается дискурсивному конструктивизму, который рассматривает политический текст как не просто средство передачи информации, но как инструмент производства и легитимации власти, соответственно, он непосредственно связан с методами исследования, используемыми в диссертации. В контексте ЕС это позволяет анализировать, каким образом через официальные документы, стратегии и публичные выступления институционализируется нарратив о России как «угрозе» или «системном противнике», формируя нормативную идентичность Союза и обосновывая внешнеполитические стратегии.

Направлением, логически соединяющим теоретическую и методологическую основу исследования, является политическая коммуникативистика. Объект политической коммуникативистики – процессы, формы и средства политической коммуникации, то есть обмена информацией между политическими субъектами (государствами, партиями, политиками, СМИ, гражданами) в целях воздействия, убеждения, управления общественным мнением и формирования политической повестки. Она сочетает подходы из политологии, социологии, лингвистики, психологии, медиазнания и теории коммуникации³¹. Особое внимание в политической коммуникативистике уделяется политическим дискурсам и риторике, средствам массовой информации и цифровым платформам, манипулятивным техникам, формированию политической идентичности и легитимности власти, роли метафор, фреймов и нарративов в политическом сообщении³². В контексте

---

³⁰ Kostakopoulou D. Constructivisms and Institutional Constructivism // *Institutional Constructivism in Social Sciences and Law: Frames of Mind, Patterns of Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 39.

³¹ Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // *Полис. Политические исследования*. 2009. №5. С.42.

³² Van Dijk T.A. Political discourse and political cognition // *Politics as Text and Talk: Analytic approaches to political discourse* / Ed. by Chilton P., Schäffner C. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 206.

«хаотизации коммуникационных процессов», которую подмечают А.Г. Большаков и Е.В. Храмова, политическая коммуникативистика помогает внимательно и критически относиться к элементам коммуникации на мировой арене и рассматривать коммуникацию как инструмент безопасности или, наоборот, дестабилизации³³.

Ключевым методом исследования выступает качественный контент-анализ, дополненный инструментарием дискурс-анализа. Такой подход позволяет системно выявлять смысловые структуры, тематические доминанты и повторяющиеся интерпретационные схемы в официальных документах ЕС, а также анализировать способы конструирования значений и политической реальности, эффективно соединяя теоретическую и методологическую основу исследования.

В рамках качественного контент-анализа тексты рассматриваются как источники, отражающие институциональные установки и стратегические приоритеты, что соответствует подходам Ф. Майринга³⁴ и К. Криппендорфа³⁵, подчеркивающих значимость систематической категоризации и интерпретации текстовых данных. Данные исследователи подчеркивали поэтапную систематическую интерпретацию текстов через процедуры категориального кодирования (разделения текста на смысловые элементы), редукции и обобщения смыслов, что позволяет выявлять латентные значения и устойчивые смысловые структуры. Так, К. Криппендорф рассматривает контент-анализ как метод «делания воспроизводимых и обоснованных выводов из текстов», акцентируя внимание на надежности категорий, контексте интерпретации и аналитической воспроизводимости результатов³⁶. Применение данных подходов в диссертации позволяет не только структурировать массив официальных документов ЕС, но и выявлять повторяющиеся нарративные конструкции и

---

³³ Большаков А. Г., Храмова Е. В. Политическая коммуникация в период международных бифуркаций // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 98-99.

³⁴ Mayring P. Qualitative Content Analysis Theoretical Foundation, Basic Procedures and Software Solution. Klagenfurt, 2014. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-395173> (accessed 19.03.2026).

³⁵ Krippendorff K. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. – P. 11.

³⁶ Ibid. P. 15.

интерпретационные схемы, что является необходимой основой для сопутствующего дискурс-анализа. Контент-анализ позволил выделить ключевые темы, понятия и риторические конструкции/коды, повторяющиеся в стратегиях, резолюциях, пресс-релизах и программных выступлениях. Применение контент-анализа дало возможность выявить устойчивые нарративы (например, «угроза», «агрессия», «гибридные войны»), зафиксировать частотность и контекст их использования, проследить динамику изменения риторики ЕС в разные периоды — особенно до и после 2022 года.

Для повышения прозрачности анализа разработана система кодов (кодбук), отражающая ключевые дискурсивные категории. Кодирование текстов осуществлялось с последующей систематизацией данных в таблицах. Частотные показатели используются в качестве вспомогательного инструмента для выявления доминирующих тематических паттернов, но не являются основным методом анализа.

Дискурс-анализ в данном исследовании используется как дополнительный аналитический инструмент, позволяющий интерпретировать выявленные категории в контексте властных отношений, норм и идентичностей. Он позволяет рассматривать тексты ЕС не только как носители информации, но и как инструменты воспроизводства власти и нормативной идентичности через институционально закрепленные риторические паттерны. Как объясняют А. Яворски и Н. Купланд, дискурс-анализ — это метод изучения «взаимодействия между языком и социальными процессами»³⁷. Слово рассматривается как тип социального действия, отражающего открытые и скрытые мотивы говорящего/пишущего, которое анализируется с помощью лингвистики, критического анализа, политического контекста и других инструментов.

Институциональный дискурс-анализ основывается на предположении, что институты и организации создают свой собственный тип языка и коммуникации,

---

³⁷ Jaworski A., Coupland N. *The Discourse Reader*. (2nd ed.). New York.: Routledge, 2006. – P. 41.

которые помогают создавать конкретную социальную реальность³⁸. Важность международных институтов, таких как ЕС, заключается в том, что посредством выступлений или текстов они могут продвигать свою позицию и разъяснять свою точку зрения по различным вопросам, актуальные для европейской и мировой общественности. Дискурс, согласно данному подходу, также служит смыслом существования институтов. Это «формирует их ощущение того, кто они есть» из-за сосредоточения внимания на конкретных вопросах их функционирования³⁹. Данный метод фокусируется на анализе структуры текстов, повторяющихся слов и конструкций, акцента на конкретные формулировки, что демонстрирует ту или иную позицию государственного органа или политического деятеля.

В связи с использованием в исследовании сочетания качественного контент-анализа и дискурс-анализа, категориально-понятийный аппарат работы систематизирован и вынесен в отдельный глоссарий (см. Приложение 1), что позволяет обеспечить единообразие интерпретации ключевых терминов и повысить методологическую прозрачность исследования.

Особое внимание уделено политической текстологии как методу исследования, фокусирующемся на структуре, жанровых особенностях и фрейминге официальных документов, стратегий, коммюнике, пресс-релизов и публичных выступлений. Текстология ранее была вспомогательной дисциплиной для восстановления первоначального текста, но со временем она связалась с другими науками, такими как филология, литературоведение, история и науки о социально-политической и общественной мысли. Различные теоретики внесли свой вклад в понимание текста: например, Р. Барт разделил понятия «произведение» и «текст», обозначая, что «произведение» – это личный вклад автора, а «текст» – текст сам по себе и может быть интерпретирован в

---

³⁸ Mayr A. Institutional Discourse // The Handbook of Discourse Analysis (2nd ed.) / Tannen D., Hamilton H.E., Schiffrin D. (Eds.). Hoboken: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 757.

³⁹ Mumby D., Clair R.D. Organizational Discourse // Discourse as Social Interaction: Discourse Studies. Vol. 2 – A Multidisciplinary Introduction / T.A. van Dijk. (Ed.). London: Sage, 1997. – P. 285.

зависимости от контекста⁴⁰. Ю. Кристева ввела понятия «фенотекст» (фразы, передающиеся собеседнику/аудитории какого-либо сообщения) и «генотекст» (смысловая множественность, стоящая за фенотекстом)⁴¹. М.М. Бахтин рассматривал текст как «своеобразную монаду», отражающую все тексты в данной смысловой сфере⁴². Ж. Деррида утверждал, что внетекстовой реальности в целом не существует так как это базовый метод коммуникации современности⁴³.

По мнению А.А. Ширинянца, текстология как деятельность предполагает:

- 1) аналитические методы, которые помогают разбираться в текстах;
- 2) знание предметной области, то есть умение понимать тему, о которой написан текст;
- 3) определенный тип личности, который включает в себя особенности структуры личности и индивидуальные особенности⁴⁴.

Все эти компоненты взаимосвязаны между собой и обеспечивают органический синтез, который необходим для успешной работы в области текстологии.

В работе также применяются системный и структурно-функциональный подходы, позволяющие рассматривать внешнеполитическую коммуникацию ЕС как элемент более широкой системы международных отношений и как механизм поддержания внутренней институциональной целостности Союза через воспроизводство определенных норм, ценностей и представлений о безопасности с учетом отдельных позиций государств. Это дает возможность выявить не только содержательные особенности антироссийской риторики, но и функции, которые она выполняет в системе институтов ЕС — от легитимации санкционной политики до внутренней мобилизации стран-членов.

Для объяснения причин формирования и эволюции политических нарративов ЕС использован каузальный анализ, позволяющий установить

---

⁴⁰ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. – С. 415.

⁴¹ Kristeva J. *Sémiotiké: recherches pour une sémanalyse*. Paris: Seuil, 1969. – P. 280-284.

⁴² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. – С. 283

⁴³ Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. – С. 313.

⁴⁴ Ширинянец А.А. Политическая текстология как учебная дисциплина / Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. №4. – С. 125.

взаимосвязь между внешнеполитическими событиями (например, событиями 2014 и 2022 гг.) и трансформацией риторики и политической позиции ЕС.

В исследовании также применяется метод кейс-стади. В классическом понимании, которое разработали Р. Йин⁴⁵ и Р.Э. Стейк⁴⁶ метод предполагает углубленное описание ситуации (дескриптивная цель), выявление и объяснение причинно-следственных связей (экспланаторная цель), изучение уникальных черт объекта (эвристическая цель), анализ изменения системы или стратегии во времени. Кейс-стади помогает подробно и контекстуально изучить отдельный случай или ограниченную систему, выявляя скрытые механизмы, логики действий и причинно-следственные связи. В рамках политологических исследований он особенно ценен для ответа на вопросы «как» и «почему» формируются определенные политические практики и риторики в конкретных условиях.

В данной работе метод кейсов применен для анализа отдельных национальных нарративов Германии и Италии в рамках общей внешнеполитической стратегии ЕС. Это позволило рассмотреть, как эти страны артикулируют свои позиции в отношении России, каким образом национальные интересы и прагматизм соотносятся с официальной риторикой и политикой и какие противоречия и зоны согласия существуют между общеевропейской институциональной линией и национальными дискурсами.

Используя дескриптивный подход, были системно собраны и описаны ключевые документы, официальные заявления и медиаматериалы, отражающие позиции Германии и Италии по отношению к России с 2014 по 2024 год. Через интерпретативный и структурный анализ выявлены риторические паттерны, характерные фреймы (угроза, необходимость диалога, ценностное расхождение) и изменения риторики после начала СВО. Это позволило объяснить, как при общей линии ЕС на сдерживание России формируются национальные вариации этого курса, балансируя между санкционной солидарностью и прагматичным

---

⁴⁵ Yin R. Case study research: Design and methods. NY: SAGE Publications, 1984. – 170 p.

⁴⁶ Stake R.E. The Art of Case Study Research. New York: Sage Publications, 1995. – 192 p.

сотрудничеством.

Дополнительным кейсом и примером трансляции дискурсивных установок ЕС в работе служит Казахстан, который, не являясь членом ЕС, тем не менее включен в пространство его внешнеполитической коммуникации. Анализ официальных заявлений и внешнеполитических документов Казахстана 2022–2024 гг. показывает, что, несмотря на декларируемую многовекторность внешней политики, в риторике страны прослеживается частичное воспроизводство ключевых коммуникационных категорий, сформированных в рамках ЕС. Это позволяет предположить, что механизмы текстологического контроля и дискурсивного влияния ЕС распространяются не только на государства-члены, но и на страны постсоветского пространства, вовлеченные в его политико-коммуникационные процессы.

Выбор данной теоретико-методологической базы обусловлен целью и задачами исследования, требующими системного, многопланового и критического анализа политических текстов ЕС как средства формирования образа России и легитимации политики сдерживания в условиях глубокой трансформации международной системы.

Эмпирическая база исследования основывается на следующих первоисточниках:

- Основополагающие документы Европейского союза, начиная с Договора о Европейском союзе (Маастрихтского договора) 1993 г., заложившего основу всех направлений деятельности ЕС⁴⁷;
- Нормативные документы ЕС (директивы, результаты голосований, планы действий, официальные сообщения и решения), в т.ч. база данных права и резолюций ЕС EurLEX;
- Пресс-релизы и информационные страницы институтов ЕС;

---

⁴⁷ Принимая во внимание высокую ценность основополагающих документов Европейского сообщества и организаций, существовавших в середине XX века, мы не будем исследовать их в рамках данной работы и сосредоточимся именно на Европейском союзе в современном его понимании.

- Отчеты Агентств ЕС (Институт по исследованию безопасности, Агентство по внешним связям и др.);
- Программные документы политических партий;
- Официальные сайты правительств государств-членов ЕС;
- Официальные аккаунты органов ЕС и политиков в социальных сетях;
- Доклады общественных организаций и аналитических центров (*think-tanks*), в частности, финансируемых ЕС и выполняющих для него проекты.

В работе используются источники на русском, английском, итальянском, немецком и чешском языках.

Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности **5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:**

2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин.

4. Ценности и интересы в международных отношениях и в мировой политике. Международные отношения как пространство реализации и отстаивания ценностей и интересов различных субъектов.

9. Геополитические факторы и процессы

19. Российская Федерация в системе международных отношений.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается обоснованностью теоретико-методологической базы исследования, использованием признанных аналитических методов исследования в политических науках, детально проработанной эмпирической базой исследования (документы из официальных источников).

Научная новизна исследования определяется рядом положений:

1. Выявлено формирование стратегического нарратива, направленного на сдерживание России и институционализацию образа системной угрозы,

через комплексное исследование новейших официальных документов и коммуникаций Европейского союза 2022–2024 гг., включая Стратегический компас ЕС по безопасности и обороне, заключения Европейского совета, резолюции Европейского парламента, программные речи и пресс-релизы Европейской комиссии. В отличие от существующих исследований, в которых указанные источники рассматриваются преимущественно в политико-институциональном или экспертно-аналитическом контексте, в данной работе они системно проанализированы как элементы политической коммуникации ЕС. Таким образом, особое внимание было уделено динамике трансформации риторики ЕС после начала СВО: от этапа полной и безусловной поддержки Украины и акцента на ее победе — к более сдержанным формулировкам, ограничению масштабов помощи и переориентации на стратегическую цель недопущения победы России, что отражает эволюцию политической коммуникации ЕС в условиях затяжного конфликта.

2. Доказано, что институциональный язык и текстовые структуры ЕС функционируют как самостоятельный инструмент формирования нормативной идентичности Союза, закрепляя риторические паттерны «свой–чужой» и последовательно конструируя образ России как «угрозы», что ранее не было предметом комплексного политико-текстологического анализа в отечественной науке.
3. Выявлено, что через механизмы текстологического контроля и унификации официальной коммуникации ЕС формируются жесткие рамки общей внешней политики, маргинализирующие альтернативные национальные интерпретации государств-членов и обеспечивающие внутреннюю консолидацию позиции Союза по отношению к России. Данный вывод вносит вклад в развитие политической коммуникативистики, уточняя ее положения о роли институционально закрепленных дискурсивных практик в формировании наднациональной

политической идентичности и управлении смысловым пространством внешнеполитического взаимодействия.

4. На примере Казахстана выявлены актуальные механизмы легитимации вмешательства в постсоветское пространство, создания нарратива о «гибридных угрозах» и оправдания политики противодействия российскому влиянию через текстологическую фиксацию ценностных различий.

Гипотеза. В 2014–2024 гг. Европейский союз, формируя в своих документах и риторике образ России как системной угрозы, использовал дискурсивные практики не только для легитимации политики сдерживания, но и для закрепления собственной нормативной идентичности. Тем самым подтверждается тезис о том, что чрезмерная унификация дискурса ЕС одновременно способствует консолидации Союза и ограничивает многообразие национальных интерпретаций стран-членов ЕС.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Доказано, что Европейский союз в 2010-е годы выстраивал образ России преимущественно как партнера, несмотря на существование отдельных элементов восприятия ее как потенциальной угрозы в сферах энергетики, безопасности и демократии. После 2014 года, а особенно после начала специальной военной операции в 2022 году в официальных стратегиях и коммуникации ЕС формируется устойчивый нарратив системной угрозы, закрепленный через институциональные документы, риторические формулы и санкционные меры. Это отражает трансформацию восприятия России от амбивалентного партнера к прямой угрозе и свидетельствует об эволюции коммуникации ЕС, укреплении его нормативной идентичности и стремлении к лидерству на мировой арене через данную идентичность.
2. Определено, что официальные документы, коммюнике, стратегии и пресс-релизы ЕС демонстрируют устойчивый институциональный язык и характерные текстовые структуры, которые не только транслируют ценности и цели Союза, но системно формируют и закрепляют образ

России как «чужого» и «угрозы», что выявлено на основе комплексного политико-текстологического и институционального дискурс-анализа корпуса текстов ЕС (включая новейшие материалы за 2022–2024 г. и ранее не исследованные детально в отечественной науке) и направлено в том числе на консолидацию стран ЕС.

3. Установлено, что несмотря на наличие прагматичных интересов и элементов партнерства в политике отдельных государств-членов ЕС, институционализируемая внешняя политика и общая риторика ЕС формируют жесткие рамки идентичности, в которых альтернативные интерпретации маргинализируются через механизмы текстологического контроля и единообразие официальной коммуникации.
4. Выявлено, что конкуренция ЕС и России на постсоветском пространстве отражается в стратегических документах и программах ЕС, где формируется нарратив о «гибридных угрозах», «информационных войнах» и необходимости демократических реформ. Эти дискурсы легитимируют усиление влияния ЕС и закрепляют Россию как системного противника, что особенно заметно на примере Казахстана.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно занимает важное место в развитии политической науки, предлагая концептуализацию механизма политико-дискурсивной трансформации образа государства как составного элемента внешнеполитической стратегии. Работа обосновывает понимание официальных текстов и коммуникаций ЕС как инструмента институциональной легитимации внешнеполитического курса, тем самым расширяя возможности конструктивистского направления в теории международных отношений через анализ риторических конструкций и дискурсивной фрейминг-стратегии в межинституциональном контексте. Исследование систематизирует и уточняет роль политического текста как средства конструирования образа «чужого/другого» на примере России и механизма формирования нормативной идентичности ЕС, позволяя глубже осмыслить значение риторики и текстов как полноценного ресурса власти и

инструмента воспроизводства устойчивой внешнеполитической парадигмы и консолидации как внутренних (в рамках интеграционной группировки), так и внешних политических акторов.

Предложенные в работе аналитические подходы могут быть использованы для дальнейшего развития теории политической текстологии, институционального дискурс-анализа и исследования нормативной силы в международных отношениях.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в четырех ключевых направлениях:

1. В образовательной и учебно-методической деятельности: материалы диссертации могут быть использованы при разработке и обновлении курсов по международным отношениям, внешней политике ЕС, политической коммуникации, стратегическому анализу и политической текстологии. Особенно полезным является эмпирический материал по дискурсивным стратегиям ЕС, иллюстрирующий современные подходы к политическому фреймингу и институциональной легитимации.
2. В аналитической и экспертной практике: выявленные риторические паттерны и трансформации образа России в политических документах ЕС могут быть использованы при составлении докладов, рекомендаций и прогнозов в сфере международной аналитики.
3. В принятии решений в сфере стратегических коммуникаций: результаты исследования позволяют глубже понять, как именно через язык и официальные документы формируется образ «врага» или «угрозы», что может быть учтено при формировании стратегий публичной дипломатии, медиастратегий СМИ Российской Федерации, а также при разработке контрнарративов и коммуникационной политики.
4. В выработке стратегий взаимодействия РФ с Европейским союзом и государствами, находящимися под его нормативно-идеологическим влиянием: результаты исследования могут быть применены МИД РФ, Государственной думой РФ, органами, обеспечивающими национальную

безопасность России и другими политическими акторами, участвующими в международных отношениях, для анализа текущих политических процессов и формирования прогнозов на основе выявленных нарративов.

Таким образом, работа может быть практически востребована как в академической среде, так и в прикладной аналитике и внешнеполитических стратегиях РФ, особенно в условиях растущего значения информационно-дискурсивного измерения внешней политики.

Апробация результатов исследования. Выводы, представленные в настоящем исследовании, нашли отражение в 4 научных публикациях автора, а также в 4 докладах на международных и всероссийских научных конференциях.

Научные публикации:

- Чегодарь Н.Д. Особенности принятия внешнеполитических решений Европейским союзом на примере отношений с Россией // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2023, Т. 13, №4. DOI: 10.35775/PSI.2023.97.4.048
- Чегодарь Н.Д. Эволюция проекта Восточного партнерства: стратегическое использование «мягкой силы» Европейского союза против России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2023, Т.1, №1 – С. 81-97. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-81-97
- Чегодарь Н.Д. Политическая коммуникация в современных международных отношениях на примере Европейского союза // Вопросы политологии, Т. 13, №3. DOI: 10.35775/PSI.2023.91.3.045.
- Шаройченко Н.Д. Политика Европейского союза по противодействию «мягкой силе» России в странах Восточного партнёрства // Вестник Московского государственного областного университета, 2022, Т.2, №2 – С. 108-123.

Выступления на конференциях:

- XXX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2023», г. Москва, МГУ имени М.В.

Ломоносова, Россия, 10-21 апреля 2023. Тема: Европейский союз и Россия как центры регионального влияния

- Публичная дипломатия великих и региональных держав в Средиземноморско-Черноморском регионе, ИЕ РАН, НИУ ВШЭ, Россия, 20-22 октября 2022. Тема: Репрезентация политических интересов России и Украины в итальянских СМИ в 2022 г.
- XXIX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2022», МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 11-22 апреля 2022. Тема: Культурный аспект «мягкой силы» Европейского союза в отношении России (2014-2021 гг.)
- XXVIII Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2022», МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 12-23 апреля 2021. Тема: Столкновение интересов России и ЕС в странах Восточного партнерства: особенности и последствия Брюссельского саммита.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

1.1. Теоретические основы и особенности формирования внешнеполитической стратегии Европейского союза в отношении России

Так как ЕС рассматривается как пространство для формирования коллективных ценностей и подходов, данное исследование проведено через призму конструктивистской теории. Конструктивизм позволяет лучше понять сложность и противоречивость внешнеполитических решений ЕС, поскольку акцентирует внимание на идентичностях, нормах, символической легитимации и стратегическом использовании идей.

Конструктивизм занял прочные позиции в современной теории международных отношений, предлагая объяснения, основанные на идеях, нормах и идентичностях, а не только на материальных факторах. Данная теория непосредственно связана с дискурсом и социальными процессами, что делает ее подходящей для данного исследования. Н. Онуф, которого называют создателем самого термина «конструктивизм», впервые в 1989 г. подчеркнул роль языковых высказываний («speech acts») в конструировании международной реальности в книге «Мир, который мы создаем» («World of Our Making»)⁴⁸ и подчеркивал важность интерпретации и восприятия политической коммуникации.

Конструктивизм утверждает, что международная реальность во многом является социальным конструктом. Важные аспекты международных отношений формируются не только материальными силами (военной мощью, экономическими ресурсами), но прежде всего коллективными идеями, убеждениями и социальными практиками⁴⁹. Идентичности и интересы

---

⁴⁸ Onuf N. World of Our Making Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 1989. – 341 p.

⁴⁹ Katzenstein P., Keohane R.O., Krasner S.D. International Organization and the Study of World Politics // International Organization. 1998. Vol. 52(4). – P. 645-685.

государств (и других акторов) не predeterminedены естественным образом; напротив, они конструируются под влиянием разделяемых идей и их взаимодействия. Как отмечал Александр Вендт, один из основоположников конструктивистского подхода, «структуры человеческого сообщества определяются прежде всего общими идеями, а не материальными силами, и идентичности и интересы целевых субъектов определяются этими общими идеями, а не природой»⁵⁰. Опираясь на социологическую структуралистскую и символическую интеракционистскую перспективы, Вендт развивает конструктивистскую теорию, «в которой идентичности и интересы являются зависимой переменной» в отличие от либерального утверждения о том, что «международные институты могут трансформировать государственные идентичности и интересы»⁵¹. Теоретик утверждает, что «идентичности являются основой интересов» и «у акторов нет портфеля интересов, который они несут с собой независимо от социального контекста; вместо этого они определяют свои интересы в процессе определения ситуации»⁵².

Книга «Культура национальной безопасности», изданная в 1996 году в США под редакцией П. Катценштейна, стала значительным прорывом в развитии конструктивистского знания⁵³. Автор обращает внимание на то, что государство является конгломерацией различных соперничающих интересов, порожденных культурной средой, в которой оно функционирует. Взаимодействие государств с их культурной средой меняет их идентичность и интересы. Также важно, что государства формируют свою идентичность через взаимодействие с внешними и внутренними средами. Катценштейн отмечает, что международное сообщество государств создает различные формы государственной идентичности, исходя из признания их легитимности и возможности вступления в международные организации. Вопрос идентичности для ЕС является одним из определяющих для

---

⁵⁰ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 433 P.

⁵¹ Wendt A. *Anarchy...* Op. cit. – P. 391-425.

⁵² Ibid.

⁵³ Katzenstein J. *The Culture of National Security. Norms and Identity in World Politics*. New York.: Columbia University Press, 1996. – 560 p.

его функционирования: в ходе его развития самосознание ЕС претерпевало множество изменений и становилось все более ориентированным на глобальное влияние.

Таким образом, конструктивисты считают международные структуры социальными по своей природе: анархия, соперничество или сотрудничество между государствами – это не объективно данные условия, а результат социальных процессов, практик и дискурсов. Как отмечал В. Пулио, с точки зрения онтологии социальная реальность в политике конструируется, и с точки зрения рефлексивного подхода, знание и реальность являются взаимно конститутивными, то есть определяют реальность и взаимодействие политических акторов⁵⁴.

Нормы и ценности занимают центральное место в конструктивистской теории. Ранние работы конструктивистов были направлены на доказательство того, что международные нормы имеют значение и существенно влияют на поведение государств⁵⁵. Например, исследования, собранные под редакцией П. Катценштейна в сборнике «Культура национальной безопасности» (1996), продемонстрировали, что идеи и нормы существенно влияют на политику безопасности – сферу, которую ранее «монополизировали» реалисты⁵⁶. В дальнейшем конструктивистские исследования имели цель объяснить, при каких условиях и почему одни нормы влияют на поведение акторов, а другие – нет. Конструктивисты сосредоточились на изучении нематериальных факторов, таких как нормы, идеи, знания и культура, подчеркивая, в частности, роль, которую играют «коллективно поддерживаемые или интерсубъективные идеи и понимание социальной жизни» в международных отношениях⁵⁷. Большое внимание уделялось роли международных организаций и права, транснациональных сообществ экспертов, политического дискурса и практик

---

⁵⁴ Pouliot V. “Subjectivism”: Toward a constructivist methodology // *International Studies Quarterly*. 2007. Vol. 51. – P. 359-384.

⁵⁵ Finnemore M., Sikkink K. TAKING STOCK: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. – P. 394.

⁵⁶ Katzenstein J. Op. cit. – P. 120.

⁵⁷ Finnemore M., Sikkink K. Op. cit. P. 398.

убеждения – то есть механизмам, через которые осуществляется социальное конструирование в мировой политике⁵⁸.

В целом можно сказать, что в фокусе конструктивизма находятся межсубъективные факторы: общепринятые идеи, убеждения, языковые конструкции, коллективная память, культурные нормы. Материальные силы не отвергаются полностью, однако материальное приобретает смысл только через идеи – оружие может быть символом угрозы или гарантией безопасности, в зависимости от того, в чьих руках оно находится и какие отношения связывают акторов⁵⁹. Именно поэтому конструктивизм не делает жестких прогнозов, а выступает скорее методологическим подходом к изучению международных отношений, задает определенный угол зрения: конструктивисты рассматривают мировую политику как социальный процесс, где действующие лица не просто реагируют на среду, но создают эту среду, приписывая ей определенные значения.

Следует отметить, что внутри конструктивизма существуют разные подходы. В литературе выделяют «конвенциональный» (умеренный) и «критический» (радикальный) конструктивизм⁶⁰. Конвенциональные конструктивисты (такие как Вендт, Финнемор, Сиккинк, Каценштейн и др.) придерживаются относительно позитивистской методологии и стремятся к объяснению международных феноменов, используя понятия идей и норм наряду с материалистическими факторами⁶¹. Их работы получили признание в основном академическом сообществе, они активно дискутируют с реалистами и либералами на общей теоретической «платформе» (например, спор о роли анархии, о природе интересов и т.д.). Радикальные (критические) конструктивисты, напротив, больше опираются на постструктуралистские и постмодернистские методы: дискурс-анализ, лингвистику, интерпретативные

---

⁵⁸ Zehfuss M. *Constructivism in International Relations: The Politics of Reality / Cambridge Studies in International Relations, Series Number 83*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 312 P.

⁵⁹ Mengshu Z. A Brief Overview of Alexander Wendt's Constructivism // *E-International Relations*, 2020, May 19. URL: <https://www.e-ir.info/2020/05/19/a-brief-overview-of-alexander-wendts-constructivism/> (accessed 10.04.2022).

⁶⁰ Ruggie JG. What Makes the World Hang Together? Neo-utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // *International Organization*. 1998. Vol.52(4). – P. 855-885.

⁶¹ Pouliot V. The essence of constructivism // *Journal of International Relations and Development*. 2004. Vol. 7. – P. 322.

подходы⁶². Они менее ориентированы на формирование «объективных» законов, а больше на толкование международных событий, вскрытие глубинных культурных кодов и способов репрезентации. К этому крылу можно отнести, например, некоторых авторов, работающих под влиянием М. Фуко или Ж. Деррида, а также исследователей, изучающих конструкцию нарративов и образов «своих» и «чужих» (self/other): работы И. Неймана, Д. Кэмпбелла, Д. Миллер и др⁶³. Оба направления обогащают теорию: первое – встроенностью в эмпирические исследования и диалогом с традиционными теориями, второе – глубиной критического анализа того, как именно создаются значения и смыслы во внешней политике. В рамках данной работы мы будем сочетать оба подхода: опираясь на нормативно-идейный анализ официальной политики ЕС (что ближе к конвенциональному конструктивизму), и на дискурс-анализ идентичностей и нарративов в отношениях ЕС-Россия (что резонирует с критическим конструктивизмом).

В свете интеграционных объединений и международных институтов Дж. Чекель освещает социализирующую роль институционализации в Европе с точки зрения социального конструктивизма⁶⁴. Исследователь утверждает, частично основываясь на хабермасовской теории коммуникативного действия, что «нормативное убеждение», в первую очередь посредством «разговора» между агентами внутри институтов или организаций, играет ключевую роль в социализации. Таким образом, для него международные институты являются важным местом для социализации и усвоения норм.

Особое внимание в контексте ЕС стоит уделить таким конструктивистским категориям, как идентичности сторон, нормы и ценности, восприятие угроз и формирование коллективных нарративов. Конструирование идентичности через противопоставление «свой-чужой» – центральный мотив в отношениях между

---

⁶² Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // *International Security*. 1998. Vol. 23(1). – P. 189.

⁶³ Neumann I.B. Self and Other in International Relations // *European Journal of International Relations*. 1996. Vol. 2(2). – P. 145.

⁶⁴ Checkel J. T. International institutions and socialization in Europe: Introduction and framework // *International Organization*. 2005. Vol. 59. – P. 801-826.

ЕС и Россией в 2014–2024 гг. С точки зрения конструктивизма, ЕС и Россия в этот период все более определяют себя во взаимоотношении друг с другом, причем часто в оппозиционных терминах. Для Европейского союза после 2014 г. образ России все больше смещается в сторону образа «чужого», с которым ЕС расходится по базовым ценностям. Исследователи отмечают, что подобное отчуждение России как «иного» не является новым – европейская идентичность исторически формировалась через противопоставление «Востоку», о чём писали Л. Вулф и И. Нейман⁶⁵. В последние годы в ключевых стратегических документах и заявлениях Россия предстает как альтернативный полюс, придерживающийся отличных от Европы принципов внешней политики. Фактически, Москва рисуется как «неевропейский» актер, нарушивший нормы международного поведения. В дискурсе ЕС после 2014 г. закрепляется представление, что Россия – «чужой» игрок, отказывающийся играть по общим правилам и бросающий вызов самому основанию европейского порядка.

Одновременно Россия тоже переосмысляет свою идентичность в противовес ЕС. Как отмечает Л.О. Игумнова, «Россия выстраивает свою европейскую идентичность в оппозиции к Евросоюзу, акцентируя свои отличия от современной Европы и противопоставляя себя Брюсселю»⁶⁶. Отчуждение от ЕС стало частью процесса конструирования российской национальной идентичности. В таком нарративе Россия берет на себя роль хранителя «истинных» европейских ценностей (традиция, суверенитет, христианские корни), в противовес Европе. В результате, с обеих сторон происходит взаимное конструирование образов «мы» и «они»: ЕС видит в нынешней России воплощение «чужого» (недемократического, агрессивного), а Россия – в ЕС (чуждого, лицемерного, угрожающего её идентичности)⁶⁷. Такая диалектика идентичностей прекрасно укладывается в конструктивистскую схему анализа:

---

⁶⁵ Pavlova E.B. Resilience in EU Discourse: A New Norm in Relations with Russia? // Russia in Global Affairs. 2019, December 25. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/resilience-in-eu-discourse-a-new-norm-in-relations-with-russia/> (accessed 22.04.2022).

⁶⁶ Игумнова Л.О. Критика нормативной силы Европы в России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7. – С. 123.

⁶⁷ Павлова Е.Б., Романова Т.А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. – С. 165.

каждая сторона определяет себя через отношение к «чужому», используя дискурс для закрепления этих образов.

Следствием этого стало формирование в ЕС коллективной идентичности, противопоставленной России. ЕС долгое время позиционировал себя как «нормативная сила» (Normative Power Europe) – сообщество, основанное на ценностях демократии, прав человека, правового государства, и распространяющее эти нормы вовне⁶⁸. Конструктивистский взгляд позволяет увидеть, что после 2014 г. утверждение собственной нормативной идентичности ЕС шло через отграничение от России. В официальном дискурсе подчеркивалось: Россия своим поведением доказала свою «инаковость», нежелание следовать общим правилам⁶⁹. Россия была символически исключена из сообщества «западных норм».

Конструктивистский дискурс-анализ подтверждает данную динамику. Как отмечает Т. Романова, изучавшая дискурс ЕС, после 2014 г. Россия представляется Брюсселем как «вечный чужой/другой» Европы⁷⁰. Россия изображается актором, действия и принципы которого кардинально отличаются от поддерживаемых ЕС. Действия РФ на мировой арене преподносятся как прямой вызов европейским нормам и ценностям. Более того, формируется нарратив, что «преодолеть эту инаковость» Россия сможет только, если полностью изменит свой курс и примет нормы ЕС – фактически, если станет как «мы».⁷¹ Этот дискурс одновременно утверждает идентичность ЕС как носителя правильных норм (нормативного лидера) и маркирует РФ как «чужака», от которого исходит угроза. При этом апелляция к «народу» России, как отмечают аналитики, служит для ЕС способом подчеркнуть универсальность

---

⁶⁸ Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40(2). – P. 236.

⁶⁹ Pavlova E.B. Resilience in EU Discourse: A New Norm in Relations with Russia? // Russia in Global Affairs. 2019, December 25. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/resilience-in-eu-discourse-a-new-norm-in-relations-with-russia/> (accessed 22.04.2022).

⁷⁰ Павлова Е., Романова Т. Идею соперничества или «треш-дискурс»? «Нормативная сила Европы» vs «Россия как великая держава» // Россия в глобальной политике. 2014. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/idejnoe-sopernichestvo-ili-tresh-diskurs/> (дата обращения 22.04.2022).

⁷¹ Михайленко В. Факторы, влияющие на динамику отношений Россия – ЕС: ценности, интересы и геополитика // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2023. №70 (86). – С. 59.

продвигаемых норм – якобы эти ценности разделяются обычными людьми, их стремление «вернуться в семью европейских народов»⁷². В то же время российские элиты и руководство изображаются как воплощение негодных ценностей, препятствие на пути гармонии Евразии. Подобное расщепление образа призвано и оправдать политику ЕС: с одной стороны, пытаться сдерживать РФ (санкции, изоляция), с другой – протягивать руку «другой России», которую ЕС надеется когда-нибудь видеть разделяющей европейские нормы⁷³.

Исследователь С. Саурруггер в рамках конструктивистских подходов к европейской политике, как внутренней, так и внешней, выделяет дискурсивный институционализм. Ключевой акцент в нем ставится на роли дискурса как носителя идей, влияющих на легитимацию политик. Политика ЕС объясняется через то, как идеи артикулируются, распространяются и становятся частью институционального языка⁷⁴. Проблема осмысления и понимания влияния сложности вопросов разработки внешнеполитической стратегии ЕС в данном случае решается путем концентрации на дискурсах акторов. Дискурсивный институционализм – это скорее метод исследования, чем концептуальная структура: он пытается измерить, как мировоззрения, идеи, коллективное понимание влияют на результаты политики. Проблема, с которой сталкивается этот подход, двоякая: определить, действительно ли дискурс может быть независимой переменной; и провести различие между идеями и стратегиями. Как и в случае с социологическим институционализмом, установление причинно-следственных связей между различными явлениями чрезвычайно сложно. Таким образом, решение, предлагаемое дискурсивным институционализмом,

---

⁷² Russel M. The EU's Russia policy: Five guiding principles // European Parliament. Directorate-General for Parliamentary Research Services. 2016, October 16. URL: <https://epthinktank.eu/2016/10/19/the-eus-russia-policy-five-guiding-principles/#:~:text=In%20March%202016%2C%20EU%20foreign,people%20contacts> (accessed 24.04.2022).

⁷³ EU will continue to support Russian civil society // Delegation of the European Union to the Russian Federation. 2023, November 2. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/eu-will-continue-support-russian-civil-society_en?s=177 (accessed 10.12.2023).

⁷⁴ Saurugger S. Constructivism and public policy approaches in the EU: from ideas to power games // Journal of European Public Policy. 2013. Vol. 20(6). – P. 888-906.

заключается в том, чтобы сосредоточиться на корреляциях между переменными, а не настаивать на причинности⁷⁵.

Конструктивизм в ЕС ярко проявляется в построении образа «европейских ценностей» как обоснование внешнеполитических инициатив, распространение норм (например, демократии и прав человека) как часть «нормативной силы» и объяснении расхождений в позициях государств-членов ЕС через их различные когнитивные рамки, а не только через национальные интересы. Как отмечает Дж. ДеБарделебен, Россия воспринимает эти нормы как угрозу суверенитету и стремится деконструировать их через концепт «суверенной демократии». Оба актора скрывают свои интересы под языком норм: ЕС маскирует интересы под моральные ценности, а Россия (например, приоритет государственности) — под понятием «национальных интересов»⁷⁶. Также ЕС работает в логике многоуровневого институционального управления, сетевого взаимодействия и субсидиарности, а Россия — в логике иерархического, вертикального государства, где внешняя политика централизована. Эти различия создают институциональный и когнитивный разрыв в понимании правил взаимодействия акторов и возникновение дискурса «свой-чужой» по типу управления.

При этом ЕС, согласно мнению И. Мэннерса, буквально «заперт» в собственной идентичности, так как отказ от собственной трансформирующей власти на мировой арене равен отказу от образа себя и своей природы⁷⁷. При этом с этим спорит В. Морозов, утверждая, что для ЕС крайне важно проецирование своей власти и ценностей во внешний мир, так как он потерял уникальность и трансформирует свою идентичность в зависимости от мировых событий⁷⁸. С этим согласна М.В. Стрежнева с опорой на идеи Вендта, говоря о том, что «поскольку восприятие каждым актором самого себя здесь поставлено в зависимость от жестов и поступков другого, или других, а интересы актора не

---

⁷⁵ Schmidt V., Radaelli C. Conclusions // *West European Politics*. 2004. Vol. 27(2). – P. 364–279.

⁷⁶ DeBardeleben J. Applying constructivism to understanding EU–Russian relations // *International Politics*. 2012. Vol. 49. – P. 422.

⁷⁷ Manners I. *Op. cit.* – P. 238.

⁷⁸ Морозов В. Европа: ориентация во времени и пространстве // *Россия в глобальной политике*. 2008. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_10944 (дата обращения 25.04.2022).

существуют вне взаимодействия с другим(и)»⁷⁹, внешняя политика ЕС вполне может быть объяснена через конструктивистские положения о выстраивании идентичности «отталкиваясь» от других и выступая как отражением, так и противоположностью.

Таким образом, конструктивизм акцентирует внимание на нормативных и идентичностных основаниях внешней политики, что делает его особенно релевантным для анализа ЕС. В отличие от традиционных государств, внешняя политика ЕС строится не только на геополитических интересах, но и на ценностных ориентирах: демократия, права человека, верховенство права. Эти нормы являются частью самоконструируемой идентичности ЕС как «нормативной силы». Конструктивизм позволяет объяснить, как различные уровни и субъекты ЕС конструируют внешнеполитические смыслы, взаимодействуя друг с другом через дискурс, идеи и нормы. ЕС не имеет окончательно сформированной внешнеполитической идентичности: она меняется в зависимости от контекста, темы, партнера, что заметно при ретроспективном анализе в рамках исследования. Соответственно, конструктивизм рассматривает идентичность как процесс, а не как данность — это дает гибкую аналитическую рамку для понимания эволюции позиций ЕС во внешнеполитической сфере.

1.2. Особенности политико-текстологического анализа как метода исследования

Методология анализа политических текстов является одним из наиболее старых методов в науке. К.Ю. Аласания отмечает, что еще в «Риторике» Аристотеля (ок. 355 г. до н.э.) предпринимается попытка проанализировать политический текст. Аристотель использовал риторический подход к анализу

---

⁷⁹ Стрежнева М.В. Методологические аспекты в изучении внешней политики и глобальной роли Европейского союза // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. – С. 37.

политических текстов, который подразумевает оценку речевого воздействия текста на аудиторию⁸⁰. Политический текст в этом случае рассматривается как средство воздействия. Риторические приемы анализа политического текста используются политологами и сейчас, хотя и со значительными изменениями. Риторический метод анализа считается классическим в политологии.

А.М. Кучинов среди базовых методов работы с политическими текстами также называет традиционные неформализованные методы – внешняя (форма) и внутренняя (содержание) критика текстов, кодирование, техника конденсации смысла. Содержание этих методик можно свести к формулировке центральных мыслей изучаемого текста⁸¹.

Метод анализа политических текстов анализировали многие российские и западные политологи. В отечественной науке можно отметить А.Г. Алтуняна, который является автором учебного пособия об анализе политических текстов. В этой работе идет речь о политическом анализе на нескольких уровнях – уровне прямого слова, об анализе использованных средств и приемов, анализе идей и предпосылок⁸². А.Г. Алтунян описывает основные этапы риторического анализа текста.

Методам анализа политического текста в российской политологии посвящены различные конференции. В 2013 г. в МГУ прошла конференция «Политика в текстах — тексты в политике: Наука истории идей и учений», во время которой обсуждались различные проблемы политических текстов, в том числе проблемы методологии⁸³. Семинары МГУ о политической текстологии отличаются регулярностью. О методах работы с политическими текстами также писали К.Ю. Аласания, А.М. Кучинов, К.М. Андресон, А.А. Ширинянц, А.А. Маркович и многие другие.

---

⁸⁰ Аласания К.Ю. Методы анализа политического текста // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. №1. – С. 2.

⁸¹ Кучинов А.М. Подходы и методики для исследования текстов и дискурса в политологии: опыт классификации // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. – С. 82.

⁸² Алтунян А.Г. Анализ политических текстов: учебное пособие. М.: Логос, 2014. – С. 47.

⁸³ Андресон К.М. и др. Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – С. 91-127.

В зарубежной политологии методам анализа политических текстов посвящена монография под редакцией Л. Курины и Р. Францесе. В этой работе представлена классификация политических текстов, а также основные методы работы с ними. Л. Курины и Р. Францесе прослеживают возникновение и развитие отдельных методов анализа (например, контент-анализ)⁸⁴.

В трудах зарубежных политологов можно обнаружить обобщение и оценку новейших методов анализа. Дж. Гриммер и Б.М. Стюарт оценивают перспективы автоматизированных методов анализа текста, которые позволяют исследовать большие объемы документов⁸⁵. Кроме того, о методах анализа политических текстов писали Б. Харли, Н. Филиппс, С. Харди и многие другие.

Особенность политической текстологии заключается в работе с содержанием и смыслом текста, а не просто с его внешней формой. Методы анализа текстов подразумевают, что исследователь может работать как со всем массивом информации, так и с частью документа. Анализ текста, особенно при обнаружении различных вариантов и чтений, проводится не в изоляции для восстановления оригинального авторского текста, а с учетом соответствующего контекста и с целью изучения всех этапов его развития (при наличии последующих документов). Каждое изменение в тексте рассматривается в связи с сопутствующими изменениями в других его частях. Взаимосвязь между отдельными изменениями текста исследуется через общее понимание личности его создателя (автора, соавторов и редакторов, а в контексте исследования – личностей политиков) – их идей, убеждений, психологии, художественных предпочтений и т. д.⁸⁶ При этом существуют различные подвиды этого метода, различающиеся в подходе к анализу текстов.

В США и во Франции во второй половине XX в. оформляется такой метод анализа политических текстов как дискурс-анализ, сформулированный Г.

---

⁸⁴ The SAGE Handbook of Research Methods in Political Science and International Relations / Ed. by L. Curini, R. Franzese. Thousand Oaks: Sage Publications, 2020. – P. 467-523.

⁸⁵ Grimmer J., Stewart B.M. Text as data: The promise and pitfalls of automatic content analysis methods for political texts // Political analysis. 2013. Vol. 21. №. 3. – P. 267-297.

⁸⁶ Лихачев Д.С. Текстология. Краткий очерк. Москва – Ленинград: Издательство «Наука», 1964. – С. 6.

Лассуэллом и М. Фуко. Дискурс-анализ подразумевает, что язык является инструментом власти, а политический текст составляется из символов. Символы могут быть как понятны, так и непонятны обществу в зависимости от того, какие отношения власть хочет установить с обществом. Расшифровав символы текста, можно понять специфику политической системы государства. Во французском дискурс-анализе придерживаются идеи о том, что любой публичный текст является политическим, так как граждане могут придать ему политическое значение⁸⁷.

Массивы текстов – дискурсы – несут в себе новые идеи и практики, которые меняют окружающую реальность. Дискурс-анализ сконцентрирован на изучении социальных явлений посредством анализа языковых средств политических документов. Придерживающиеся дискурс-анализа политологи стараются понять, как при помощи языковых средств была создана социальная реальность. Эта особенность придает дискурс-анализу большую глубину в сравнении с другими методами анализа, так как они направлены непосредственно на изучение социальной реальности⁸⁸.

Дискурс-анализ является постоянно развивающимся методом анализа текстов. Так сейчас популярностью отличается критический дискурс-анализ, к представителям которого относят Н. Фрэкло, Р. Водак, Т. Ван Дейка и других. Сторонники критического дискурс-анализа считают, что исследование текстов помогает понять как властные отношения способствуют формированию ключевых социально-экономических проблем современности – неравенства, дискриминации, расизма и т.д.⁸⁹. С другой стороны, проведение любого дискурс-анализа подразумевает критичность.

Еще одним сформированным во второй половине XX в. методом политического анализа стал метод контент-анализа, основателями которого являются Г. Лассуэл, П. Лазерсфельд, Б. Берельсон. Первоначально контент-

---

⁸⁷ Аласания К.Ю. Указ. соч. – С. 3-4.

⁸⁸ Hardy C., Harley B., Phillips N. Discourse analysis and content analysis: Two solitudes // Qualitative methods. 2004. Vol. 2. №. 1. – P. 19.

⁸⁹ Аласания К.Ю. Указ. соч. – С. 5.

анализ был направлен на поиск и подсчет определенных слов в политическом тексте. Большинство политологов выделяют количественный или статистический и качественный контент-анализ. Количественный контент-анализ направлен на подсчет категорий, тогда как качественный – на поиск содержательных связей⁹⁰. Дж. Гриммер и Б.М. Стюарт выделяют автоматизированные методы контент-анализа политических текстов в отдельную группу. Сторонниками использования автоматизированных методов анализа являются такие политологи как Д. Хопкинс, Г. Кинг, К. Бенойт и многие другие. Автоматизированные методы, так же, как и «ручной» контент-анализ, опираются на статистические данные⁹¹. Автоматизированный контент-анализ не может быть качественным, а только количественным.

А.М. Кучинов выделяет следующие уровни контент-анализа: 1) синтаксический (работа с синтаксическими структурами – словами и предложениями); 2) семантико-синтаксический (значение текста через синтаксические структуры); 3) семантический (работа со значениями); 4) прагматико-синтаксический (определение связи между синтаксисом и воздействием текста на аудиторию); 5) семантико-прагматический (соотношение воздействия текста на аудиторию с используемыми словами и предложениями); 6) прагматический (работа с прагматическими структурами, влияющими на восприятие текста)⁹². С повышением уровня происходит усложнение контент-анализа. Контент-анализ часто определяют как количественно-качественный метод исследования.

Для данного исследования особенно интересен качественный контент-анализ — метод систематического изучения текстов, направленный на интерпретацию смысла, контекста и латентного содержания. Качественный подход отвечает на вопрос, как и в каком контексте конструируется значение,

---

⁹⁰ Кучинов А.М. Указ. соч. – С. 81.

⁹¹ Hopkins D.J., King G. A Method of Automated Nonparametric Content Analysis for Social Science // *American Journal of Political Science*. 2010. Vol. 54. No. 1. – P. 229-247.

⁹² Кучинов А.М. Указ. соч. – С. 81.

при этом отслеживание количества упоминаний служит скорее дополнительной опорой, а не основой для анализа.

Ключевые характеристики качественного контент-анализа:

- анализируется не только явное (манифестное) содержание текста, но и латентное — подтексты, импликации, умолчания
- категории могут формироваться индуктивно, то есть непосредственно из материала, а не только задаваться заранее
- интерес представляет не только то, что сказано, но и то, как это сказано и что намеренно обходится стороной
- результат — интерпретативная модель смыслового устройства корпуса текстов.

В ходе исследования формулируются категории анализа. При дедуктивном подходе они задаются теоретически заранее — например, из конструктивистской теории выводятся категории «идентичность», «угроза», «нормативная рамка». При индуктивном подходе исследователь сначала читает тексты и выводит категории из самого материала. На практике сочетаются оба подхода: базовые категории задаются теорией, а более тонкие подкатегории возникают в процессе работы с текстом. Фрагменты текста кодируются и систематически соотносятся с категориями. Исследователь не просто «метит» фрагмент, но фиксирует контекст: какое значение несет данная единица именно в этом месте текста, в сочетании с какими другими элементами, в каком документе. На основе закодированного материала строятся интерпретативные выводы: какие категории оказываются устойчивыми и сквозными, какие появляются только в определенных типах документов, как меняются формулировки со временем.

Качественный контент-анализ и конструктивизм образуют методологически органичную пару, поскольку разделяют общий взгляд на природу политической реальности. С точки зрения конструктивизма политические акторы не просто действуют, а интерпретируют, называют, классифицируют других акторов и тем самым воспроизводят или трансформируют структуру международных отношений. Так, если

официальный документ называет другое государство «агрессором» или «угрозой безопасности» — это не просто описание факта, а акт конструирования: наименование создает определённую рамку восприятия, легитимирует конкретные ответные действия и делает другие действия недопустимыми. Качественный контент-анализ позволяет зафиксировать, какие именно языковые конструкции выполняют эту функцию и как устойчиво они воспроизводятся. Бинарность «свой-чужой», исследованная Карлом Шмиттом⁹³ и впоследствии переработанная в конструктивистской традиции, проявляется в текстах как система противопоставлений, умолчаний и оценочных квалификаций. Качественный контент-анализ позволяет реконструировать эту систему.

Более того, качественный анализ корпуса документов во времени позволяет зафиксировать, в какой момент и каким образом менялся способ говорить о конкретном акторе или событии — например, как переход от формулировок «партнёр» к «угроза» в официальных документах ЕС отражает реальную трансформацию нормативной рамки, а не просто смену риторики.

Методы анализа политических текстов могут предполагать работу с устными источниками (интервью и выступления), так как при этом все равно идет работа со структурой языка. Методы анализа политических текстов используются при работе с аудиофайлами и видеозаписями. Указанные методы способствовали формированию новой научной и учебной дисциплины — политической текстологии. Политическая текстология отличается прикладным характером и представляет собой науку о «поиске, добывании, получении и использовании политической информации» в учебных или научных целях. Политическую текстологию также можно трактовать как науку, «истолковывающую, разъясняющую, осмысливающую политические тексты и заложенную в них информацию»⁹⁴.

Политическая текстология занимается анализом политических текстов и призвана ответить на следующие вопросы: как в политических текстах

---

⁹³ Sartori G. The essence of the political in Carl Schmitt // Journal of Theoretical Politics. 1989. Vol 1. – P. 65.

⁹⁴ Андерсон К.М. Указ. соч. – С. 98.

отражается общественное сознание, как общество реагирует на политические тексты, как политические тексты демонстрируют мировоззрение и политическую культуру своих создателей и т.д. Политическая текстология тесно связана с другими научными дисциплинами – политической историей, политической философией, историей политической мысли и т.д.⁹⁵. В России политическая текстология в качестве учебной дисциплины начала преподаваться в МГУ.

К.Ю. Аласания обобщает существующие в политологии методы анализа политического текста, разбивая их на две группы. Во-первых, это собственно лингвистические методы, а именно «морфологический, синтаксический, семантический, фоносемантический анализ». Во-вторых, это междисциплинарные методы, которые сформировались несколько позже: «контент-анализ, интент-анализ, нарративный анализ, дискурс-анализ»⁹⁶. Методы анализа политических текстов также можно разделить на количественные и качественные. В большинстве случаев методы анализа являются качественными – дискурс-анализ и т.д.

В контексте данной работы хотелось бы уделить особое внимание дискурс-анализу и его институциональному подтипу, так как для выполнения задач исследования необходимо выделить образы и нарративы, присутствующие в политических текстах ЕС, на что как раз направлен данный метод исследования. Как объясняют ученые-политологи А. Джаровски и Н. Купланд, дискурс-анализ — это метод изучения «взаимодействия между языком и социальными процессами»⁹⁷. Слово рассматривается как тип социального действия, отражающего открытые и скрытые мотивы говорящего/пишущего, которое анализируется с помощью лингвистики, критического анализа, политического контекста и других инструментов.

---

⁹⁵ Андерсон К.М. Указ. соч. – С. 116-117.

⁹⁶ Аласания К.Ю. Указ. соч. – С. 1.

⁹⁷ Jaworski A., Coupland N. Op. cit. – P. 41.

Институциональный дискурс-анализ основывается на предположении, что институты и организации создают свой собственный тип языка и коммуникации, которые помогают создавать конкретную социальную реальность⁹⁸. Важность международных институтов, таких как ЕС, заключается в том, что посредством выступлений или текстов они могут продвигать свою позицию и разъяснять свою точку зрения по различным вопросам, которые могут вызывать интерес у гражданского общества, например, роль ЕС в мире, актуальные политические процессы и др. Дискурс также можно назвать основой существования институтов. Это «формирует их ощущение того, кто они есть» из-за сосредоточения внимания на конкретных вопросах их функционирования⁹⁹. Это перекликается с конструктивистским видением международных процессов в том смысле, что акторы сами для себя определяют картину мира и определяют категории «своих» и «чужих» с помощью формирования конкретных образов и представлений о других участниках международных отношений.

Для дискурс-анализа характерны понятия «паттерн», которое можно использовать как синоним к нарративу, что является функцией в анализе, и «структура», что является формой. Структурой может являться конкретный текст или комплекс текстов, содержащий в себе определенные смыслы, вложенные туда автором¹⁰⁰. Макроструктурами являются темы – например, документы, связанные с оборонной политикой ЕС. Выделение паттернов в рамках структур помогает определить ключевые аспекты восприятия политических процессов авторами политических текстов и, соответственно, участниками международных отношений, в данном случае – ЕС. Институциональный дискурс-анализ в данном случае интересен тем, что политический контекст формируется множеством организаций и официальных лиц, которые представляют собой единый актор международных отношений.

---

⁹⁸ Mayr A. Op. cit. – P. 757.

⁹⁹ Mumby D., Clair R.D. Op. cit. – P. 181.

¹⁰⁰ Diaz-Bone R. et al. The Field of Foucaultian Discourse Analysis: Structures, Developments and Perspectives // Historical Social Research / Historische Sozialforschung. 2008. Vol. 33. No. 1(123). – P. 16.

В случае ЕС многие эксперты отмечают, что у интеграционного объединения и его органов выработался свой «еврократский» диалект (слэнговый термин-сокращение от фразы «европейские бюрократы»)¹⁰¹. В официальных документах ЕС встречаются характерные только для Союза термины, фразы и речевые обороты, что интересно для изучения в контексте анализа определенных структур, например, текстов по конкретной тематике, что будет рассмотрено далее в работе.

Как отмечает Т.А. ван Дейк, политический дискурс может зависеть от предвзятых контекстов, так как политические акторы интерпретируют события как субъективные ментальные модели и основываются на общих групповых убеждениях, которые контролируются правительствами в рамках определенной идеологии¹⁰². Общая стратегия управления структурами дискурса основана на поляризации группы «нас» и «чужих»: подчеркиваются «наши» хорошие качества и «их» плохие качества, и одновременно смягчаются «наши» негативные факторы и «их» позитивные¹⁰³. Здесь можно заметить, что это во многом перекликается с основами конструктивизма по А. Вендту, упомянутыми ранее¹⁰⁴. Анализ текстов на паттерн «свой-чужой» применим ко многим аспектам внешней политики ЕС, что доказали Л. Божитт, Я. П. Ж. Ришар и Ф. Жерин-Пас. В своей научной работе говорят о том, что анализ политических текстов ЕС в контексте влияния ЕС в странах Восточного партнерства и формирования «акторности» в данных международных отношениях является продуктивным методом исследования для определения стран наибольшего идеологического присутствия ЕС¹⁰⁵. Они отметили «размывание» границ ЕС и Партнерства в документах ЕС и подчеркнутую «институциональную близость» со странами Партнерства, даже если они были далеки от нее фактически, четко определяя их

---

¹⁰¹ How Brussels sprouted its own unique dialect // The Economist. 2022, November 10 URL: <https://www.economist.com/europe/2022/11/10/how-brussels-sprouted-its-own-unique-dialect> (accessed 12.12.2022).

¹⁰² Van Dijk T.A. Ideology and discourse analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11(2). – P. 124.

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Wendt A. Anarchy... Op. cit. P. 400.

¹⁰⁵ Beauguette L., Richard Y.P.G., Guérin-Pace F. The EU and Its Neighbourhoods: A Textual Analysis on Key Documents of the European Neighbourhood Policy // Geopolitics. 2015. Vol. 20. No. 4. – P. 854.

в категории «своих»¹⁰⁶. Авторы ссылаются на фундаментальную работу Н. Фэркло о критическом дискурс-анализе и приводят цитату о том, что анализ текстов позволяет подробно изучить «видимые и скрытые структурные связи доминирования, дискриминация, власти и контроль, возникающие в дискурсе» и «идеологизацию [текстов] властными отношениями или попытками обрести власть»¹⁰⁷.

В рамках конструктивистского подхода также существует понятие фрейминг, схожее с паттернами, но также включающее в себя коммуникационный аспект, в том числе особенности современных СМИ. Фрейминг в контексте политической науки — это процесс конструирования и организации смысла, при котором определенные аспекты политической реальности выделяются, структурируются и подаются через специфические интерпретационные рамки (фреймы) для формирования восприятия и интерпретации событий у аудитории. Фрейминг задает, какие проблемы считаются значимыми, какие причины и последствия подчеркиваются, а какие игнорируются, таким образом направляя общественное мнение и легитимируя определенные политические решения и курсы. В политической коммуникации фрейминг используется для закрепления выгодных нарративов, формирования идентичностей («свой — чужой»), оправдания внешнеполитических стратегий и мобилизации поддержки.

Э. Гоффман в классическом труде «Анализ фреймов» обозначил фрейминг как «схемы интерпретации» информации в зависимости от необходимого смысла и подачи¹⁰⁸. Впервые данный термин был использован в прикладном анализе Т. Гитлином в книге «Весь мир смотрит: Роль средств массовой информации в создании и разрушении новых левых»¹⁰⁹. Он описал фрейминг как «постоянный отбор, акцентирование и исключение» информации в целях,

---

¹⁰⁶ Beauguitte L., Richard Y.P.G., Guérin-Pace F. P. 855.

¹⁰⁷ Fairclough N. Critical Discourse Analysis and the Commodification of Public Discourse // Discourse and Society. 1993. Vol. 4. No. 2. – P. 135.

¹⁰⁸ Goffman E. Frame analysis: An essay on the organization of experience. Harvard: Harvard University Press, 1974. – 306 p.

¹⁰⁹ Gitlin T. The Whole World is Watching: Mass Media in the Making & Unmaking of the New Left. Berkley: University of California Press, 1980. – 327 p.

которые преследует актер передачи информации. П. Чжундан и Г.М. Косики, которые подошли к фреймингу с точки зрения социологического подхода, утверждают, что фрейминг можно изучать как стратегию построения и обработки новостного дискурса или как характеристику самого дискурса и выделяют понятие «новостной дискурс», то есть передача новостей, который может определяться различными СМИ, включая государственные¹¹⁰. В зависимости от нарратива того или иного источника информации (консервативные или либеральные правительства, локальный или глобальный акцент), политическое сообщение может иметь определенный обработанный смысл, переданный соответствующей аудитории с помощью современных аудиовизуальных технологий. Таким образом, сообщения принимаются целевой аудиторией как здравый смысл или общепринятая мудрость, чего ЕС активно добивается путем передачи сообщений через подконтрольные СМИ и государственные блоги.

В этом контексте фрейм-анализ отличается от нескольких альтернативных подходов к новостным текстам, хотя и во многом заимствует их. Во-первых, в отличие от традиционного подхода к контент-анализу, фрейм-анализ не рассматривает тексты новостей как психологические стимулы с объективно определяемыми значениями¹¹¹; скорее, он рассматривает новостные тексты как коммуникации, состоящие из организованных символических устройств, которые будут взаимодействовать с памятью отдельных агентов для построения смысла. Во-вторых, фрейм-анализ не ограничивается структуралистским подходом к новостному дискурсу, свободным от содержания¹¹². Скорее, он принимает дискурс как предположение об управляемой правилами природе формирования текста, так и как многомерную концепцию новостных текстов, которая допускает когнитивные искажения как при производстве, так и при

---

¹¹⁰ Pan Z., Kosicki G. Framing analysis: An approach to news discourse // Political Communication. 1993. Vol. 10(1). – P. 55–75.

¹¹¹ Livingstone S. M. Making sense of television: The psychology of audience interpretation. Elmsford, NY: Pergamon Press, 1990. – 217 p.

¹¹² Van Dijk T. A. News as discourse. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1998. – 200 p.

потреблении новостей. В-третьих, достоверность фрейм-анализа не зависит от умелого чтения исследователями новостных текстов¹¹³. Скорее, он сохраняет систематические процедуры сбора данных новостных текстов для выявления значащих элементов, которые могут быть использованы членами аудитории. Наконец, фрейм-анализ отличается от своего ближайшего концептуального союзника — работы У. Гамсона о новостном дискурсе¹¹⁴ — тем, что он не предполагает наличие фреймов в новостных текстах независимо от читателей текстов.

Теоретики кембриджской школы истории понятий считают проблему аргументации в политическом дискурсе одной из ключевых в исследовании политических идеологий. Основываясь на методологии истории политической мысли, разработанной Д. Пококом и К. Скиннером, они придают особое значение интерпретации исторических текстов. Общепринятым у сторонников этой методологии является тезис, который утверждает, что политическая мысль всегда связана с историческими и другими контекстами, и поэтому нет фундаментальной разницы между политической философией и политической идеологией¹¹⁵.

Согласно Скиннеру, для правильного понимания текста необходимо восстанавливать его исторический контекст, и этот процесс никогда не может быть завершен простым анализом самого текста. Попытка изучать тексты в отрыве от их исторического контекста может привести к ошибкам и неправильной интерпретации, так как тексты всегда должны рассматриваться в связи с соответствующими временем и обстоятельствами. Скиннер также предостерегает от опасности применения современных парадигм к прошлым текстам и идеям. Это может привести к тому, что историк будет искажать смысл

---

¹¹³ Anderson D.C, Sharrock, W.W. Biasing the news: Technical issues in "media studies" // *Sociology*. 1970. Vol. 13. – P. 367-385.

¹¹⁴ Gamson W.A. A constructionist approach to mass media and public opinion // *Symbolic Interaction*. 1988. Vol. 11. – P. 161-174.

¹¹⁵ Pocock J. G. A. *Political Thought and History. Essays on Theory and Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 298 p.; Skinner Q. *The Rise of Challenge to and Prospects for a Collingwoodian Approach to the History of Political Thought* // *The History of Political Thought in National Context* / Ed. by Castiglione D. and Hampsher-Monk I. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 176-177.

и контекст прошлого, заменяя его «мифологиями» или иными непригодными для понимания терминами¹¹⁶. Таким образом, важность изучения текстов в их историческом контексте подчеркивается как ключевой аспект при анализе политических идеологий, чтобы избежать искажений и ложных интерпретаций.

Следует подчеркнуть, что идеологический контекст может быть определен только в контекстуально-вариативных структурах речи или текстов. Очевидно, что базовые грамматические конструкции не могут быть идеологически маркированы, потому что они одинаковы для всех носителей языка и, соответственно, нейтральны. Однако среди исследователей ведутся споры, действительно ли некоторые грамматические особенности являются нейтральными: так, метафоры, гиперболы или эвфемизмы часто используются, чтобы подчеркнуть или преуменьшить политические факты и сформировать определенные образы¹¹⁷.

Так, А. И. Волошин утверждает, что «политические тексты интенционно предполагают постулирование некоторого желательного (с точки зрения их авторов или коммуникаторов) способа общественного управления», отражая политические дихотомии (противоположные взгляды) с помощью различных выразительных средств языка на пересечении сферы политики и «текстосферы»¹¹⁸. Он выделяет целую систему параметров политических текстов по нескольким измерениям, оценивая содержание и выражение смыслов в тексте (см. Приложение 2):

- Субъектное
- Профессиональное
- Гомеостатическое
- Объектное
- Мотивационное

---

¹¹⁶ Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics / Ed. by Tully J. Cambridge: Polity, 1988. – P. 32.

¹¹⁷ Musolf A. The Study of Metaphor as Part of Critical Discourse Analysis // Critical Discourse Studies. 2012. Vol. 9(3). – P. 305.

¹¹⁸ Волошин А.И. Многомерный анализ политической текстосферы в рамках политической текстологии // Электронный Вестник Московского государственного областного университета. 2014. №4(2). URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/845/842> (дата обращения 03.06.2022).

- Информационное
- Деятельностное
- Рефлексивное
- Инструментальное
- Эксплуатационное

Данная аналитическая структура охватывает практически все аспекты содержания и контекстов политических текстов и, несомненно, вносит вклад в исследования в области политической текстологии.

Рассмотрим какие преимущества и недостатки есть у методов анализа политических текстов. Политические тексты играют важнейшую роль в политической жизни общества, поэтому их анализ помогает ответить на наиболее важные вопросы, стоящие перед политологией как наукой. Методы анализа политических текстов позволяют охватить сразу же большую группу источников, которые относятся к различным темам.

К преимуществам политико-текстологического анализа относится учет контекста¹¹⁹. При анализе политического текста авторы уделяют внимание тому, кем был создан текст, в каких социальных, экономических и политических условиях, на какую аудиторию он был направлен и многое другое. В итоге анализу подвергается не только сам текст, но и событийная составляющая. Как отмечают М. Лавер, К. Бенуа и Дж. Гэрри, политические тексты — это «побочный продукт» стратегической политической деятельности, который имеет общепризнанный потенциал для раскрытия важной информации о политической позиции их авторов¹²⁰. Анализируемые тексты могут отражать коллективные позиции таких акторов, как правительства, рабочие группы парламентов, политические партии, отдельные политические лидеры, авторы законов и др.

---

¹¹⁹ Кучинов А.М. Указ. соч. – С. 82.

¹²⁰ Laver M., Benoit K., Garry J. Extracting Policy Positions from Political Texts Using Words as Data // The American Political Science Review. 2003. Vol. 97. No. 2. – P. 311.

К примеру, британские исследователи А. Бунеа и Р. Ибенкас подчеркивают, что анализ политических текстов является эффективным способом анализа групп интересов и лоббистов в рамках ЕС¹²¹. Благодаря наличию полных и открытых данных на сайтах органов управления ЕС, четкой репрезентации позиций различных политических агентов в документах ЕС и наличию подробного контекста, документы ЕС могут быть качественно и количественно проанализированы на предмет превалирующей позиции. При этом они выделяют 4 условия для политико-текстологического анализа применимо к ЕС:

1. Используемый метод анализа должен соответствовать размеру исследуемого политического пространства;
2. Анализ требует, чтобы анализируемые тексты предоставляли информацию о соответствующих измерениях (областях) политики;
3. Тексты должны быть результатом одного и того же процесса генерации данных: они должны быть созданы в аналогичных институциональных/организационных средах, написаны схожими типами акторов, быть направлены на схожую коммуникацию и преследовать схожие цели, иметь схожую терминологию;
4. Анализируемые тексты должны быть сопоставимы с точки зрения процесса генерации данных, написаны на одном языке и для одной и той же аудитории (т. е. избирателей, законодателей и т. д.)¹²².

Одним из значимых преимуществ метода анализа политических текстов является многообразие его приемов. К.Ю. Аласания отмечает многообразие методов анализа политических текстов, при помощи которых можно исследовать язык, мышление, культуру и общество в целом¹²³. Различные приемы базируются на разных теоретических идеях, благодаря чему политолог может выбрать наиболее подходящий задачам его исследования. П. Шварц-Ши и Д. Янов

---

¹²¹ Bunea A., Ibenskas R. Quantitative text analysis and the study of EU lobbying and interest groups // *European Union Politics*. 2015. Vol. 16. No. 3. – P. 430.

¹²² Bunea A., Ibenskas R. Op. cit. – P. 433.

¹²³ Аласания К.Ю. Указ. соч. – С. 5.

подчеркивают, что анализ ряда текстов в политическом контексте позволяет рассматривать эти тексты как определенный жанр и подмечать особенности, которые в дальнейшем могут быть использованы для рефлексии над смыслами и нарративами текстов¹²⁴. Соответственно, адаптация политических текстов и выделение из них смыслов и является реализацией политической науки – изучение, систематизация и объяснение.

Среди недостатков метода анализа политических текстов стоит отметить то, что он направлен на работу только с текстовыми источниками. Дискурс-анализ неоправданно большое значение придает текстам. Социальная реальность рассматривается исключительно через призму текстовых источников, а не иных факторов.

Методы анализа политических текстов отличаются большой субъективностью, за исключением контент-анализа. Работая с текстом, политологи все равно отражают свое собственное восприятие прочитанного, оценку высказываемых автором текста идей и т.д. Степень субъективности анализа зависит от автора исследования.

Ограниченность использования является главным недостатком отдельных методов анализа политического текста. Когнитивный подход концентрирует свое внимание на метафорах, которые являются значимой составляющей политических текстов. Однако, политический текст не может состоять из одних метафор, а иногда метафоры и вовсе могут отсутствовать в тексте.

Развитие интереса к политической метафоре в рамках методов исследования политического текста в последние годы объяснялось не только общими научными трендами, но и активным развитием новых методов политической коммуникации, в том числе через СМИ и блоги. Теоретики когнитивной лингвистики, такие как Дж. Лакофф и М. Джонсон, предложили новый взгляд на метафору («понимание и переживание сущности одного рода

---

¹²⁴ Schwartz-Shea P., Yanow D. 'Reading' 'Methods' 'Texts': How Research Methods Texts Construct Political Science // Political Research Quarterly. 2002. Vol. 55. No. 2. – P. 458.

через сущность другого рода»¹²⁵), что существенно изменило понимание её природы¹²⁶. К тому же, влияние внелингвистических факторов усиливает интерес к языку политики со стороны исследователей дискурса. Академики изучают выступления политиков, документы партий и движений, а также язык средств массовой информации. Это включает анализ языка на круглых столах, теледебатах, предвыборных выступлениях и агитационной литературе, включая использование в них метафор. В последние десятилетия также широко обсуждаются вопросы, связанные с речевым воздействием. Риторика переживает свое воскрешение в античных традициях, и важная связь метафоры с политикой проявляется через область политической аргументации¹²⁷. Среди известных политических метафор можно назвать «Родина-мать» и «отец народов», использовавшиеся в СССР и обозначенные исследователем Э. Лассан как «семейные метафоры», имевшие цель сплотить советское общество и отвлечь от проблем в обществе того времени¹²⁸.

Политическая метафора является многомерным понятием, способным отразить культуру, социальный контекст, властные отношения в исследуемой политической системе. Однако данные свойства метафоры могут усложнить ее восприятие и требуют обширного контекста, что часто препятствует корректной интерпретации политического сообщения. Более того, следует учитывать и особенности анализа текстов на языке, отличном от родного языка исследователя (как происходит и в случае данной работы). Так, Ж.С. Алтынбеков говорит о том, что уровень метафорической составляющей текста, а также процентное соотношение когнитивной (основной), оперативной и эмоциональной информации в текстах на различных языках отличаются, что следует учитывать для интерпретации зарубежных политических текстов¹²⁹. Например, в текстах на

---

¹²⁵ Скребцова Т.Г. Современные исследования политической метафоры // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 9. Выпуск 1. – С. 36.

¹²⁶ Лакофф М. Джонсон. М. Метафоры, которыми мы живем. М: URSS, 2004. – 256 с.

¹²⁷ Guillem S.M. Argumentation, metadiscourse and social cognition: organizing knowledge in political communication // *Discourse & Society*. 2009. Vol. 20. No. 6. – P. 728.

¹²⁸ Лассан Э. Р. Об истории как тексте, метафорах истории и следствиях из них // Политическая лингвистика. 2020. №5 (83). – С. 206.

¹²⁹ Алтынбеков Ж.С. Перевод политического дискурса: текстологические аспекты // Центрально-Азиатский Журнал Переводоведения. 2018. №4(1). – С. 3.

английском языке часто используются фразеологизмы и культурные отсылки, которые необходимо знать и понимать, а также «прецедентные феномены» – фразы, ставшие популярными, такие, как *evil empire* (империя зла) Рональда Рейгана¹³⁰.

Отдельно стоит сказать о недостатках автоматизированных методов анализа текстов, которые используются еще не так активно, как более традиционные методы. Дж. Гриммер и Б.М. Стюарт считают, что автоматизированные методы не могут полностью заменить те методы, анализ в которых производится непосредственно специалистом. Результаты автоматизированного анализа требуют дальнейшей проверки, так как компьютер не может обнаружить различные нюансы, особенности и исключения. Автоматизированный анализ отличается неточностью и не учитывает контекст, а также лингвистические особенности текста¹³¹. Более того, следует учесть, что политическая коммуникация эволюционирует, меняет свои формы, переходит в цифровой формат, укорачивается (в виде «твитов»¹³² и постов в социальных сетях) и даже превращается в картинки (в случае мемов)¹³³. Также автоматизированные и полуавтоматизированные методы не могут распознавать такие часто используемые приемы в политической коммуникации, как гротеск и ирония¹³⁴.

С. Харди, Б. Харли и Н. Филиппс считают, что разные методы анализа политического текста могут дополнять друг друга. Например, дискурс-анализ и контент-анализ, исходящие из абсолютно разных философских оснований¹³⁵. Использование нескольких методов анализа одновременно помогает справиться

---

¹³⁰ Алтынбеков Ж.С. Указ. соч. – С. 9.

¹³¹ Grimmer J., Stewart B. M. Op. cit. – P. 267.

¹³² Социальная сеть «Твиттер» (сейчас «X») заблокирована на территории РФ за неудаление информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Источник: <https://www.interfax.ru/russia/826411>.

¹³³ Лободенко Л.К. и др. Анализ репрезентации актуальной политической тематики в цифровых плакатах и интернет-мемах: оценка медиаэффектов с использованием айтрекинговых технологий // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2023. №1. – С. 97.

¹³⁴ Каличкина Т.И. Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации: дис. канд. фил. наук: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 73.

¹³⁵ Hardy C., Harley B., Phillips N. Op. cit. P. 21-22.

с недостатками одного метода за счет преимуществ другого. Выстраивать политологическое исследование исключительно на основе одного метода анализа текста является нецелесообразным.

Таким образом, метод анализа политических текстов берет свои истоки из эпохи античности. На данный момент в политологии используются следующие методы анализа политических текстов – риторический подход, когнитивный подход, дискурс-анализ, контент-анализ, ивент-анализ и некоторые другие. Многие исследователи выделяют текст как особый объект анализа с присущими ему особенностями, отличающихся от других качественных типов анализа. Преимуществами методов анализа является широта возможностей применения в исследованиях, учет контекста, многообразие групп методов. Недостатками являются субъективность методов, их ограниченность, иногда – неточность. Рекомендуется комбинировать несколько методов анализа, так как они дополняют друг друга.

Методы анализа политических текстов являются перспективными направлениями исследования в политологии, так как используют новые технологии и постоянно совершенствуются. Анализ текстов акторов международных отношений помогает выяснить их основные представления о международной среде, мотивы и цели в мировой политике. В данной работе качественный анализ официальных текстов ЕС с опорой на институциональный дискурс является основным методом исследования в связи с выражением идей и политической воли ЕС главным образом через политические документы и выступления. Это позволяет сделать выводы о формировании внешнеполитической стратегии ЕС и образа России в ней в перспективе с опорой на достоверные политические источники с учетом контекста и нарративов, выделяемых из текстов.

1.3. Доктринально-концептуальная основа формирования внешней политики ЕС

Деятельность Европейского союза основана на ряде основополагающих документов, принятых высшими органами управления интеграционного объединения – Европейской комиссией, Европейским парламентом и Советом ЕС. ЕС продолжает наследие интеграционных объединений XX века – Европейской организации угля и стали, Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) и Европейского экономического сообщества (ЕЭС), а также основные пункты универсальных документов ООН, связанных с деятельностью государства и правами человека¹³⁶. С течением времени документы ЕС дополнялись официальными коммюнике, повестками дня и специальными документами, однако ключевые основы политики ЕС остаются неизменными. Будучи высоко институционализированным и бюрократизированным объединением, ЕС вкладывает большой смысл именно в документы, выпускаемые от имени Союза, и создает через них свой институциональный язык и дискурс.

В данном разделе мы рассмотрим две группы документов для анализа основ внешней политики ЕС.

Общие документы:

- Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор) 1992 г.
- Амстердамский договор 1997 г.
- Лаакенская декларация 2001 г.
- Ниццкий договор 2003 г.
- Европейская стратегия безопасности 2003 г.
- Лиссабонский договор 2007 г.
- Договор о функционировании Европейского союза 2009 г.
(консолидированная версия – 2012 г.)

---

¹³⁶ Сумарокова Ю.В. Принцип социального государства в учредительных договорах Европейских Сообществ и ЕС // Евразийский Союз Ученых. 2015. №6(15). – С. 37.

- Глобальная стратегия ЕС 2016 г.

Документы, связанные с отношениями ЕС-Россия:

- Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.
- Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия-ЕС 2004 г.
- Совместное заявление саммита Россия-ЕС по «Партнерству для модернизации» 2010 г.
- Дорожная карта энергетического сотрудничества России и ЕС до 2050 г. 2013 г.

Анализ данных документов в исторической перспективе позволяет выделить основные тенденции ведения внешней политики ЕС, ее фундаментальные постулаты и принципы, а также изучить изменения в образе России для ЕС с течением времени.

Общие документы

Маастрихтский договор 1992 г., или Договор о Европейском союзе, содержит общие положения, касающиеся деятельности ЕС, принципов его внутренней и внешней политики, а также основных сфер взаимодействия стран-членов. Данный документ определил три фундаментальные «опоры» ЕС – европейские сообщества, общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) и сотрудничество в области правосудия¹³⁷. Что касается внешней политики, Маастрихтский договор определил два понятия – упомянутая выше ОВПБ и «общая европейская политика безопасности и обороны» (ОЕПБО) – по сути, основной формат международных отношений для ЕС, что подчеркивает исследователь ЕС М.Л. Энтин¹³⁸. В ст. 17 говорится: «Общая внешняя политика и политика безопасности включает все вопросы, относящиеся к безопасности Союза, в том числе и постепенное формирование общей оборонной

---

¹³⁷ The Maastricht and Amsterdam Treaties // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/en/FTU_1.1.3.pdf (accessed 10.02.2022).

¹³⁸ Энтин М.Л. Правовые основы внешней политики Европейского Союза // Московский журнал международного права. 2003. № 4. – С. 87.

политики...»¹³⁹. Цельный и комплексный наднациональный характер внешней политики ЕС стал необычным явлением в международной системе, долгое время существовавшей в реалистической концепции с ее фокусом на суверенитете и борьбе отдельных государств за выживание¹⁴⁰. Обратили внимание на Маастрихтский договор и исследователи международного права, наблюдавшие за развитием понятия «наднациональность» еще с Договора о ЕОУС – Европейского общества угля и стали¹⁴¹.

Полностью посвящен вопросам ОВПБ раздел V Маастрихтского договора. В данном разделе указаны следующие цели внешней политики ЕС:

1. Защита общих ценностей, фундаментальных интересов и независимости Союза;
2. Усиление безопасности Союза и его членов;
3. Сохранение мира и укрепление международной безопасности согласно Уставу ООН;
4. Развитие международного сотрудничества;
5. Развитие и консолидация демократия и верховенства права¹⁴².

В контексте институциональной организации и управления в данном разделе указано, что основные решения принимает Совет ЕС на основании деятельности других органов управления ЕС и руководителей стран-членов. Также указывается, что в ЕС назначается Верховный представитель по ОВПБ, что в современности стало по факту позицией руководителя Европейской службы внешних связей (ЕСВС), созданной в 2011 г.¹⁴³. Нельзя не отметить тот факт, что именно ценности и интересы идут первыми среди целей внешнеполитической деятельности ЕС, что демонстрирует ориентир на

---

¹³⁹ Treaty on European Union // Official Journal of European Communities. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A11992M%2FTXT> (accessed 10.02.2022).

¹⁴⁰ Smith M.E. A Liberal Grand Strategy in a Realist World? Power, Purpose and the EU's Changing Global Role // Journal of European Public Policy. Vol. 18. No. 2. – P 146.

¹⁴¹ Толстухин А.Э. О наднациональном характере Европейского союза // Московский журнал международного права. 1997. № 4. – С. 5.

¹⁴² Treaty on European Union. Op. cit.

¹⁴³ European External Action Service. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en (accessed 10.02.2022).

сплоченность Союза путем создания и поддержания общеевропейских, или даже именно «евросоюзных» ценностей, которые постепенно формировались в XX веке¹⁴⁴.

В контексте основ внешней политики ЕС необходимо отметить и роль страны-председателя Совета ЕС в системе внешней политики ЕС. В начале полномочий (длиной в шесть месяцев) государство определяет приоритеты своего председательствования. Глава страны-члена ЕС или премьер-министр, а также министр иностранных дел и другие политики в течение полугода по сути определяют главные направления ОВПБ, создают инициативы и проекты. При необходимости созывается собрание Совета ЕС.

Договор также установил общие правила международной экономической политики (статья 105), в том числе совместное обсуждение ключевых международных экономических вопросов и прекращение экономических отношений с третьими странами при необходимости (статья 228а). Поднимался и вопрос единой валюты, хотя он вызывал определенные разногласия среди членов Союза, особенно Великобритании¹⁴⁵. До сих пор евро присутствует не во всех государствах, хотя единая валюта виделась руководителям европейских государств как дополнительный способ унификации членов ЕС и политического сближения.

В целом, можно сказать, что Договор о ЕС отражал первичные ценности Союза, а именно приоритет сотрудничества и кооперации, либерально-демократические ориентиры и поддержание безопасности в Европе, а также важность позиции каждого из членов Союза для определения общих задач взаимодействия на мировой арене.

Амстердамский договор 1997 г. дополнял Договор о ЕС, усиливая сотрудничество государств как внутри Союза, так и в его внешней политике. В разделе V было указано, что «Союз должен формулировать и проводить»

---

¹⁴⁴ Manners I. The Constitutive Nature of Values, Images and Principles in the European Union // Values and Principles in European Union Foreign Policy / Lucarelli S., Manners I. (Eds.). London: Routledge, 2006. – P. 23.

¹⁴⁵ Менщикова Ю.В. Подписание Маастрихтского договора – победа Джона Мейджора и провал для Великобритании? // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. №73. – С. 102.

внешнюю политику исходя из принципов «солидарности»¹⁴⁶. Немаловажным было и изменение статьи В: одной из целей Союза было указано «усиление своей идентичности на международной арене, в частности, посредством реализации общей внешней политики и политики безопасности, включая постепенное формирование общей оборонной политики, которая могла бы привести к общей обороне...»¹⁴⁷. В документе усиливается паттерн идентичности и прослеживается взаимосвязь укрепления идентичности Союза с его солидарностью и безопасностью. Это же прослеживается и в статье J.1, где говорится о «защите общих ценностей и основных интересов, независимости и целостности Союза в соответствии с принципами Устава ООН»¹⁴⁸.

Как отмечает М.А. Везуина, Амстердамский договор «принес прагматичные изменения и инновации в процессе европейского строительства»¹⁴⁹. Оставляя ключевые положения Маастрихтского договора в силе, он подчеркнул роль Европейского совета в качестве органа, отвечающего за разработку основного курса внешней политики Союза, утвердил план по укреплению безопасности ЕС, в том числе путем сотрудничества с ЗЕС – Западно-Европейским союзом¹⁵⁰, ввел понятие общих стратегий для ОВПБ и обозначил вопрос миграции как один из компонентов безопасности ЕС. Все это стало важным шагом на пути укрепления нового актора международных отношений.

Серьезной вехой для развития международной роли ЕС стало подписание Лаакенской декларации в 2001 г. Этот фундаментально-идеологический документ предполагал утверждение роли ЕС как глобального актора,

---

¹⁴⁶ Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts // Official Journal of the European Communities. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11997D/TXT&from=EN> (accessed 12.02.2022).

¹⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁸ Ibid.

¹⁴⁹ Везуина М.А. Эволюция Европейской политики безопасности и обороны – новая архитектура европейской безопасности // Sciences of Europe. Historical Sciences. 2017. №14. – С. 48.

¹⁵⁰ Кузнецова, И. С. Взаимоотношение ЕС и ЗЕС: правовой аспект / И. С. Кузнецова // Беларусь в современном мире: тез. докл. I Респ. науч. конф., Минск, 22–23 окт. 2002 г. / Белорусский государственный университет, Факультет международных отношений; редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. Минск, 2003. – С. 129.

стремящегося к «демократии, прозрачности и эффективности»¹⁵¹. Как отмечает А.Ю. Новосельцев, в Декларации прослеживается то, что европейская интеграция является частью американского видения глобализации с западоцентризмом и концепциями «свободного мира», «распространения демократии», «хорошим глобальным управлением» и др.¹⁵² Декларация провозглашает сильную и властную Европу, указывая на то, что «с Северной Америкой и Японией ЕС входит в список трех самых благополучных регионов»¹⁵³, по сути, отмечая торжество западной модели политики и экономики. При этом ЕС игнорирует разницу в экономическом собственных стран-членов, которая присутствует до сих пор: например, ВВП Германии в течение многих лет стабильно в 3 раза больше Испании, которая находилась в Союзе с самого начала, и в 55 раз больше Болгарии, присоединившейся в 2007 г.¹⁵⁴

Декларация также упоминает роль ЕС в качестве актора консолидации в Европе и осуждает «искусственное разделение Европы» после Второй мировой войны, а именно влияние СССР на страны Восточной Европы, которое ЕС стремится искоренить¹⁵⁵. При этом, опять же, нельзя сказать, что интеграция восточноевропейских государств-членов ЕС прошла полностью успешно как в экономическом, так и в политическом плане, так как общие стандарты западноевропейских государств объективно недостижимы, как подчеркнул К.И. Косачев¹⁵⁶, а разнообразие между государствами в рамках ЕС должно сохраняться в соответствии с изначальными идеями Европейского Сообщества.

---

¹⁵¹ Presidency Conclusions. European Council Meeting in Laeken 14 and 15 December 2001 // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/20950/68827.pdf> (accessed 13.02.2022).

¹⁵² Новосельцев А.Ю. Идеологические мифы Европейского Союза на примере Лаакенской декларации // Российский журнал правовых исследований. 2019. Том 6. №4(21). – С. 51.

¹⁵³ Presidency Conclusions. European Council Meeting in Laeken 14 and 15 December 2001 // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/20950/68827.pdf> (accessed 13.02.2022).

¹⁵⁴ GDP. Europe // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/gdp?continent=europe> (accessed 17.02.2022).

¹⁵⁵ Presidency Conclusions. European Council Meeting in Laeken 14 and 15 December 2001 // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/20950/68827.pdf> (accessed 13.02.2022).

¹⁵⁶ Косачев К.И. «Мягкая сила» с жесткими последствиями // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1. – С. 16.

Далее, документ обращается к «ожиданиям европейских граждан», которые «хотят видеть Европу более вовлеченной в международные дела, безопасность и оборону, другими словами, [им нужны] более масштабные и скоординированные действия для решения проблемных в Европе, вокруг нее и во всем мире»¹⁵⁷. Авторы Декларации рассматривают вопрос «сильной Европы» как идущий от населения, демонстрируя стремление европейской политики к демократии, власти народа, и представляя желания европейских граждан как свои цели. Такой прием будет далее часто встречаться в официальных документах органов управления ЕС и станет одним из важнейших аспектов институционального языка и основы политической стратегии ЕС.

В сфере внешней политики и политики безопасности в Декларации уделяется особое внимание миграционной политике и политике убежища (которая станет краеугольным камнем для европейских лидеров после арабской весны 2011 г.), упоминая систему EURODAC¹⁵⁸ и Дублинский регламент о статусе беженцев, который будет реформирован в 2003 г. и 2013 г.¹⁵⁹ Документ также содержит призыв к улучшенной системе помощи беженцам и борьбе с дискриминацией и расизмом, что демонстрирует стремление ЕС к инклюзивности и роли гуманитарного защитника. Это прослеживается и в стремлении ЕС «создавать преимущества не только для богатых, но и для беднейших стран», говоря о глобальной помощи и ЕС и содействия развитию¹⁶⁰. Однако в Декларации не называется конкретных действий для этого. Важно и упоминание включения ЕС с борьбу с глобальным терроризмом, что не могло быть проигнорировано в повестке в связи с террористическим актом 11 сентября в США, случившимся незадолго до утверждения документа. ЕС называет

---

¹⁵⁷ Presidency Conclusions. European Council Meeting in Laeken 14 and 15 December 2001 // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/20950/68827.pdf> (accessed 13.02.2022).

¹⁵⁸ Евродак – система базы данных отпечатков пальцев, функционирующая в ЕС с 2000 г.

¹⁵⁹ Country responsible for asylum application (Dublin Regulation) // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/policies/migration-and-asylum/common-european-asylum-system/country-responsible-asylum-application-dublin-regulation_en (accessed 17.02.2022).

¹⁶⁰ Presidency Conclusions. European Council Meeting in Laeken 14 and 15 December 2001 // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/20950/68827.pdf> (accessed 13.02.2022).

терроризм «силой, противоречащей миру» и обязуется активно противодействовать террористическим угрозам¹⁶¹.

Ницкий договор, вступивший в силу в 2003 г.¹⁶², дополнил фундаментальные документы ЕС – Римские договоры 1957 г., Договор о создании Европейского объединения угля и стали 1951 г. и Маастрихтский договор 1992 г. Договор был подготовлен в ходе конференции правительств стран ЕС 2000 г. в Ницце с целью реформировать институциональную структуру ЕС перед предстоящим расширением, указанным еще в Амстердамском договоре. Появление новых стран-членов (страны Балтии, Восточной Европы и Средиземноморского региона, официально ставшие членами ЕС в 2004 г.) потенциально означало бóльшие различия в национальных интересах, что могло уменьшить скорость процесса и изменить характер европейской интеграции. Однако, с другой стороны, этот фактор ознаменовал курс на укрепление политической, а не только экономической связи стран. Ницкий договор изменил условия сотрудничества между государствами-членами ЕС, предусматривая активную кооперацию в решении общих наднациональных вопросов и Общей внешней политике и политике безопасности ЕС¹⁶³. Договор также содержал в себе намерение ЕС усилить эффективность наднациональных институтов и демократизацию политических процессов внутри объединения.

Европейская стратегия безопасности 2003 г. (ЕСБ)¹⁶⁴ стремилась обозначить общее видение вопросов безопасности ЕС: «безопасная Европа» являлась таковой с точки зрения ЕС при условиях экономического подъема и усиления интеграционных процессов, в частности, в вопросах противостояния

---

¹⁶¹ Presidency Conclusions. European Council Meeting in Laeken 14 and 15 December 2001 // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/20950/68827.pdf> (accessed 13.02.2022).

¹⁶² Treaty of Nice Amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the European Communities and Certain Related Acts (2001/C 80/01) // Official Journal of the European Communities. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12001C/TXT&from=EN> (accessed 20.02.2022).

¹⁶³ Кавешников Н.Ю. «Гибкая интеграция» в Европейском союзе // Международные процессы. 2011. Т. 9. №2(26). – С. 59.

¹⁶⁴ European Security Strategy // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:r00004> (accessed 01.03.2022).

внешним угрозам¹⁶⁵. Формирование данной стратегии стало попыткой выработать общий подход к проблемам безопасности: с учетом глобальной террористической угрозы, обозначившей себя после теракта 11 сентября 2001 г. в США, ЕС необходимо было укрепить и продемонстрировать единство¹⁶⁶. Террористическая угроза выявила важность проблем безопасности и обороны, стало ясно, что ЕС нуждается в согласованности по вопросу вооруженных сил, включая такие аспекты, как военные специалисты, снаряжение, разведка и обмен данными, что можно назвать основой стратегической культуры стран ЕС¹⁶⁷.

Более того, как подчеркивает Н.К. Арбатова, создание данной стратегии демонстрировало дихотомию, состоящую в попытке примирить «традиционный атлантизм» с интересами ЕС в сфере безопасности на фоне кризиса НАТО¹⁶⁸. Сама суть безопасности, традиционно ассоциируемая с конфликтами государств, «холодной войной» и балансом сил, значительно изменилась¹⁶⁹. Угрозы стали более глобализированными, многогранными, технологичными и социально-направленными. Исследователь также отмечает, что политический кризис из-за войны в Ираке, ставший одной из предпосылок создания стратегии, стал «лакмусовой бумажкой» разделения интересов ЕС и США и концом «безусловной верности» Европы Америке в связи с расхождением позиций, что значительно повлияло на стратегию внешней политики ЕС в тот период времени¹⁷⁰. Можно сказать, что с этого документа начались трансформации ЕС как игрока на мировой арене и усиление его международного влияния, что подтверждается и расширением союза, формированием Европейской политики

---

¹⁶⁵ Лыжина Е.В. Обеспечивает ли Европейский Союз глобальную и региональную безопасность посредством военной или гражданской силы? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2010. №4. – С. 60.

¹⁶⁶ Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестник международных организаций. 2009. №2 (24). – С. 106.

¹⁶⁷ Quille E. The European Security Strategy: a Framework for EU Security Interests? // International Peacekeeping. 2004. Vol. 11(3). – P. 424.

¹⁶⁸ Арбатова Н.К. Новая стратегия безопасности ЕС: (российский взгляд на «документ Соланы») // Современная Европа. 2003. №4(16). – С. 63.

¹⁶⁹ Buzan B. The Primary Institutions of International Society // From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation / Buzan B. (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 170.

¹⁷⁰ Арбатова Н.К. Указ. соч. 2003. – С. 64.

соседства (ЕПС) в Восточной Европе¹⁷¹, и участием в миротворческих операциях, и институциональными изменениями, о которых пойдет речь далее в работе.

Стратегии сопутствовал документ «Расширяющаяся Европа – соседство» 2003 г., продолживший тенденцию секьюритизации внешней политики ЕС. В документе выделены возможности и вызовы 3 «Р» – Proximity, Prosperity, Poverty (близость, процветание, бедность), с помощью которых в тексте раскрываются как положительные (возможности сотрудничества), так и негативные последствия расширения ЕС. Среди них были указаны обеспечение безопасности большому количеству стран-членов, возможные риски для ЕС в связи с новыми опасностями, в том числе террористической и миграционной, экономическое развитие и ответственность перед новыми странами-членами, и другие¹⁷².

Лиссабонский договор 2007 г. полностью реформировал структуру ЕС, прекратив существование Европейского сообщества и изменив систему «трех опор», указанных в Маастрихтском договоре, обозначив путь к интеграционной группе уходя от «сообщества», существовавшего ранее¹⁷³. В договоре утверждается единое политическое, экономическое и правовое пространство ЕС, и, что важно для анализа в данной работе, закрепляются специальные положения, относящиеся к Общей внешней политике и политике безопасности (при этом Суд ЕС все еще остался лишен компетенций в этом вопросе)¹⁷⁴. Также несмотря на переход от права «вето» к системе квалифицированного большинства, в сфере ОВПБ право «вето» осталось, что оставляло решения в

---

¹⁷¹ Шереметьев Д.В. Европейская система безопасности во взаимоотношениях России и ЕС // Современная Европа. 2017. №1. – С. 33.

¹⁷² Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with Our Eastern and Southern Neighbours. Brussels, 11.3.2003 COM (2003) 104 Final // Commission of the European Communities. URL: http://ec.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (accessed 13.03.2022).

¹⁷³ Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community (2007/C306/01) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12007L/TXT&from=EN> (accessed 13.03.2022).

¹⁷⁴ Энтин Л.М. Лиссабонский договор и реформа Европейского Союза // Журнал российского права. 2010. №3(159). – С. 105.

сфере внешней политики в жестких рамках¹⁷⁵. В этом контексте важно и учреждение поста председателя Европейского совета сроком на 2,5 года, так как это изменяло схему межправительственного сотрудничества в ОВПБ, а также создание поста Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, берущего на себя функции Представителя по ОВПБ и Комиссара по внешним связям.

Указанный выше договор по своей сути подготовил базу для масштабного Договора о функционировании ЕС 2009 г. (ДФЕС), утверждение которого не столько повлияло на внешнюю политику ЕС, сколько на взаимодействие органов и членов ЕС в рамках формирования как внутренней, так и внешней политики¹⁷⁶. В статье 78 ДФЕС были определены цели общей политики ЕС в отношении предоставления убежища гражданам третьих стран (по гуманитарным, а также политическим мотивам) в соответствии с Женевской конвенцией от 28 июля 1951 г. и Протоколом от 31 января 1967 г. о статусе беженцев¹⁷⁷. Страны-члены ЕС обязались консолидироваться в вопросах предоставления убежища, отслеживания статуса иностранных граждан на территории ЕС и контроля границ, что в свою очередь оказало влияние на реформу Агентства ЕС по безопасности внешних границ (Фронтекс¹⁷⁸) и Дублинского регламента¹⁷⁹.

Также Договор предусматривал, что «любое государство-член [ЕС], которое желает принять участие в продвинутом сотрудничестве, осуществляемом в рамках Общей внешней политики и политики безопасности, уведомляет о своем намерении Совет [ЕС], Верховного представителя Союза по

---

¹⁷⁵ Кавешников Н.Ю. Лиссабонский договор и его последствия для развития Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2010. №2. – С. 63.

¹⁷⁶ Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union (C 326/49) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN> (accessed 13.03.2022).

¹⁷⁷ Юмашев Ю.М. Миграционная политика Европейского союза и граждане третьих стран // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. №1. – С. 104.

¹⁷⁸ Frontex. URL: <https://frontex.europa.eu/> (accessed 13.03.2022).

¹⁷⁹ Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person (recast) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R0604&from=en> (accessed 13.03.2022).

иностранным делам и политике безопасности и Комиссию»¹⁸⁰, то есть был обозначен формат инициативы государств для принятия внешнеполитических решений, общих для Союза. Это стало основой дуальности страны-члена как государства и страны-члена как актора общей безопасности и внешней политики¹⁸¹.

Глобальная стратегия 2016 г. представляет особый интерес для анализа современной внешней политики ЕС¹⁸². Стратегия, которая была представлена публике с заголовком «Общее видение, совместные действия: сильная Европа», отражала реакцию ЕС на события миграционного кризиса, начавшегося в 2011 г. и достигшего пика в 2015 г., а также усиление международной напряженности в связи с присоединением Россией Крыма в 2014 г., что вызвало крайне негативную реакцию Запада¹⁸³. При этом, как отмечает Н.К. Арбатова, украинский кризис «на контрасте» служит поводом к сближению европейских государств, в то время как миграционный кризис и выход Великобритании из ЕС (Брекзит) подняли вопрос о сильных различиях в позициях стран-членов и волну евроскептицизма¹⁸⁴. В Стратегии указано намерение ЕС «укрепить устойчивость наших восточных соседей» в контексте как Украины, так и Восточного партнерства в целом из-за «обеспокоенности» Европы влиянием России в регионе¹⁸⁵. Термин «устойчивость» (resilience), который известная исследовательница ЕС Т.А. Романова переводит даже как «стрессоустойчивость» акцентируется в Стратегии множество раз и стал

---

¹⁸⁰ Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union (C 326/49) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN> (accessed 13.03.2022).

¹⁸¹ Кавешников Н.Ю. Трансформация институциональной структуры Европейского союза / Н.Ю. Кавешников. – М.: Навона, 2010. – С. 76.

¹⁸² Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. URL: <https://www.satcen.europa.eu/keydocuments/Global%20Strategy%20for%20the%20European%20Union%27s%20Foreign%20and%20Security%20Policy57b6c0faf9d71c29cc0f2471.pdf> (accessed 17.03.2022).

¹⁸³ Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС: Восточный вектор // Современная Европа. 2017. №1(73). – С. 13.

¹⁸⁴ Арбатова Н.К. Новая стратегия безопасности ЕС // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016, 8 июля. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-strategiya-bezopasnosti-es/> (дата обращения 01.02.2022).

¹⁸⁵ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. URL: <https://www.satcen.europa.eu/keydocuments/Global%20Strategy%20for%20the%20European%20Union%27s%20Foreign%20and%20Security%20Policy57b6c0faf9d71c29cc0f2471.pdf> (accessed 17.03.2022).

отдельной концепцией для внешнеполитических действий ЕС в контексте ситуации на мировой арене, подразумевая оперативные и эффективные ответы на современные международные вызовы¹⁸⁶. В эти вызовы входят и киберугрозы, которые ЕС отдельно подчеркивает в контексте борьбы с терроризмом и распространения дезинформации, в частности, со стороны России¹⁸⁷. Солидарность и устойчивость также выступают доминирующими тематическими категориями в документах, связанных с референдумом насчет членства Великобритании в июне 2016 г., после чего начался процесс выхода государства из ЕС, что оценивалось как свидетельство кризиса Союза¹⁸⁸.

Стратегия фактически вычеркнула Россию из списка партнеров ЕС, обозначив значительное сокращение масштабов и видов партнерства. В стратегии указано, что ЕС будет «работать с ключевыми партнерами, странами и региональными объединениями, которые разделяют наши взгляды» и используя принципы «единства, взаимодействия, ответственности и партнерства»¹⁸⁹. Под «взглядами» здесь понимается консолидированное западоцентристское видение мира, навязывание которого, как показало время, усиливается с каждым годом¹⁹⁰. Как подчеркивает Д. Ралевич¹⁹¹, положения Стратегии подходят под концепцию «мягкой безопасности» – концепцию формирования трансрегиональной системы безопасности с использованием мягкой силы. Данное понятие ввел один из ведущих исследователей вопросов мира И. Галтунг, который предполагал, что обеспечение безопасности возможно благодаря межгосударственному сотрудничеству и отказу от жестких блоковых

---

¹⁸⁶ Романова Т., Павлова Е. Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. №6. – С. 102.

¹⁸⁷ Don't be deceived: EU acts against fake news and disinformation // *European External Action Service*. 2017, September 19. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/32408_en (accessed 17.03.2022).

¹⁸⁸ Oliver T. The World after Brexit: from British Referendum to Global Adventure // *International Politics*. 2016. Vol. 53(6). – P. 692.

¹⁸⁹ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. URL: <https://www.satcen.europa.eu/keydocuments/Global%20Strategy%20for%20the%20European%20Union%27s%20Foreign%20and%20Security%20Policy57b6c0faf9d71c29cc0f2471.pdf> (accessed 17.03.2022).

¹⁹⁰ Лукьянов Ф.А. Россия и ЕС закрыли страницу в отношениях // *Россия в глобальной политике*. 2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-es-zakryli-straniczu/> (дата обращения 17.03.2022).

¹⁹¹ Ралевич Д. Концептуальные основы «мягкой безопасности» Европейского союза в Глобальной Стратегии по внешней политике и обороне 2016 года // *Политика и Общество*. 2018. № 11. – С. 31.

систем¹⁹². В России данной концепции были посвящены работы С.А. Макарычева¹⁹³, Е.В. Ананьевой и А.В. Ананьева¹⁹⁴, М.К. Морозова¹⁹⁵ и др. Реализация «мягкой безопасности» в этом контексте во многом перекликается с внешнеполитической стратегией США и их концептом «стратегического общения» с использованием мягкой силы в контексте обеспечения безопасности¹⁹⁶. Соответственно, можно утверждать факт сближения ЕС и США в рамках формирования стратегии внешней политики и взаимодействия на мировой арене, в том числе в рамках НАТО, о чем будет изложено далее в работе.

Стоит отметить, что после утверждения Глобальной стратегии 2016 г. ЕС выпускал пресс-релизы в годовщину ее публикации, где присутствовали такие утверждения, как «Европейский союз продолжит оставаться надежной силой на мировой арене и надежно обеспечит безопасность», «мы укрепим наш потенциал, сделав Европу сильнее и мир безопаснее», упоминая взаимодействие с НАТО и ООН¹⁹⁷. Очень заметен акцент на категории «ЕС как глобальный актор» в связи с упоминанием разрешения конфликтов на Ближнем Востоке, Африке, Балканах и Латинской Америке, уделяется внимание Восточному партнерству и вопросам миграции, а также стратегическим коммуникациям и в целом «глобальной ответственности» ЕС в условиях растущей «неопределенности» в международных процессах¹⁹⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что по основополагающим документам ЕС можно судить о постепенном росте международной акторности и стремлению к международной значимости ЕС с течением времени, что особенно ярко проявляется в Глобальной стратегии 2016 г. (см. Приложение 3,

---

¹⁹² Galtung J. Theory and Practice of Security. Instant Research on Peace and Violence // European Security and Cooperation. 1972. Vol. 2, No. 3. – P. 109-112.

¹⁹³ Макарычев А.С. Безопасность и возвращение политические критические дебаты в Европе. // Индекс безопасности. 2008 г. № 4 (87). Т. 14. – С. 26.

¹⁹⁴ Ананьева Е.В., Ананьев А.В. «Мягкая» безопасность становится жестче // Международная жизнь. 2009. № 4. – С. 100-117.

¹⁹⁵ Морозов М.К. Трансформация внешней политики ЕС как центра полицентричного мира в период украинского кризиса // Власть. 2023. №2. – С. 232-329.

¹⁹⁶ Трибрат В.В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю // Международные процессы. 2005. №1(7). – С. 120.

¹⁹⁷ The EU Global Strategy – Year 1 // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eu-global-strategy/eu-global-strategy-%E2%80%93-year-1_ro (accessed 20.03.2022).

¹⁹⁸ EU Global Strategy report – Year 2: a Year of Action to Address "Predictable Unpredictability" // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/47277_en (accessed 20.03.2022).

блок А). ЕС постепенно реформировал свою структуру и пришел к системе совместных внешнеполитических решений, опирающихся на ряд ключевых институтов ЕС, укрепляя систему реагирования на кризисные ситуации, усиливая глобальное влияние и отдаляясь от России, в то же время значительно сближаясь с США и усиливая значение НАТО для своего существования, несмотря на период формирования собственной «самостоятельности» после Глобальной стратегии 2003 г.

Документы, связанные с отношениями ЕС-Россия

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Россией (СПС) 1994 г. было создано как продолжение Соглашения 1989 года, посвященного коммерческому взаимодействию Европейского сообщества и СССР¹⁹⁹. Однако, новое Соглашение было необходимо, так как Россия перешла от плановой экономики к развитию рыночной экономики. Соглашение 1994 года, заключенное на 10 лет, определяет сотрудничество между сторонами в различных областях, включая экономику, политический диалог, устойчивое развитие, свободы, демократию, социальное и культурное сотрудничество. Среди приоритетных целей обозначалось создание зоны свободной торговли между Россией и ЕС²⁰⁰. Дисбаланс между экономической и политической сферами был обусловлен тем фактом, что оба актора, по сути, были новыми в мировой политике (ЕС выделился из Сообщества, а Россия стала отдельным актором после распада СССР), и им только предстояло развивать двусторонние политические отношения в новой политической реальности, в то время как основы экономических отношений уже были заложены²⁰¹.

---

¹⁹⁹ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Европейским экономическим сообществом и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве. 1997. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900070> (дата обращения 02.04.2022).

²⁰⁰ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией 1994 г. // Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/soglashenie-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-rossiej-1994-g/> (дата обращения 02.04.2022).

²⁰¹ Водорезов С.И. Становление отношений России и Европейского союза // Вестник Брянского государственного университета. 2009. №2. – С. 14.

Говоря о международно-политическом аспекте, который на тот момент только зарождался, соглашение использует термин «политического диалога» между ЕС и Россией. Он включает в себя экономическое сближение, установление более активных политических связей, а также сотрудничество по международным вопросам, связанным с безопасностью и стабильностью. Стороны также договорились сотрудничать по вопросам, связанным с демократией и правами человека. Политический диалог должен проводиться регулярно, используя одну из форм, указанных в статьях 7-9 СПС²⁰².

С точки зрения институционального оформления сотрудничества, в политическом диалоге должны были принимать участие Президент России и Председатель Совета и Председателя Комиссии со стороны Союза, созданный Совет сотрудничества и Комитет парламентского сотрудничества. В документе подчеркивалось, что политическое сотрудничество опиралось на эффективное дипломатическое взаимодействие, а также таких средств международных связей, как встречи экспертов, которые будут способствовать укреплению и развитию политического сотрудничества. Встречи на высшем уровне должны были проходить не менее 2 раз в год.

Можно сказать, что даже в рамках существовавших ограничений в политическом сотрудничестве и акцента на экономическое взаимодействие, СПС заложило основы сотрудничества ЕС и России на дальнейшее десятилетие.

Следующим важным документом стало Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия-ЕС 2004 г., предпосылкой которого стал Римский саммит Россия-ЕС²⁰³. Между ЕС и Россией создавались «четыре пространства», целью которых было развитие двусторонних отношений. В них входит:

---

²⁰² Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией 1994 г. // Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravuv-evropejskogo-soyuza/soglashenie-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-rossiej-1994-g/> (дата обращения 02.04.2022).

²⁰³ Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия-ЕС // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. 2004. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/joint_statement_on_eu_enlargement_and_russia_eu_relations_2004_russian.pdf (дата обращения 04.04.2022).

- 1) Общее экономическое пространство (сотрудничество в сфере торговли, таможенного регулирования, политика конкуренции, сельское хозяйство, транспортное развитие, инвестирование);
- 2) Общее пространство внешней безопасности (подкрепленное Римской Декларацией об укреплении диалога и сотрудничества по политическим вопросам и вопросам безопасности), в том числе сотрудничество в рамках ООН и миротворческих учениях ЕС в Балканском регионе;
- 3) Общее пространство свободы, безопасности и правосудия, включая сотрудничество с Европолом и органами внутренних дел, упрощение пограничного контроля;
- 4) Общее пространство в области науки, образования и культуры, подразумевающее подключение России к Болонской системе²⁰⁴, формирование единого образовательного пространства к 2010 г., создание программ международных обменов и стимулирование совместных исследований²⁰⁵.

Как и СПС, данный документ имеет больше экономический смысл, однако упоминание сотрудничества по безопасности, правосудия, культуры обозначили прогресс в сферах взаимодействия РФ и ЕС и открытость к большему сотрудничеству. В 2005 г. концепция Общих пространств была дополнена дорожными картами, утвержденными на саммите в Москве²⁰⁶. Так, в области безопасности Россия и ЕС обязались «укреплять сотрудничество и диалог по вопросам безопасности и кризисного регулирования с целью реагирования на

---

²⁰⁴ Россия приняла решение о выходе из Болонской системы в 2022 г. Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснется // РБК. 2022. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения 09.06.2022).

²⁰⁵ Бахлова О.В. Россия и Европейский союз: эволюция стратегии взаимодействия и возможности развития общеевропейского процесса // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2005. №1(5). – С. 95.

²⁰⁶ «Дорожные карты» четырех общих пространств, утверждённые на саммите Россия-ЕС, Москва, 10 мая 2005 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/evropejskij-souz-es/1751893/?TSPD_101_R0=08765fb817ab20003ada739ef0e72db0a3511777a38f0aaacc478fee4f80e6c95e7d1db6415bb9c10873b0fe32143000fa6be4cb64607b744cae46e78e14d0e2daa7d3f95fb28c1c41a1dab4cf5dc453c025d009cfe42508bc502ff967e44161 (дата обращения 04.04.2022).

современные глобальные и региональные вызовы и основные угрозы, особенно такие как терроризм, распространение оружия массового уничтожения и существующие и потенциальные региональные и локальные конфликты»²⁰⁷ (см. Приложение 3, блок Б). При этом, эксперты, в том числе В.Л. Иноземцев и Е.С. Кузнецова, скептически отнеслись к данным дорожным картам, утверждая, что они имеют общий характер и устроят ЕС только в случае масштабных шагов по «европеизации» политики РФ, которой, как известно, не произошло, так что скептицизм был оправдан²⁰⁸.

В 2007 г. в связи с вступлением Болгарии и Румынии было опубликовано Совместное заявление о расширении Европейского союза и отношениях Российская Федерация – Европейский союз, носившее, как и первые документы, экономический характер, несмотря на важность расширения ЕС с точки зрения его роли как международного актора²⁰⁹. Политическое же взаимодействие в том году было упомянуто в Меморандуме о взаимопонимании для установления диалога о региональной политике между Министерством регионального развития Российской Федерации и Европейской комиссией. В нем было упомянуто, что сотрудничество между РФ и ЕС важно не только из-за наличия границ, но и из-за «территории континентального масштаба», что может вызывать соответствующее геополитическое «напряжение», которое необходимо «изучать и [раз]решать совместными усилиями»²¹⁰. Созданный Диалог предполагал обмен опытом по реализации региональной политики и создание рабочей группы с участием Генерального директората по региональной

---

²⁰⁷ «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. 2005. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_external_security_2005_russian.pdf (дата обращения 04.04.2022).

²⁰⁸ Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Россия: почему «дорожные карты» не ведут в Европу // Современная Европа. 2005. №4. – С. 65.

²⁰⁹ Совместное заявление о расширении Европейского союза и отношениях Российская Федерация – Европейский союз // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. 2007. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/joint_statement_on_eu_enlargement_and_russia_eu_relations_2007_russian.pdf (дата обращения 04.04.2022).

²¹⁰ Меморандум о взаимопонимании для установления диалога о региональной политике между Министерством регионального развития Российской Федерации и Европейской комиссией // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. 2007. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/memorandum_of_understanding_on_regional_dialogue_2007_russian.pdf (дата обращения 04.04.2022).

политики Европейской комиссии и Министерства региональной развития Российской Федерации. По мнению И.Ю. Жилиной, опыт ЕС в области региональной политики был полезен России и в экономическом (промышленное развитие регионов) и в политико-концептуальном смысле, так как на тот момент в России не было четкого определения региональной политики, и данный Меморандум дал старт работе в этой сфере²¹¹.

В данном контексте стоит и то, что Россия и ЕС также ориентировались на факт проживания достаточной части родственников граждан РФ в странах Балтии–бывших республиках СССР, а также странах социалистического блока. С 2009 по 2012 гг. количество виз, выданных в течение календарного года, увеличилось с 3,2 млн до 6 млн.²¹².

В 2010 г. было опубликовано Совместное заявление саммита Россия-ЕС по «Партнерству для модернизации», в котором необходимо подчеркнуть фразу «Россия и ЕС, как давнишние стратегические партнёры в меняющемся многополярном мире». Такая четкая характеристика была впервые использована в подобных документах, несмотря на осуждение ЕС конфликта в Грузии 2008 г., который стал поводом для обсуждения «охлаждения «отношений ЕС и России в тот период²¹³. В Меморандуме были указаны «общие вызовы» и ответ им с помощью «сбалансированного и ориентированного на результат подхода, опирающегося на демократию и верховенство закона как на национальном, так и на международном уровне». В остальном документ сосредоточен на экономическом сотрудничестве, продолжая тенденции подобных документов между ЕС и РФ.

Однако такой позитивный нарратив оставался в документах ЕС недолго, и в следующие годы ЕС стал с большей осторожностью вести сотрудничество с Россией и затягивал переговоры насчет нового соглашения о сотрудничестве. ЕС

---

²¹¹ Жилина И. Ю. Региональная политика Европейского союза: уроки для России // Экономические и социальные проблемы России. 2007. №1. – С. 156.

²¹² Изотов А.В. Внешнеполитические стратегии России и Европейского союза по отношению к региону их общего соседства как фактор отношений между Евросоюзом и Россией // Управленческое консультирование. 2014. №8 (68). – С. 45.

²¹³ Bardakçı M. EU Engagement in Conflict Resolution in Georgia: Towards a More Proactive Role // *Caucasian Review of International Affairs*. 2010. Vol. 4(3). – P. 221.

приветствовал вступление России в ВТО в 2012 г., однако высказал опасения насчет протекционистских мер России и энергетических отношений России и ЕС²¹⁴. В резолюции Европейского парламента от 13 декабря 2012 г., содержащей рекомендации Европейского парламента Совету, Комиссии и Европейской службе внешних связей по переговорам о новом Соглашении между ЕС и Россией, упоминается, что ЕС обеспокоен вопросом соблюдения прав человека в России и следования общей линии партнерства (упомягая дело Сергея Магнитского²¹⁵, группировки Pussy Riot²¹⁶ и др.), «селективным» подход России к международному взаимодействию, «коррупцией» и влиянием России в Грузии и Молдове²¹⁷.

Последним документом о сотрудничестве до присоединения Крыма стало Совместное заявление Россия – ЕС по борьбе с терроризмом, в котором акторы обязались «расширять сотрудничество в обмене наилучшими практиками противодействия терроризму» и укреплять сотрудничество в рамках ООН, «Группы 8»²¹⁸ и Глобального контртеррористического форума.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что сотрудничество ЕС и РФ изначально строилось на экономических связях, постепенно укреплялось в политической сфере, однако каждый из акторов придерживался собственной модели поведения на мировой арене, в то время как ЕС ожидал большего сближения и «европеизации» политики России. В начале XXI века ЕС заключил ряд ключевых соглашений по сотрудничеству, однако данное сотрудничество ослаблялось с течением времени, так как ЕС осуждал ряд действий России в международном измерении и застопорил соглашение о сотрудничестве 2012 г.

---

²¹⁴ EU-Russia relations: towards a new agreement? // European Parliamentary Research Service. 2012, URL: December 10. URL: <https://epthinktank.eu/2012/12/10/eu-russia-relations-towards-a-new-agreement/> (accessed 06.04.2022).

²¹⁵ Coll S. The Magnitsky case // The New Yorker. 2012, June 27. URL: <https://www.newyorker.com/news/daily-comment/the-magnitsky-case> (accessed 06.04.2022).

²¹⁶ Smith-Spark L. Russian court imprisons Pussy Riot band members on hooliganism charges // CNN. 2012, August 17. URL: <https://edition.cnn.com/2012/08/17/world/europe/russia-pussy-riot-trial/index.html> (accessed 06.04.2022); Организация запрещена на территории РФ.

²¹⁷ European Parliament resolution of 13 December 2012 containing the European Parliament's recommendations to the Council, the Commission and the European External Action Service on the negotiations of the new EU-Russia Agreement (2011/2050(INI)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2012-0505_EN.html (дата обращения 06.04.2022).

²¹⁸ Россия была исключена из G8, ставшей G7, после присоединения Крыма. История отношений России и G7 // ТАСС. 2019. URL: <https://tass.ru/info/6792142> (дата обращения 06.04.2022).

2014 г. стал поворотным моментом для отношений ЕС-РФ в негативном ключе. Особую значимость в этом контексте представляет корпус документов, связанных с санкционной политикой ЕС в отношении России. Санкции, охватывавшие дипломатический, экономический, финансовый и гражданский сектор взаимодействия между субъектами международной политики, стали одним из центральных инструментов внешнеполитической стратегии ЕС. Эти меры не только институционализировали переход от партнерства к противостоянию, но и сопровождались широким производством текстов, в которых Россия последовательно обозначалась как «нарушитель международного порядка», «угроза безопасности», «источник дестабилизации»²¹⁹. ЕС выпустил специальный документ с ограничительными мерами в сторону России²²⁰, ставший первым из череды официальных заявлений, деклараций, документов, пресс-релизов и выступлений европейских лидеров, в которых можно системно выделить кодирование «Россия как «чужая» [для Европы] страна» (в соответствии с конструктивистским видением международных отношений), противопоставлениями и обвинениями, которые будут рассмотрены далее в работе. При этом факт организации «Евромайдана» США для «стратегического сдерживания России» был полностью проигнорирован в заявлениях европейских политиков и СМИ²²¹. Таким образом, санкционные документы являются неотъемлемой частью политико-дискурсивного поля ЕС и подлежат анализу как свидетельство трансформации образа России в риторике Евросоюза, а также как элемент дискурсивной легитимации курса на изоляцию и сдерживание.

Итак, анализ ключевых доктринальных документов Европейского союза позволяет зафиксировать устойчивую эволюцию внешнеполитического

---

²¹⁹ Sinitsky J. EU-Ukraine Relations Before the 2014 Maidan Revolution // E-International Relations. 2015, April 23. URL: <https://www.e-ir.info/2015/04/23/eu-ukraine-relations-before-the-2014-maidan-revolution/> (accessed 06.04.2022).

²²⁰ Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // Official Journal of European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2014:078:0016:0021:EN:PDF> (accessed 06.04.2022).

²²¹ Американский исследователь: «Евромайдан» организовали власти США // ТАСС. 2014. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1101479> (дата обращения 06.04.2022).

самопонимания ЕС. С опорой на методику контент- и дискурс-анализа можно выделить ряд повторяющихся категорий риторических паттернов, составляющих основу внешнеполитического нарратива ЕС. Во-первых, нормативная идентичность ЕС последовательно закрепляется через такие ключевые категории, как «устойчивость», «сотрудничество», «демократия», и «права человека» (см. Приложение 3). Эти понятия не только задают ценностную рамку внешней политики, но и служат инструментом фрейминга «других» акторов — в частности, государств, не разделяющих эти нормы, как потенциальных угроз.

Во-вторых, присутствует дихотомическая структура дискурса, в которой ЕС позиционируется как гарант справедливого международного порядка, а акторы, нарушающие правила (в том числе Россия) — как объекты сдерживания и изоляции с категорией «угроза». Этот нарратив, перекликающийся с конструктивистской дихотомией «свой-чужой», активно используется для легитимации внешнеполитических решений, включая санкционные меры.

В-третьих, повторяющимся паттерном является внешнеполитическая проекция нормативных принципов, в рамках которой продвижение европейских ценностей рассматривается как форма стратегического влияния, особенно в Восточной Европе, на Балканах и в странах Восточного партнерства.

Основные документы ЕС функционируют не только как стратегические ориентиры, но и как инструменты риторического и политического закрепления идентичности ЕС в меняющемся международном порядке. Они способствуют институционализации определенной картины мира, в которой Союз конструирует себя как центр «нормативной силы» и противопоставляет свое видение международных норм альтернативным геополитическим моделям.

ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

2.1. Россия во внешнеполитических документах ЕС: основные нарративы

Проведя анализ документов, описанных в первой главе, мы можем сделать вывод, что ЕС в течение длительного периода времени стремился поддерживать хорошие отношения с Россией в области экономики, региональной политики, энергетики, культуры и других сферах с целью формирования добрососедских отношений и поддержания региональной безопасности в начале XXI века. Однако, на протяжении всего существования ЕС и России как самостоятельных политических акторов сменялись периоды сотрудничества и соперничества, на что влияли как внутренние, так и масштабные глобальные процессы.

Согласно подходу Рут Водак, одной из ключевых функций коммуникации в политике является текстообразующая функция власти, заключающаяся в том, что власть не просто выражается через тексты, но и формируется, воспроизводится и легитимируется через них²²². Это означает, что политические документы, заявления и резолюции не только описывают международную реальность, но и создают её, придавая определённые значения актёрам, событиям и отношениям. В рамках дискурсивного институционализма тексты становятся средствами нормирования и фиксации допустимых интерпретаций, задавая рамки легитимных нарративов. Качественный контент-анализ в данном случае позволяет операционализировать теоретические положения дискурс-анализа применительно к конкретному корпусу официальных документов ЕС: зафиксировать, какие категории смысла воспроизводятся устойчиво и рекуррентно, как они соотносятся между собой и каким образом меняются в зависимости от политического контекста. Это особенно важно при работе с большим корпусом разнородных политических текстов — договоров,

---

²²² Wodak R. The discourse of politics in action: Politics as usual. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p.

резолуций, пресс-релизов, стратегических документов, — где необходима единая рамка интерпретации. В этом разделе работы мы демонстрируем, что в политике Европейского союза официальные документы — это не просто форма изложения решений, а инструмент власти, позволяющий закрепить образ России как «угрозы» и институционализировать внешнеполитическую стратегию ЕС через нормативную риторику.

В данном параграфе для анализа выбраны документы после присоединения Крыма в 2014 г., что стало поворотным моментом для дестабилизации отношений ЕС и России и изменения ключевых парадигм внешней политики ЕС. Действия России после широкомасштабных акций протеста в Украине в поддержку евроинтеграции (Евромайдан) были охарактеризованы западным сообществом, в том числе ЕС, как «агрессия». Западные страны обвинили РФ в дестабилизации политической обстановки на юго-востоке Украины и «аннексии» территории суверенного государства²²³. Основные меры ЕС в отношении России, на фоне украинского кризиса, были закреплены в ряде документов от множества официальных представителей ЕС²²⁴. Они охватывали дипломатический, экономический, финансовый и гражданский сектор взаимодействия между субъектами международной политики²²⁵. Рассмотрим, какие категории встречались в политической коммуникации чаще всего и какие подсмислы несли фразы, исходящие от официальных органов и лиц ЕС.

---

²²³ Olszański T.A., Sarna A., Wierzbowska-Miazga A. The consequences of the annexation of Crimea // Centre for Eastern Studies. 2014, March 19. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2014-03-19/consequences-annexation-crimea> (accessed 07.04.2023).

²²⁴ Joint statement on Crimea by President of the European Council Herman Van Rompuy and President of the European Commission José Manuel Barroso // European Council. 2014, March 16. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/141566.pdf (accessed 07.04.2023).

²²⁵ EU restrictive measures in view of the situation in Eastern Ukraine and the illegal annexation of Crimea // Council of the European Union. 2014, July 29. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/foraff/144159.pdf (accessed 07.04.2023).

Документы 2014–2016 годов

В.А. Рыжков характеризовал отношения между ЕС и Россией после 2014 года как фактическое противостояние²²⁶. В документах ЕС появлялись такие паттерны, как «давление» России на соседей, «дестабилизация» и «милитаризация» в контексте восточноевропейской политики²²⁷ (см. Приложение 4, блок А). Отдельный акцент делался на «нарушение международного права» и «вовлечение в локальные конфликты», среди которых перечислялись Приднестровье, Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия²²⁸. Стоит подчеркнуть, что в документах используются понятия «соседские отношения» и «стратегическое партнерство» в отношении России, но за ними идет множество «но» с перечислением «угроз» от России²²⁹. В целом, можно сказать, что в документах ЕС в процессе редукции четко стал виден устойчивый кодировочный шаблон: множество текстов ЕС воспроизводит идентичные формулировки: «ограничительные меры в связи с действиями, подрывающими территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины»²³⁰.

2015 год был отмечен исследователями-политологами как весьма сложный для отношений ЕС и России. Отсутствие саммитов и компромиссов, изменения трека партнерства – все это не давало большой надежды на будущее двусторонних отношений. Единственным послаблением было смягчение «космических санкций» с частичным снятием экономических ограничений, которые затрагивали компоненты ракетного топлива, необходимые для

---

²²⁶ Рыжков В.А. Указ. соч. – С. 13.

²²⁷ Situation in Ukraine and state of play of EU-Russia relations. European Parliament resolution of 18 September 2014 on the situation in Ukraine and the state of play of EU-Russia relations (2014/2841(RSP)) // European Parliament. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014IP0025&qid=1684085711393> (accessed 02.04.2023).

²²⁸ State of EU-Russia relations European Parliament resolution of 10 June 2015 on the state of EU-Russia relations (2015/2001(INI)) // European Parliament. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015IP0225&qid=1684085711393> (accessed 02.04.2023).

²²⁹ Ibid.

²³⁰ EUR-Lex document search. URL: https://eur-lex.europa.eu/search.html?textScope=ti-te&lang=en&text=crimea&qid=1684085711393&type=quick&scope=EURLEX&andText0=Russia&DD_YEAR=2015&page=2 (accessed 02.04.2023).

европейских космических программ²³¹. Несмотря на это, санкции против России со стороны США и стран ЕС были продлены. При этом уже тогда обозначилось отсутствие единого «фронта» по вопросу санкций, что подтверждали митинги и демонстрации, требующие отмены ограничений²³². При этом ЕС одновременно сталкивался с прессингом из-за миграционного кризиса, а вскоре и ростом евроскептицизма в связи с возникшим вопросом выхода Великобритании из состава интеграционного объединения²³³. Ответом на это в попытке укрепить солидарность Союза и его роль на мировой арене и стала Глобальная стратегия 2016 г., направленная на четкое разделение на «свою» картину мира и «своих» партнеров и «враждебную» Россию, что соответствует конструктивистскому анализу двусторонних отношений.

При этом Концепция российской внешней политики, опубликованная в 2016 году, не отрицала партнерства с ЕС²³⁴. В рамках попытки наладить взаимоотношения состоялась встреча на Петербургском экономическом форуме. В частности, обсуждался вопрос нормализации отношений между ЕС и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), однако коренных изменений диалог не принес²³⁵.

Идеологический разрыв между экономическими выгодами и представлением России как угрозы продолжился в 2016-2017 гг. Так, Ф. Джумелли, преподаватель Гронингенского университета, в своем экспертном комментарии EUObserver указал на рост торговли в 2017 г. между ЕС и Россией в обход санкций до 20%²³⁶. В это же время в пресс-релизе Европейского парламента о стратегии ЕС в отношении России было упомянуто об

---

²³¹ ЕС ослабил санкции против России в космической сфере // Life News. 2015. URL: <http://lifenews.ru/news/163801> (accessed 07.04.2023).

²³² В Италии прошел митинг противников европейских санкций против России // Первый канал. 2015. URL: https://www.1tv.ru/news/2015-06-14/19245-v_italii_proshel_miting_protivnikov_evropeyskih_sanktsiy_protiv_rossii (дата обращения 07.04.2023).

²³³ Емелина И.А. Отношения России и Евросоюза в условиях взаимных санкций // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. №7. – С. 39.

²³⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. N 640) // Гарант. URL: https://base.garant.ru/71552062/#block_1000 (дата обращения 07.04.2023).

²³⁵ Лихачев: мы сделали шаг навстречу ЕС, ждем ответных действий // РИА Новости. 2016. URL: <https://ria.ru/20160627/1453051246.html> (дата обращения 07.04.2023).

²³⁶ Giumelli F. EU-Russia trade bouncing back despite sanctions // EUObserver. 2017, October 17. URL: <https://euobserver.com/opinion/139485> (accessed 07.04.2023).

«осуждении» действий России в Сирии, необходимости уменьшать энергетическую зависимость ЕС от России и соблюдать Минские соглашения в контексте событий на Украине, а также «глубоком беспокойстве» насчет «российской пропаганды»²³⁷.

В 2016 г. по отношению к России Советом Европы был утвержден небольшой список принципов, подлежащих к исполнению²³⁸. ЕС полагал, что Россия представляет «угрозу для региональной безопасности и стабильности»²³⁹. Поддержание связей с российской стороной декларативно находилось в плоскости европейской безопасности. Таким образом, исходя из стратегии внешней политики и безопасности ЕС, Россия на тот исторический этап перестала являться государством, с которым возможно вести переговоры о стратегическом взаимодействии. Какие-либо поступательные дипломатические шаги также отвергались, согласно пунктам данного соглашения²⁴⁰.

Так, согласно данным принципам, будущее отношений между Европейским союзом и Россией тесно связано с развитием ситуации на Украине. Исполнение Минских соглашений является ключевым фактором для существенного изменения этих отношений. При этом ЕС отказывается признавать присоединение Крыма к России легитимным и относится к этому как к неправомерной аннексии. Далее, укрепление отношений ЕС с государствами-участниками «Восточного партнерства», странами-соседями и странами Центральной Азии играет важную роль во внешнеполитической стратегии ЕС, и обозначение данного намерения развития дипломатии в регионе указывает на понимание ЕС соперничества с Россией. Внутренняя устойчивость ЕС также

---

²³⁷Europe's strategy towards Russia: how Parliament sees the way forward // European Parliament. 2016, October 10. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/world/20161014STO47354/europe-s-strategy-towards-russia-how-parliament-sees-the-way-forward> (accessed: 07.04.2023).

²³⁸ Russel M. The EU's Russia policy: Five guiding principles // European Parliament. Directorate-General for Parliamentary Research Services. 2016, October 16. URL: <https://epthinktank.eu/2016/10/19/the-eus-russia-policy-five-guiding-principles/#:~:text=In%20March%202016%2C%20EU%20foreign,people%20contacts> (accessed 07.04.2023).

²³⁹ Bret C., Parmentier F. EU-Russia: Beyond Rivalries? Policy Paper // Notre Europe. Jacques Delors Institute. 2016, July 5. URL: <https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2020/08/eurussia-bretparmentier-jdi-july16-1.pdf> (accessed 07.04.2023).

²⁴⁰ Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС. Указ. соч. – С. 12.

является приоритетом, особенно в области энергетической безопасности, гибридных угроз и стратегических коммуникаций.

ЕС в тот период признавал необходимость выборочного взаимодействия с Россией по внешнеполитическим вопросам и в областях, где есть явный интерес Европейского союза. Также ЕС был готов активнее поддерживать гражданское общество в России, способствовать контактам между людьми и стимулировать обмены в научной, культурной и образовательной сферах, особое внимание уделяется контактам молодежи между Россией и странами ЕС²⁴¹. Однако влияние Глобальной стратегии и внешнеполитического контекста оказалось слишком сильным, и далее в документах ЕС прослеживалась четкая тенденция по институционализации изоляции России.

Документы 2017–2022 годов

Данный этап в отношениях ЕС-РФ важно подчеркнуть, так как дискурсивные конструкции стали не просто отражать позицию ЕС, а производить и закреплять нормативную идентичность, в которой Россия противопоставляется как «чужой» актор. Лексические единицы «неспровоцированная агрессия», «подрыв безопасности», «дестабилизация» закрепились как рекуррентные категории, задающие интерпретационную рамку восприятия России в глазах как европейской, так и международной аудитории (см. Приложение 4, блок Б).

Отдельно в тот период ЕС подчеркивал проблему соблюдения прав человека в России. На официальном уровне Россия неоднократно декларировала приверженность к европейской системе обеспечения прав и свобод человека. ЕС же неоднократно обвинял РФ в нарушении заявленных ею принципов²⁴². Россия, с точки зрения ЕС, представляет собой государство, в котором систематически

---

²⁴¹ Russel M. The EU's Russia policy: Five guiding principles // European Parliament. Directorate-General for Parliamentary Research Services. 2016, October 16. URL: <https://epthinktank.eu/2016/10/19/the-eus-russia-policy-five-guiding-principles/#:~:text=In%20March%202016%2C%20EU%20foreign,people%20contacts> (accessed 07.04.2023).

²⁴² Case of Bayev and Others v. Russia // European Court of Human Rights. .2017, June 20. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-174422> (accessed 08.04.2023).

нарушаются либерально-демократические основы. Особое внимание в докладах Евросоюза уделялось проблеме политзаключенных, свободе проведения политических акций и российской избирательной системе. Согласно ЕС, принятые в России ограничительные законы вызвали у политиков и гражданского общества «опасения» и «озабоченность»²⁴³. Россия, в диалоге по теме прав и свобод человека, настаивала на возвращении отношений к более конструктивным составляющим. Министр иностранных дел РФ С. Лавров заявлял о важности восстановления связей с ЕС по данному вопросу.²⁴⁴

Также в заявлении Высокого Представителя от имени Евросоюза, опубликованном в середине 2018 года в честь 10-летия российско-грузинского конфликта, содержалось осуждение военного присутствия РФ в Абхазии и Южной Осетии. Европейский союз выступал за урегулирование противостояния дипломатическими средствами и методами, закрепленными в международном праве.²⁴⁵

13 марта 2019 года Европейский парламент принял резолюцию, представленную Сандрой Калниете из Латвии, о политических отношениях между Европейским союзом и Россией. Голосование в Парламенте ЕС привело к следующему результату: 402 голоса «за», 163 голоса «против» и 89 воздержались²⁴⁶. Резолюция резко осуждала действия России в отношении Украины и предлагала ужесточить политику ЕС в отношении России. В частности, предлагалось пересмотреть Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС от 1994 года, отказаться от концепции «стратегического партнерства с Россией», ввести новые санкции и остановить проект «Северный поток-2». Авторы резолюции считали выполнение Минских соглашений Россией предпосылкой для нормализации отношений с ЕС.

---

²⁴³ Reid G. European Court Condemns Russia's Gay Propaganda Law // Human Rights Watch. 2017, June 22. URL: <https://www.hrw.org/news/2017/06/22/european-court-condemns-russias-gay-propaganda-law> (accessed 08.04.2023).

²⁴⁴ Рыжков В. Европейский процесс: страны и регионы // Современная Европа. 2019. №3. – С. 13-24.

²⁴⁵ Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the 10 years anniversary of the conflict between Russia and Georgia // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/08/07/declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-eu-on-the-10-years-anniversary-of-the-conflict-between-russia-and-georgia/> (accessed 08.04.2023).

²⁴⁶ European Parliament resolution of 12 March 2019 on the state of EU-Russia political relations // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0157_EN.html (accessed 08.04.2023).

При этом Россия и ЕС активно сотрудничали в рамках Европейской энергетической хартии. Этот документ предполагает совместное многостороннее развитие государств в сфере энергетики. Россией в 90-х годах были подписаны соответствующие данной декларации соглашения. При участии РФ хартия была модернизирована в 2009 году, однако впоследствии взаимодействие России и Евросоюза в рамках соглашений ограничилось.²⁴⁷ В повестке экономического диалога в отчетном периоде ключевым вопросом были газовые переговоры. В связи с завершением в декабре 2019 года десятилетнего контракта между «Газпромом» и «Нафтогазом» на транзит газа через Украину, 21 января в Брюсселе состоялись переговоры с участием представителей России, Украины и ЕС²⁴⁸. Россия настаивала на продлении действующего контракта, Киев предлагал заключить новый контракт в соответствии с европейским законодательством, а Брюссель подчеркивал необходимость долгосрочных гарантий бесперебойных поставок газа. Стороны не достигли единого решения из-за множества противоречащих факторов и отсутствия конструктивных предложений со стороны Украины²⁴⁹.

В апреле 2019 года Европарламент проголосовал за продление срока действия Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между ЕС и Россией на пятилетний период. Это уже четвертое продление данного соглашения, которое было подписано в 2000 году (предыдущие продления произошли в 2004, 2009 и 2014 годах). В тексте нового соглашения отмечается, что научное сотрудничество между ЕС и Россией в последние годы значительно ниже его потенциала²⁵⁰.

---

²⁴⁷ Russia and the Energy Charter Treaty // Energy Charter. URL: <https://www.energycharter.org/what-we-do/knowledge-centre/occasional-papers/russia-and-the-energy-charter-treaty/> (accessed 08.04.2023).

²⁴⁸ Топорков А. Трехсторонние переговоры о транзите газа через Украину провалились // Ведомости. 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/01/21/792015-trehstoronnie-peregovori> (дата обращения 10.04.2023).

²⁴⁹ Дегтерёва Е.А. Политический и экономический диалог России и Европейского союза // Европейский союз: факты и комментарии. 2019. №96. – С. 117.

²⁵⁰ European Parliament legislative resolution of 17 April 2019 on the draft Council decision on the renewal of the Agreement on cooperation in science and technology between the European Community and the Government of the Russian Federation (07683/2019 – C8-0153/2019 // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0413_EN.html (accessed 08.04.2023).

В начале 2021 года Евросоюз задокументировал совместное заявление Европарламента и Совета Европы о взаимоотношениях с Россией. Европейское сообщество выразило «озабоченность» стремлением российских властей навязывать политическую волю соседним государствам, «подрывать основы международного права». Деятельность России воспринималась в этом документе как противопоставленная ЕС, направленная против этого блока. С точки зрения социально-экономической составляющей, Россия оставалась важным партнером. Например, Евросоюз настаивал на продолжении контактов в рамках программ Северного измерения, Совета государств Балтийского моря и др.²⁵¹

Европейский Союз сохраняет ряд каналов связи открытыми, ясно давая понять, что его отношения с Россией не являются безнадежными. Один из важных начатых диалогов касается последствий для России реализации DCFTA, которое является торговым компонентом Соглашения об ассоциации с Украиной. Европейский Союз отложил свою предварительную заявку до января 2016 года (которая включает доступ на рынок ЕС), чтобы удовлетворить требования России. Один из представителей ЕС отметил, что многие государства-члены не одобряли эти переговоры и считали, что они дают России преимущество²⁵². Европейский Союз также поддерживает трансграничное сотрудничество с Россией, а также поддержку российского гражданского общества. По многосторонним вопросам Европейский Союз поддерживает открытый диалог с Россией по Ирану, Сирии, миграционному кризису и ИГИЛ²⁵³, исходя из того, что лучше вести переговоры с Россией, чем

---

²⁵¹ Joint communication to the European Parliament, the European Council and the Council // European Commission. 2021, June 16. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2021-06/joint-communication-eu-russia-relations.pdf> (accessed 07.04.2023)

²⁵² Pohoata I., Baciu A.-L., Roibu P.-A. Is the DCFTA Between EU and Ukraine Negatively Impacting Russia's Economy? // CES Working Papers. Alexandru Ioan Cuza University of Iasi, Centre for European Studies, Iasi. 2016. Vol. 8. Iss. 4. – P. 701.

²⁵³ Организация запрещена на территории РФ.

изолировать ее, и это может привести к ограниченному сотрудничеству в областях, представляющих взаимный интерес.²⁵⁴

В 2020 году многие совместные проекты, политические контакты, культурные обмены и даже экономическое сотрудничество прекратились из-за пандемии. Тем не менее, состоялся ряд значимых политических переговоров в многостороннем формате. Например, 30 апреля 2020 года в Москве во время встречи министров иностранных дел в режиме видеоконференции в Нормандском формате Министр иностранных дел России Сергей Лавров попросил своих французских и немецких коллег использовать свою ответственность как сторон Минских соглашений и соавторов, чтобы повлиять на Киев и побудить его прекратить уклоняться от просьб о налаживании прямого диалога для решения всех вопросов, которые у него есть с Донецком и Луганском²⁵⁵.

При этом, как отмечает Е.Ю. Макарова, дополнение к санкциям, направленным против кибератак (2020) и нарушений прав человека (2020) демонстрировали восприятие России как угрозы и «чужого» по ценностям государства в более широком спектре тем²⁵⁶. Данные санкционные «пакеты» включали в себя визовые запреты, замораживание активов и финансовые ограничения.

Документы 2022–2024 годов

С началом полномасштабных военных действий на территории Украины в отношениях России и ЕС произошел разрыв. Евросоюз решительно осудил действия российской стороны, инициировав международную, гуманитарную, экономическую и военную миссию в рамках поддержки Украины. Саммит

---

²⁵⁴ Pezard S. et al. European Relations with Russia. Threat Perceptions, Responses, and Strategies in the Wake of the Ukrainian Crisis // Rand Research Report. 2017. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/AD1054032.pdf> (accessed 08.04.2022).

²⁵⁵ Лавров: выполнен только один пункт из 9 решений саммита «нормандской четверки» в Париже // ТАСС. 2020. URL: <https://tass.ru/politika/8376977> (дата обращения 22.04.2022).

²⁵⁶ Макарова Е.Ю. Влияние европейских санкций на торговые отношения РФ и ЕС // В сборнике: научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки. сборник статей по материалам LXXXVII студенческой международной научно-практической конференции. 2019. – С. 88.

Европейского совета описал действия России как «неспровоцированную и неоправданную военную агрессию».²⁵⁷ Евросоюз на фоне обострения российско-украинского конфликта вошел в период стремления к единению и солидарности. Страны ЕС однозначно высказали приверженность украинской стороне.

После начала СВО в Украине ЕС приостановил реализацию программ сотрудничества с Россией. Евросоюз также серьезно расширил пакет санкций в ответ на действия России. Эти меры были призваны ослабить способность Кремля финансировать армию и создать явные экономические и политические издержки для представителей российской политической элиты, ответственных за внешнеполитические решения. ЕС непоколебимо поддержал Украину и неоднократно призывал Россию к немедленному прекращению военных действий, выводу из Украины всех военных сил и техники, а также полному соблюдению территориальной целостности, суверенитета и независимости Украины.²⁵⁸ Совет Европы выпустил, соответствующее вышеизложенным принципам, заявление. В нем более подробно разъясняется позиция ЕС по теме СВО.²⁵⁹

В 2022 году Россия была исключена из Совета Европы решением Комитета министров²⁶⁰. В марте того же года РФ денонсировала Европейскую конвенцию по правам человека, которую учредил ЕСПЧ.²⁶¹ В документе Комитета министров, официально уведомляющем об исключении России из организации, используется ярко выраженный негативный риторический паттерн, направленный на дискредитацию России как члена европейского сообщества. В

---

²⁵⁷ Кавешников Н. Антироссийская политика Европейского союза как реакция на украинский кризис // Российский совет по международным делам. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/antirossiyskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-kak-reaktsiya-na-ukrainskiy-krizis/> (дата обращения 03.04.2023).

²⁵⁸ Европейский союз и Российская Федерация // Сайт Представительства Европейского союза в Российской Федерации. URL: https://www.eeas.europa.eu/russia/evropeyskiy-soyuz-i-rossiyskaya-federaciya_ru?s=177 (дата обращения 03.04.2023).

²⁵⁹ EU response to Russia's invasion of Ukraine // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-response-ukraine-invasion/> (accessed 07.04.2023).

²⁶⁰ Российская Федерация исключена из Совета Европы / Совет Европы. 2022. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/the-russian-federation-is-excluded-from-the-council-of-europe> (дата обращения 03.04.2023).

²⁶¹ Россия окончательно вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ // РБК. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/09/2022/632564819a7947a3b0105b6f> (дата обращения 03.04.2023)

статье 3 повторяются конструкции «серьезное нарушение», «агрессия России против Украины», «нарушение международного права и основополагающих ценностей Совета». Данные фразы играют роль нормативного ярлыка, маркирующего Россию как «недостойного» партнера, «чужого» актора согласно конструктивистской бинарности. Далее, используются экспансивные эпитеты: «безоговорочное осуждение», «сильнейшее осуждение агрессии», что в контексте анализа политических текстов превращается в инструмент моральной дисквалификации. Также фразы вроде «гибридные угрозы безопасности Европы», «виновность в подрыве безопасности» образуют рекуррентную категорию системной угрозы в корпусе текстов. И, наконец, присутствует паттерн легитимации изоляции: «единогласное решение», «единство» (документ подчеркивает отсутствие голосов против — 216 «за», 0 «против», 3 «воздержались»), что выполняет стратегию конструирования норматива для изоляции и формирования устойчивого негативного образа России (см. Приложение 4, блок В).

Более того, Европарламентом была принята резолюция, признающая Россию спонсором мирового терроризма. Согласно этому документу, РФ признается виновной в совершении военных преступлений, в том числе «разрушении гражданской инфраструктуры», «серьезных нарушений норм международного и гражданского права»²⁶². Это жесткая риторическая категоризация, превращающая Россию в устойчивый символ опасности и представляющая собой тотальную делегитимацию.

Согласно Т.В. Гудушаури, с течением времени каждый пакет санкций постепенно видоизменялся и расширял свой охват, дополняя режимы, введенные с 2014 года, и приписывая все больше «агрессии» России. Были внесены новые ограничения, в том числе запрет на импорт товаров с территорий Донецка, Луганска, Запорожья и Херсона в страны Европейского союза²⁶³.

---

²⁶² European Parliament declares Russia to be a state sponsor of terrorism // European Parliament. 2022, November 23. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20221118IPR55707/european-parliament-declares-russia-to-be-a-state-sponsor-of-terrorism> (accessed 07.04.2023).

²⁶³ Гудушаури Т.В. Санкции ЕС: определение, виды, цели, результативность // E-Scio. 2022. № 5 (68). – С. 379.

Результат «бесконечного» количества санкций, начиная с февраля 2022 года, представляет собой «усиливающееся давление», которое дополняет ранее введенные санкции в 2014 году, заявили представители ЕС в отчете рабочей группы «Солидарность ЕС с Украиной»²⁶⁴. Основная цель состоит в ухудшении экономического положения России и ограничении ее ресурсов и возможностей. Кроме того, эти санкции также предназначены для затруднения доступа России к военным технологиям. В данном случае постсоветские страны, обладающие колоссальным промышленным потенциалом, являются наиболее подходящими политическими и экономическими партнерами, что будет проанализировано далее в работе.

Опыт 2022–2024 годов показал, что введение новых санкций против России для Европейского Союза становится все более затруднительным. На уровне Совета ЕС все труднее достигать консенсуса по согласованию ограничительных мер и обеспечению их исполнения. Эти обстоятельства стимулируют внутренние институциональные изменения, которые могут потребовать поправок в учредительные договоры ЕС. Еще в мае 2022 года Еврокомиссия заявила о необходимости признать обход санкций преступлением на уровне Союза²⁶⁵. В пояснительной записке предлагалось включить нарушение ограничительных мер в перечень уголовных преступлений, указанных в статье 83, пункте 1 ДФЕС («особо тяжкие преступления с трансграничной ответственностью»).

Следуя предложению Комиссии, в ноябре 2022 г. Совет ЕС поддержал решение включить нарушение ограничительных мер в список преступлений ЕС²⁶⁶. Это достаточно серьезная мера, которая может негативно сказаться на

---

²⁶⁴ EU sanctions against Russia following the invasion of Ukraine // European Commission. URL: https://eu-solidarity-ukraine.ec.europa.eu/eu-sanctions-against-russia-following-invasion-ukraine_en (accessed 08.06.2023).

²⁶⁵ Proposal for a Council Decision on adding the violation of Union restrictive measures to the areas of crime laid down in Article 83(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union // EUR-Lex. Access to European Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A0247%3AFIN> (accessed 08.06.2023).

²⁶⁶ Council Decision (EU) 2022/2332 of 28 November 2022 on identifying the violation of Union restrictive measures as an area of crime that meets the criteria specified in Article 83(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=urisrv%3AOJ.L_2022.308.01.0018.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A308%3ATOC (accessed 01.12.2022).

партнерах России, так как ставит их действия и поддержание дружественных отношений с Россией под угрозу. Это является явной политической манипуляцией ЕС в отношении стран, где интеграционная группировка хочет расширить влияние, демонстрирующая почти приказ определиться, кто для стран является «своим», а кто «чужим», порицая взаимодействие с Россией как «угрозой» ЕС и «демократическому обществу»²⁶⁷. Нарастающая сложность процесса выработки новых ограничительных мер становится вызовом для ЕС, ответ на который объединение находит во внутренних преобразованиях. Формируя общий инструментарий мер по контролю за выполнением санкционных ограничений, ЕС сохраняет пространство для реализации воли и государств-членов.

Важно подчеркнуть, что на момент 2022 года ЕС четко стоял на позиции «победы Украины» и «всесторонней поддержки». В первой же резолюции после нападения (1 марта 2022 года) парламент осудил агрессию РФ и выразил «неделимую солидарность с народом Украины», призвав «свободный мир поддержать их борьбу за мир и свободу *всеми средствами*, имеющимися в его распоряжении»²⁶⁸. В резолюции от 6 октября 2022 года официальные лица ЕС заявили, что поддержка Украине должна быть полной и безусловной. Европейский совет призвал лидеров ЕС обеспечить «полную и безоговорочную поддержку Украине в противостоянии российской агрессии»²⁶⁹. Неоднократно на высшем уровне звучала и установка помогать Украине «столько, сколько потребуется для *победы*». Лидеры ЕС прямо заявляли, что будут стоять на стороне Украины «сколько бы времени это ни заняло». В частности, в совместном заявлении от 30 сентября 2022 года (после попытки аннексии украинских областей Россией) они подчеркнули, что «ЕС будет поддерживать

---

²⁶⁷ Кишина Е.В. Семантическая оппозиция «Свой чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник КемГУ. 2011. №4. – С. 174.

²⁶⁸ European Parliament resolution of 1 March 2022 on the Russian aggression against Ukraine // European Parliament. 2022, March 1. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0052_EN.html#:~:text=5,terms%20Russia's%20actions%20against%20Ukraine (accessed 01.07.2024).

²⁶⁹ European Council conclusions on Ukraine, 30 May 2022 // European Council. 2022, May 30. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/05/31/european-council-conclusions-on-ukraine-30-may-2022/#:~:text=2,work%20closely%20with%20international%20partners> (accessed 01.07.2024).

Украину столько, сколько нужно»²⁷⁰. Эта фраза – в оригинале “for as long as it takes” – стала лейтмотивом европейских саммитов; фактически ЕС обязался оказывать поддержку до *победного конца*. Полное восстановление территориальной целостности Украины было зафиксировано как неизменная позиция ЕС (см. Приложение 4, блок В)²⁷¹.

Однако, в дальнейших документах фокус на победе Украины исчез и нарратив строился вокруг России как «общего врага» и «чужого» для ЕС. Так, в выводах Европейского совета прямо заявлено, что «России не должно быть позволено *достичь успеха* в ее агрессии»²⁷². В резолюции Европарламента, принятой к двухлетней годовщине СВО, ЕС утверждает, что Россия ведет «незаконную, неспровоцированную и ничем не оправданную полномасштабную агрессивную войну против Украины» и что «действия России продолжают угрожать миру и безопасности *в Европе и во всем мире*», смещая акцент от Украины к международной безопасности и сдвигая фрейм в отношении локального конфликта в плоскость глобальной угрозы²⁷³. В этом же документе присутствует фраза про «крупнейший военный конфликт на европейском континенте со времен Второй мировой войны, отражающий растущее напряжение между авторитаризмом и демократией»²⁷⁴. Такая риторика подчеркивает стремление транслировать юридическую нелегитимность российской агрессии в политической коммуникации ЕС. Официальные лица ЕС

---

²⁷⁰ EU adopts its latest package of sanctions against Russia over the illegal annexation of Ukraine's Donetsk, Luhansk, Zaporizhzhia and Kherson regions // European Council. 2022, October 6. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/10/06/eu-adopts-its-latest-package-of-sanctions-against-russia-over-the-illegal-annexation-of-ukraine-s-donetsk-luhansk-zaporizhzhia-and-kherson-regions/> (accessed 01.07.2024).

²⁷¹ European Council conclusions on the Russian military aggression against Ukraine, 24 March 2022 // European Council. 2022, March 24. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/25/european-council-conclusions-on-the-russian-military-aggression-against-ukraine-24-march-2022/> (accessed 01.07.2024).

²⁷² European Council meeting (27 June 2024) – Conclusions // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/qa3lbg/a/euco-conclusions-27062024-en.pdf> (accessed 01.07.2024).

²⁷³ Joint Motion for a resolution on the need for unwavering EU support for Ukraine, after two years of Russia's war of aggression against Ukraine // European Parliament. 2024, February 28. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2024-0143_EN.html (accessed 01.07.2024).

²⁷⁴ Ibid.

прямо называют войну «преступлением агрессии», а российское руководство – «режимом», указывая на его «нелегитимность» в глазах ЕС²⁷⁵.

Таким образом, очевидно, что отношения России и ЕС прогрессивно ухудшались с изменением международного баланса сил и отдаления ЕС от России политически и ценностно. Несмотря на тесные связи и историко-культурную близость, кризис в отношениях ЕС с Россией имеет затяжной и глубокий характер.

Мы можем сделать следующие выводы по результатам исследования в данном параграфе:

1. В параграфе был рассмотрен корпус стратегических, нормативных и политико-декларативных документов ЕС, в которых формируется отношение к России как к международному актору. Особое значение имеет Глобальная стратегия ЕС 2016 года, в которой Россия уже не фигурирует в качестве стратегического партнера, а упоминается исключительно в контексте региональной безопасности и источника потенциальных угроз. С 2022 года санкционная политика приобрела системный характер, а риторика ЕС окончательно закрепила образ России как внешнего вызова общеевропейскому порядку.
2. Прослеживается четкая дискурсивная трансформация: от прагматичного взаимодействия и развития экономических связей в докризисный период (до 2013–2014 гг.) к стратегической конфронтации. Это отражено в изменении языковых формулировок официальных текстов: от терминов «сотрудничество», «модернизация», «партнерство» — к лексике «агрессия», «угроза», «гибридные действия». Таким образом, происходит фрейминг России как «чужого» и закрепление образа структурного противника. В консолидированных документах Европейского совета категории «угрозы» и «агрессии» являются наиболее рекуррентными в

---

²⁷⁵ European Council meeting (27 June 2024) – Conclusions // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/qa3lblga/euco-conclusions-27062024-en.pdf> (accessed 01.07.2024).

контексте территориальной целостности Украины, которую ЕС признал «нарушенной». Такой паттерн непосредственно отразился на политических решениях: например, Европейский совет объявил об отмене саммитов ЕС-Россия и ограничении взаимодействия из-за «дестабилизации» Украины и с неоднократно повторяющейся целью и фразой «остановить Россию».

3. Вместе с тем позиции внутри ЕС по отношению к России остаются неоднородными. Несмотря на формальную консолидацию внешнеполитических решений, ряд стран-членов демонстрируют более сдержанную или альтернативную позицию по ключевым вопросам санкций, поставок вооружений и перспектив восстановления диалога. Фактический кризис Вышеградской группы и размывание единой внешнеполитической идентичности Восточной Европы свидетельствуют о фрагментации политических установок ЕС и ограниченной легитимности универсального антироссийского нарратива.
4. Санкционные меры выступают не только инструментом внешнеполитического давления, но и средством внутренней мобилизации ЕС, формирования единой нормативной идентичности и демонстрации политической солидарности с Украиной. Однако, при всей кажущейся последовательности санкционной риторики (с 2014 по 2024 гг.), значительный массив документов фиксирует прагматические колебания, исключения, корректировки и политическую гибкость, обусловленную экономическими интересами отдельных государств-членов.
5. Перспективы трансформации отношений ЕС и России в текущих условиях остаются высоко неопределенными. Даже в случае деэскалации конфликта, возвращение к партнерским отношениям в докризисной логике маловероятно: дискурсивное закрепление России в качестве угрозы уже стало частью политической идентичности ЕС. Более реалистичным сценарием представляется постепенное сосуществование в условиях

стратегического недоверия с возможными точечными взаимодействиями в зонах взаимной зависимости. Их и проанализируем далее.

2.2. Анализ нарративов в отношении России отдельных стран ЕС на примере Германии и Италии

ЕС представляет собой сообщество государств с различными экономическими, политическими, историческими и культурными особенностями, имеющие единые идеалы и ценности, стандарты внутренней и внешней политики. Исходя из этих условий, в контексте международных отношений возникает институциональная двойственность: политика отдельного государства и политика страны-члена в рамках Общей внешней политики и политики безопасности. Национальные парламенты и Европейский парламент могут иметь отличные от своих правительств взгляды, особенно если в стране присутствует большое разнообразие политических взглядов и/или оппозиционные партии имеют значительное влияние. Отдельные политические акторы могут влиять на или критиковать позицию правительства, особенно когда речь идет о ратификации международных договоров или соглашений. Данный аспект интересен для изучения, так как он раскрывает институциональный характер внешнеполитической стратегии ЕС и помогает проанализировать, какие есть расхождения в политике государств-членов ЕС от общей позиции Брюсселя.

Формирование единой внешнеполитической линии ЕС в отношении России осложняется существенными расхождениями в позициях государств-членов. При этом устойчивым историческим стереотипом в восприятии России выступает образ «огромного государства», доминирующего над «малой Европой»²⁷⁶. Практика взаимодействия российской дипломатии с

---

²⁷⁶ Zysk K. Russia's Geopolitical Vision: a Threat to European Security // Sciences Po. 2022, April 10. URL: <https://www.sciencespo.fr/cepi/fr/content/dossiersducepi/russia-s-geopolitical-vision-threat-european-security> (accessed 12.12.2023).

представителями ЕС показывает, что Брюсселю сложно выстраивать долгосрочные партнерские отношения с государствами, для которых членство в ЕС не является стратегическим приоритетом. В то же время двусторонние контакты отдельных стран-членов ЕС с Россией традиционно отличались большей гибкостью и охватывали широкий спектр сфер сотрудничества.

В качестве кейсов взаимодействия ЕС и России были взяты Германия и Италия по ряду причин:

1. Во-первых, обе страны — ключевые члены ЕС, оказывающие заметное влияние на формирование общей внешнеполитической повестки. Германия — крупнейшая экономика ЕС и один из архитекторов общеевропейского подхода к Восточной политике. Италия — важный средиземноморский актер с устойчивыми политическими и экономическими связями с Россией, а также активный участник дипломатических инициатив, особенно в период до 2022 года. Обе страны имеют вес в международных институтах, но при этом демонстрируют разный стиль внешнеполитической артикуляции, что позволяет сравнивать разные нарративные траектории внутри одного институционального контекста ЕС. Государства имеют 96 и 76 мест в Европейском парламенте соответственно.
2. Во-вторых, динамика отношений Германии и Италии с Россией отличается особой сложностью и нелинейностью. Германия на протяжении десятилетий развивала политику «Вандель дурх Хандель» (изменение через торговлю), а вплоть до 2022 года сохраняла высокую степень энергетической зависимости от России. Италия, в свою очередь, несмотря на формальную солидарность с санкционной политикой ЕС, традиционно демонстрировала более прагматичный и гибкий подход к России, поддерживая тесные связи в области энергетики, бизнеса и дипломатии. Эти отличия делают обе страны важными примерами для анализа как национальный дискурс пересекается с общеевропейским, дополняет его или противоречит ему.
3. В-третьих, в контексте анализа политических акторов и политической коммуникативистики наличие дружественных России политических сил в

каждой из указанных стран (партии, движения, лидеры) и сохранение определенной открытости к диалогу в рамках одобренных ЕС тем делает анализ выбранных стран особенно интересным.

В то же время, другие потенциальные кейсы, такие как Венгрия и Австрия, по ряду причин представляются менее продуктивными для анализа. Венгрия, несмотря на резонансный и открыто пророссийский дискурс, демонстрирует слишком предсказуемую и однозначную риторику, что делает ее анализ менее дискурсивно-насыщенным. То же можно сказать и про страны Балтии, но в противоположном контексте: абсолютно вся риторика негативна. Австрия же, обладая статусом нейтрального государства, проводит сравнительно пассивную внешнюю политику, и ее нарративы в отношении России, как правило, носят менее выраженный характер и не оказывают существенного влияния на общий внешнеполитический курс ЕС.

Таким образом, Германия и Италия представляют собой репрезентативные и контрастные примеры крупных демократических государств ЕС, чьи национальные нарративы в отношении России позволяют проследить влияние истории, идеологии, экономики и внутривнутриполитической динамики на формирование внешнеполитических дискурсов в рамках единой европейской рамки. Более того, на примере этих кейсов интересно рассмотреть механизм текстологического контроля ЕС и стремление подвести официальные документы стран-членов под общие категории и коммуникационные шаблоны.

Текстологический контроль — это институционализированный комплекс практик ЕС по выработке и поддержанию единого словаря, фреймов и нормативных формул во внешнеполитической коммуникации (включая санкционную риторику, юридико-нормативные оценки и ценностные бинарности), который снижает вариативность национальных позиций в публичных текстах государств-членов и задает рамки допустимых интерпретаций. Индикаторами такого контроля являются определенные

«лексические якоря»²⁷⁷ — устойчивые выражения, которые повторяются от «референсных» текстов ЕС к национальным текстам, маркеры, указывающие на решения и формулировки именно ЕС (например, «в координации с партнерами», «в рамках ЕС», «в соответствии с решениями Совета»), модальность («мы должны», «мы обязаны»), бинарность («демократия-авторитаризм», «правонарушение права») и опора на общие ценности и рамки ЕС как института.

Рассмотрим отношения Германии и Италии с Россией в исследуемый период с точки зрения акторности «государство» и «страна-член ЕС» и сравним нарративы в отношении России, представленные в политической коммуникации этих государств.

Германия

Германия и Россия исторически имеют продолжительный опыт тесного сотрудничества со времен СССР. Окончание Второй мировой войны и распад Третьего рейха стали переломным событием, которое помогло сформировать новую немецкую идентичность, основанную на верховенстве закона, рыночной экономике, уважении к правам человека. Восточная Германия (ГДР) была тесно связана с СССР — идеологией, политическим управлением, экономической моделью и, конечно, внешнеполитическими решениями. Сближение между Россией и Германией активно развивалось в начале 1970-х годов в рамках «Новой восточной политики» тогдашнего канцлера Западной Германии Вилли Брандта, результатом которой стал Московский договор 1970 года между Советским Союзом и Западной Германией, а также договоры Западной Германии с Польшей и Германией²⁷⁸.

Распад Советского Союза в 1991 году, последовавший за воссоединением Германии, не отменил отношения между Германией и Российской Федерацией, исторической преемницей Советского Союза. Напротив, двусторонние

---

²⁷⁷ Handl S., Graf E.V. Collocation, anchoring, and the mental lexicon – an ontogenetic perspective // Cognitive Foundations of Linguistic Usage Patterns. Ed. by H.-J. Schmid, S. Handl. De Gruyter, 2010. – P. 119.

²⁷⁸ Филитов А.М. СССР и «Новая восточная политика ФРГ» // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №3(54). – С. 125.

отношения активно развивались на всех уровнях и во многих сферах. Так, пиковое значение экспорта из Германии в Россию составило 48,8 млрд долларов, России в Германию — 33 млрд. долл., и в то время, как Брюссель «выражал опасения насчет энергетической безопасности Германии»²⁷⁹, сама Германия называла Россию одним из ключевых торговых партнеров²⁸⁰. Россия и Германия также сотрудничали в области борьбы с терроризмом, ограничения вооружений, образования и науки, производилось множество встреч между президентом РФ Владимиром Путиным и канцлером Германии Ангелой Меркель²⁸¹.

В период с 2014 по 2024 год отношения Германии с Россией были неоднородными и значительно менялись из-за различных политических сдвигов и глобальных трендов. В официальных документах этого периода можно найти множество фраз, исходящих от Брюсселя, соответствующих кодированию по признаку «российской агрессии», «нарушения прав человека» и «угрозы гражданскому обществу». Власти Германии были «обеспокоены» тем, как авторитарное правление и «олигархический капитализм» укореняются в России вместе с курсом на «консервативные и традиционные ценности»²⁸². Однако также были опубликованы и политические тексты, призывающие не разрывать отношения с Россией и действовать рационально. Разберем их в хронологическом порядке сначала с точки зрения главных правительственных акторов, а затем с точки зрения партий как самостоятельных источников политической коммуникации.

После присоединения Крыма политическое сотрудничество между Германией и Россией было формально остановлено, и Германия поддерживала отношения с независимыми российскими негосударственными организациями

---

²⁷⁹ Stent A. Berlin's Russia Challenge // Insight Turkey. 2007. Vol. 9. No. 2. – P. 158.

²⁸⁰ Gottberg V. Big Business // Deutsche Welle. 2007, December 25. URL: <https://www.dw.com/en/booming-russian-economy-draws-german-firms-eastward/a-3010961> (accessed 10.01.2024).

²⁸¹ Егоров А.И. Россия – Германия: от «стратегического партнерства» к прагматическому сотрудничеству (2001–2008 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. №1(17). – С. 172.

²⁸² Hartmann J. et al. The Zeitenwende Beyond Germany // Internationale Politik Quarterly. 2023, March 9. URL: <https://ip-quarterly.com/en/zeitenwende-beyond-germany> (accessed 10.01.2024).

(НГО)²⁸³, многие из которых были позднее были признаны иностранными агентами согласно Федеральному закону «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 N 255-ФЗ²⁸⁴. При этом встречи лидеров государств продолжались, хоть и в более сокращенном формате.

Так, в 2015 г. канцлер Германии Ангела Меркель приехала в Москву для обсуждения конфликта на Украине и взаимодействия России и ЕС. Она подчеркнула, что «необходимо работать, сотрудничать, в том числе и по сложным ситуациям, как сейчас, и пытаться найти дипломатические решения»²⁸⁵. Тогда Владимир Путин и Ангела Меркель пришли к компромиссу насчет выполнения Минских соглашений и активного диалога насчет военных действий в Донецке и Луганске, что также обговаривалось во время возложения цветов на могилу неизвестного солдата, подчеркивая историческое примирение России и Германии.

Встреча двух лидеров в 2017 г. была менее результативной в связи со сложностью найти диалог по вопросу украинского конфликта, а также обсуждения развития конфликта в Сирии и предполагаемую кибератаку на Бундестаг в преддверии выборов в Германии²⁸⁶. Канцлер отметила, что подобные попытки дестабилизации немецкой политики повлекут «решительные действия», которые она не хотела бы применять в рамках попыток поддерживать «конструктивный диалог» с Россией. Она также высказалась о том, что даже при «различных мнениях диалог должен продолжаться; это гораздо лучше, чем тишина»²⁸⁷. При этом эксперты German Institute for International and Security

---

²⁸³ Listing of German NGOs as 'undesirable organisations' by Russia and detention of Andrei Pivovarov, 10 June 2021 // European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/delegations/en/listing-of-german-ngos-as-undesirable-or/product-details/20220113DPU32014> (accessed 10.01.2024).

²⁸⁴ Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 N 255-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения 10.01.2024).

²⁸⁵ Merkel urges Russia cooperation, honours Soviet WWII dead // France 24. 2015, May 10. URL: <https://www.france24.com/en/20150510-merkel-calls-russia-cooperation-honours-soviet-wwii-dead-ukraine-putin-germany> (accessed 10.01.2024).

²⁸⁶ Merkel visits Russia for first time in two years, tense meeting with Putin // France 24. 2017, May 2. URL: <https://www.france24.com/en/20170502-russia-germany-merkel-putin-visit-two-years-tense-us-election-hacking-ukraine> (accessed 15.01.2024).

²⁸⁷ Rinke A., Pinchuk D. Putin, Merkel struggle to move past differences in tense meeting // Reuters. 2017, May 2. URL:

Affairs (SWP) в контексте данных переговоров отметили, что Россия стала²⁸⁸ «архитектором мировых конфликтов», что делало отношения Германии и России «напряженными».

Такой же нарратив по диалогу сохранился и при встрече лидеров России и Германии в 2018 году. А. Меркель, комментируя повестку встречи, а именно конфликт на Донбассе и отношения с Сирией и Ираном, отметила, что «спорные вопросы могут решаться только с помощью диалога»²⁸⁹. Также канцлер упомянула о важности культурного обмена и важности сохранения стратегического партнерства с Россией в целом²⁹⁰. В.В. Путин в то же время подчеркнул, что «российско-германские отношения имеют собственную динамику» и их нельзя сравнивать с отношениями государств с третьими странами, что важно для фрейминга партнерства двух стран²⁹¹. Продуктивной была и встреча в формате «нормандской четверки» в Париже в 2019 г., когда А. Меркель сказала о том, что «чувствует желание разрешить сложные вопросы» по поводу Минских соглашений и транзите газа через Украину, и что переговоры «набирают обороты»²⁹². В 2020 канцлер также сказала на большой встрече в Кремле о том, что «лучше говорить друг с другом, чем друг о друге», и в ходе четырехчасового диалога об отношениях с Ираном, конфликтах в Ливии и Сирии, «Северном потоке-2» и украинских договоренностях придерживалась открытого диалога и заверила В.В. Путина о поддержке России в энергетических вопросах²⁹³.

Крайне важным для отношений Германии и России событием в тот период стало несогласие Германии с санкциями, наложенными США на проект

<https://www.reuters.com/article/uk-russia-germany-putin-syria-idUKKBN17Y1JZ/> (accessed 15.01.2024).

²⁸⁸ Knipp K. Merkel, Putin and Sochi // Deutsche Welle. 2017, May 2. URL: <https://www.dw.com/en/merkel-putin-aim-to-ease-diplomatic-tensions-in-sochi/a-38655283> (accessed 15.01.2024).

²⁸⁹ Переговоры Путина и Меркель длились три часа // РБК. 2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/08/2018/5b787d479a794774a5d94369> (дата обращения 15.01.2024).

²⁹⁰ На переговоры — с цветами: о чем Путин говорил с Меркель // Газета Ру. 2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/05/18_a_11755537.shtml (дата обращения 15.01.2024).

²⁹¹ Там же.

²⁹² Herszenhorn D.M., Momtaz R. Normandy talks land in Paris but fail to deliver peace in Ukraine // Politico. 2019, December 10. URL: <https://www.politico.eu/article/normandy-talks-land-in-paris-but-fail-to-deliver-peace-in-ukraine/> (дата обращения 15.01.2024).

²⁹³ Барышева Е. Что обсуждали Меркель и Путин в Кремле // Deutsche Welle. 2020. URL: <https://www.dw.com/ru/что-обсуждали-меркель-и-путин-в-кремле/a-51969885> (дата обращения 20.01.2024).

«Северный поток-2» в 2019 г. Первоначально проект рассматривался как коммерческая инфраструктура, направленная на диверсификацию поставок энергоносителей в Европу и ослабление экономического давления на европейских потребителей, столкнувшихся с рекордными ценами на энергоносители. Так, в ответе на запрос партии «Зеленые» федеральное правительство заявляло: «Северный поток-2 как дополнительный маршрут поставки природного газа из РФ способствует повышению надежности газоснабжения в Европейском союзе»²⁹⁴. Германия, которая получает половину своего газа из России, утверждала, что «Северный поток-2» диверсифицирует поставки энергоносителей в Европу и что санкции в данном случае — это «неверный путь»²⁹⁵. Фраза «исключительно экономический проект», которая присутствует в большинстве официальных документов, — это стратегический коммуникационный оборот, направленный на деэскалацию геополитической критики, и попытка отвлечь внимание от политических рисков и легитимизировать Nord Stream 2 через рамку бизнеса²⁹⁶.

Последняя для А. Меркель как канцлера Германии встреча в 2021 году совместно с президентом Франции Э. Макроном имела цель также поддержать открытый диалог и убедить ЕС в необходимости коммуникации с Россией. Канцлер взяла политический пример с президента США Дж. Байдена, проводившего переговоры в Женеве по спорным международным вопросам, и отметила, что «молчанием проблем не решить»²⁹⁷. При этом идея с саммитом провалилось из-за антироссийских настроений среди других стран ЕС, особенно балтийских государств, и представления самого формата саммита как попытки

---

²⁹⁴ Nord Stream 2: Interne Dokumente belegen leere Versprechen der Groko an die Ukraine // Table Media. 2024, May 31. URL: <https://table.media/berlin/analyse/nord-stream-2-interne-dokumente-belegen-leere-versprechen-der-groko-an-die-ukraine/> (accessed 17.07.2024).

²⁹⁵ Maynes C. Russia's Putin, Germany's Merkel Hold Talks in Moscow // Voa News. 2020, January 11. URL: https://www.voanews.com/a/europe_russias-putin-germanys-merkel-hold-talks-moscow/6182451.html (accessed 25.01.2024).

²⁹⁶ The Nord Stream 2 pipeline. Economic, environmental and geopolitical issues // European Parliament Briefing. 2021. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/690705/EPRS_BRI%282021%29690705_EN.pdf (accessed 25.01.2024).

²⁹⁷ Гончаренко Р. Саммит на прощание: зачем Меркель встреча с Путиным? // Deutsche Welle. 2021. URL: <https://www.dw.com/ru/sammit-na-proshhanie-pochemu-merkel-speshit-vstretitsja-s-putinyim/a-58111373> (дата обращения 25.01.2024).

сближения с Россией, чего Брюссель определенно бы не хотел.²⁹⁸ Эта неудачная попытка диалога стала определенного рода предзнаменованием ухудшения отношений Германии и России с приходом нового канцлера и усиления русофобии в управленческих кругах ЕС.

Канцлер Олаф Шольц в политическом заявлении в феврале 2022 года сформулировал решительную позицию в отношении действий Президента России, назвав вторжение «разрушением европейского порядка безопасности» и «серьезной угрозой миру»²⁹⁹. В своей речи в Бундестаге в мае 2022 он сказал, что «у нас всех одна цель: Россия не должна выиграть эту войну, Украина должна победить»³⁰⁰. Морально заряженная формулировка про одну цель отражает стратегическую категорию «мы против них» и акцент на солидарности в рамках ЕС. Шольц подчеркнул приверженность Германии поддержке Украины как в военном отношении, так и посредством пакета обширных санкций, направленных против российских банков, государственного бизнеса и технологического сектора. Он отметил моральный и стратегический императив поддержки Украины и поддержания европейской безопасности, подчеркнув необходимость сильного НАТО и хорошо оснащенных немецких вооруженных сил для решения этих проблем.

При этом канцлер указал, что несмотря на нынешние «враждебные» действия, исторические и потенциальные будущие отношения между двумя странами не должны привести к возобновлению старых конфликтов. Эта точка зрения признает возможность будущих отношений, но подчеркивает серьезные проблемы в нынешнем контексте из-за «агрессивной политики России», присутствующей постоянным паттерном в документе Бундестага³⁰¹.

---

²⁹⁸ Rettman A. France and Germany fail to coax EU into Putin's arms // EU Observer. 2021, June 25. URL: <https://euobserver.com/world/152259> (accessed 25.01.2024).

²⁹⁹ Policy statement by Olaf Scholz, Chancellor of the Federal Republic of Germany and Member of the German Bundestag, 27 February 2022 in Berlin // Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/policy-statement-by-olaf-scholz-chancellor-of-the-federal-republic-of-germany-and-member-of-the-german-bundestag-27-february-2022-in-berlin-2008378> (accessed 25.01.2024).

³⁰⁰ Scholz: 'Russia must not win this war' // Deutsche Welle. 2022, May 19. URL: <https://www.dw.com/en/chancellor-olaf-scholz-tells-german-parliament-russia-must-not-win-this-war/a-61845874/> (accessed 25.01.2024).

³⁰¹ Policy statement by Olaf Scholz, Chancellor of the Federal Republic of Germany and Member of the German Bundestag, 27 February 2022 in Berlin // Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/policy-statement-by-olaf-scholz-chancellor-of-the-federal-republic-of-germany-and-member-of-the-german-bundestag-27-february-2022-in-berlin-2008378>

В целом можно сказать, что встречи лидеров России и Германии сыграли решающую роль в поддержании канала для диалога и сотрудничества по вопросам, представляющим взаимный интерес. Разногласия в политических процессах и санкции привели к переоценке двусторонних политических и экономических отношений, однако обе страны стремились сохранить области взаимной выгоды в рамках ограничений, существующих в рамках реакции международного сообщества на украинский кризис.

Перейдем на следующий уровень международной политической коммуникации. Говоря о позиции Германии по России в рамках политических партий, можно отметить, что в то время как обновленная большая коалиция между Христианско-демократическим союзом (ХДС), Христианско-социальным союзом (ХСС) и Социал-демократической партией (СДПГ) подтвердила приоритет Германии в отношении трансатлантических отношений и европейской интеграции, наиболее влиятельные партии за пределами правящей коалиции — Свободная демократическая партия, Левые и Альтернатива для Германии — пытались предложить альтернативу негативной концепции отношений с Москвой³⁰².

Блок ХДС/ХСС и даже СДПГ однозначно выступали против любых форм особых отношений между Россией и Германией. Берлин был готов к диалогу с Москвой, но собирался делать это, исходя из «высоких моральных принципов», при поддержке других членов ЕС и НАТО³⁰³. Однако это не исключало оснований для продуктивного российско-германского диалога, способствующего мирному сосуществованию, так как обе страны были против резкого прекращения отношений, понимая геополитическую важность друг друга³⁰⁴.

[statement-by-olaf-scholz-chancellor-of-the-federal-republic-of-germany-and-member-of-the-german-bundestag-27-february-2022-in-berlin-2008378](#) (accessed 25.01.2024).

³⁰² Chasse J. Who are Putin and Russia's allies in Germany // Deutsche Welle. 2018, March 23. URL: <https://www.dw.com/en/who-are-the-allies-of-vladimir-putin-and-russia-in-germany/a-43167367> (accessed 25.01.2024).

³⁰³ Inhalt Übersicht der Vorstandsmitglieder. Satzung Programm // Christlich Demokratische Union Deutschlands. URL: <https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/e6a33704-5398-47c3-9d08-f44df304f4f1/cdu.pdf> (accessed 25.01.2024).

³⁰⁴ Fischer S. The Donbass Conflict. Opposing Interests and Narratives, Difficult Peace Process // SWP Research Paper 2019/RP 05, 17.04.2019, 35 Seiten. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2019S03/> (accessed 25.01.2024).

Политический ландшафт Германии касаясь ее отношений с Россией также претерпел значительные изменения, особенно с появлением крайне правой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), которая занимает пророссийскую позицию. Как отмечает Е.П. Тимошенко, комплекс внутренних и внешних проблем, а именно эффекты конфликта на Украине и санкций, потоки иммигрантов, рост цен на энергоресурсы сильно повлияли на настроения неблагополучных групп населения в Германии и побудили их к протестному голосованию, что и вылилось в развитие АдГ³⁰⁵. Связи АдГ с Россией и легитимизация важных для России выборов «вызывали беспокойство» среди европейских политиков, включая саму Урсулу фон дер Ляйен³⁰⁶. Так, сопредседатель АдГ Тино Хрупалла организовал трехчасовую встречу с Министром иностранных дел Сергеем Лавровым для «нормализации» отношений и обсуждения «возможностей сотрудничества» и поиска «общего знаменателя»³⁰⁷. Здесь можно увидеть стремление к нормализации диалога и сближению с российской элитой. АдГ пытались сформировать свой образ как мост для взаимодействия между Германией и Россией и демонстрации, что Россия не настолько «чужая», как хочет представить своих коммуникациях Брюссель. Так, представители АдГ впервые среди европейских партий открыто заявили об «осуждении» поставок оружия ЕС Украине, «поддержке и требования определенных гарантий безопасности» для России³⁰⁸. Это было беспрецедентным случаем позитивного нарратива по отношению к России после начала СВО в европейской политике.

---

³⁰⁵ Тимошенко Е.П. Партийно-политическая система Германии: вызовы, риски, тенденции // Европа в глобальной пересборке [Коллективная монография] / под ред. А.А. Громько. М.: ИЕ РАН Издательство «Весь Мир», 2023. – С. 38.

³⁰⁶ Ngendakumana P.E. Von der Leyen castigates far-right AfD over Russiagate scandal // Politico. 2024, April 13. URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-germany-afd-russia-scandal-voice-of-europe/> (accessed 20.04.2024).

³⁰⁷ Der herzliche Herr Lawrow // Spiegel. 2020, December 8. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/afd-besuch-in-moskau-sergej-lawrow-empfaengt-tino-chrupalla-a-a2e17072-2dcf-4fa6-b6dd-de5b3100fe46> (accessed 20.04.2024).

³⁰⁸ Moskau enthüllt AfD-Strategie // BILD. 2024, February 6. URL: <https://www.bild.de/bild-plus/politik/inland/politik-inland/das-ziel-ist-staatsfuehrung-moskau-enthueellt-afd-strategie-87055336.bild.html> (accessed 20.04.2024).

При этом связи с Россией в Германии не ограничивались крайне правыми³⁰⁹. По мнению внутривластных наблюдателей, «у России больше активов в Германии, чем в любой другой западной стране»³¹⁰. Например, Левая партия Германии (Die Linke), являющаяся прямой наследницей Объединенной социалистической партии Германии (СЕПГ), правившей ГДР, имеет некоторых руководителей, имеющих различные связи с Россией или с СССР. Лидеры партии Die Linke отправились в Крым в качестве наблюдателей за выборами и встретились с Александром Захарченко, лидером Донецкой Народной Республики³¹¹. Андреас Маурер, председатель партии Die Linke, был первым немецким политиком, публично выступившим за признание Крыма частью России³¹².

Бывший лидер фракции «Левых» в бундестаге Грегор Гизи также признал бесполезность политики санкций против России и заявил о необходимости вести диалог с Москвой. По его словам, хорошие отношения с Россией в интересах Германии не сложились. Как считает политик, нынешним социал-демократам стоит напомнить о политике «изменения через сближение» канцлера Вилли Брандта, занимавшего этот пост в 1969-1974 годах»³¹³. Вместе с Гизи высказались и немецкие бизнесмены: они призвали новое на тот момент правительство разрешить существующие конфликты, так как, по их мнению, многие европейские и международные проблемы «не могут быть решены без России»³¹⁴. Хотя Die Linke, возможно, и не выражала столь же сильные пророссийские взгляды, как крайне правая немецкая партия «Альтернатива для

---

³⁰⁹ Emel A. et al. Eurasianism and the European far right: Reshaping the Europe-Russia relationship. Lanham: Lexington Books, 2015. – P. 75.

³¹⁰ Kirillova K. Germany's Friends of the Kremlin «Setting the Media Tone» — Reitschuster // StopFake. 2018, September 20. URL: <https://www.stopfake.org/en/germany-s-friends-of-the-kremlin-setting-the-media-tone-reitschuster/> (accessed 20.04.2024).

³¹¹ Немецкие депутаты рассказали о своих планах посетить Крым // РБК. 2015. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/55bead549a7947c08f3e8d81> (дата обращения 02.02.2024).

³¹² Pomerantsev P. 2015. The Kremlin's Information War // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26 (4). – P. 42.

³¹³ Иванова Е.Е., Харитонов К.А., Игнатова М.Н. Германно-российские экономико-политические отношения на современном этапе // Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее: Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции. Том 2. Курск, 14-15 октября 2021 г. Курск: Юго-Западный государственный университет. – С. 231.

³¹⁴ Светлова А. Немецкие бизнесмены призвали правительство прекратить конфликт с Россией // Газета Ру. 2021. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2021/09/24/n_16585219.shtml (дата обращения 02.02.2024).

Германии» (AfD), она последовательно выражает внешнеполитические позиции по поддержке диалога с Россией³¹⁵.

Примечательно, что в 2024 г. Die Linke использовали дискурсивные паттерны, в котором Россия представляет собой не «монолитную агрессивную силу», а политически неоднородное общество: они заявили, что они «поддерживают сопротивление в России против войны и диктатуры»³¹⁶. Эта фраза порождает концептуальная границу внутри самого «чужого» и создает образ «хорошей России», сообщества граждан, отличающегося от официального режима в глазах политиков партии. Это интересный кейс для рассмотрения, так как немногие политические акторы проводили подобное разделение и выражали поддержку российским гражданам. При этом на парламентском слушании в 2023 году правительство ответило АдГ, что «Россия может положить конец этой войне в любой момент», стремясь подчеркнуть полноту ответственности России и побуждая к прекращению агрессии немедленно, не поддерживая опорные пункты АдГ³¹⁷.

В целом, новое правительство с 2021 г., особенно с включением в него Зелёных и Свободных демократов (СвДП), заняло более критическую позицию по отношению к России, что отражено в жёстких формулировках коалиционного договора в отношении России: «конец Ostpolitik», «фундаментальные изменения», «агрессия» России и прочее³¹⁸. Так, сопредседатель партии Зелёных в 2018-2022 гг. Анналена Бербок, ставшая министром иностранных дел Германии, открыто заявила о «ведении войны» с Россией на Украине на

---

³¹⁵ Fisher A. Trickle Down Soft Power: Do Russia's Ties to European Parties Influence Public Opinion? // Foreign Policy Analysis. 2021. Vol. 17. No. 1. URL: <https://academic.oup.com/fpa/article-abstract/17/1/oraa013/5825379> (дата обращения 02.02.2024).

³¹⁶ Für einen gerechten Frieden in der Ukraine // Die Linke. 2024. URL: <https://www.die-linke.de/themen/frieden/ukraine-krieg/> (accessed 25.06.2024).

³¹⁷ Die Bundesregierung und die gescheiterten Friedensverhandlungen zwischen Russland und der Ukraine im Frühjahr 2022 // Deutsche Bundestag. 2023, March 21. URL: https://dip.bundestag.de/vorgang/die-bundesregierung-und-die-gescheiterten-friedensverhandlungen-zwischen-russland-und-der/297790?fld.0.0=deskriptor&fld.0.0.term=Ukraine&op.0=AND&fld.1.0=deskriptor&fld.1.0.term=Krieg&fld.1.1=deskriptor&fld.1.1.term=Angriffskrieg&op.1=OR&f.wahlperiode=20&f.typ=Vorgang&rows=25&sort=datum_ab&pos=25 (accessed 05.02.2024).

³¹⁸ Rácz A. Germany's shifting policy towards Russia: The sudden end of Ostpolitik // FIIA BRIEFING PAPER 335, 2022, March 17. URL: <https://www.fiaa.fi/en/publication/germanys-shifting-policy-towards-russia?read> (accessed 05.02.2024).

Ассамблее парламента в 2023 г. в противовес словам Олафа Шольца об участии в конфликте больше с «оборонительной» и «поддерживающей» стороны, избегая терминов, позволяющих сделать вывод об активном участии в конфликте³¹⁹. В этом контексте Немецкий совет по международным делам выпустил отчет в 2023 г. о «предупреждении войны Германии и НАТО против России», упоминая «агрессию» России, «имперские исторические категории» и «инвазивную идеологию»³²⁰. Более того, Национальная стратегия безопасности 2023 г. практически полностью повторила формулировки из «Стратегического компаса»: «Россия как угроза безопасности Европы» и «нарушение мирового порядка», что подтверждает унификацию с общеевропейскими документами³²¹. Такой же тенденцией характеризуются и пресс-релизы Министерства иностранных дел Германии: прослеживаются абсолютно те же паттерны и фразы по типу «агрессии против Украины» и «войны против свободы Украины»³²². Это показывает высокий уровень совпадения ключевых смысловых конструкций. Германия воспроизводит дискурсивные формулы, закрепленные на уровне ЕС, включая обозначение России как источника угрозы и агрессора, что подтверждает гипотезу о формировании унифицированного внешнеполитического дискурса.

При этом экономические стимулы компаний Германии все еще идут вразрез с подобными заявлениями: например, крупная строительная компания Knauf, заявившая об осуждении «агрессивной войны в Украине», участвует в

---

³¹⁹ Zindulka K. WW3 Watch: German Foreign Minister Declares 'We Are Fighting a War Against Russia' // Breitbart. 2023, January 26. URL: <https://www.breitbart.com/europe/2023/01/26/ww3-watch-german-foreign-minister-declares-we-are-fighting-a-war-against-russia/> (accessed 05.02.2024).

³²⁰ Mölling C., Schütz T. Preventing the Next War (#EDINA III). Germany and NATO Are in a Race Against Time (#EDINA III) // German Council on Foreign Relations. DGAP Policy Brief. 2023, November 17. URL: <https://dgap.org/en/research/publications/preventing-next-war-edina-iii> (accessed 05.02.2024).

³²¹ Robust. Resilient. Sustainable. Integrated Security for Germany National Security Strategy // The Federal Government of Germany. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (accessed 10.03.2026).

³²² What's important as 2024 gets underway // Federal Foreign Office of Germany. 30.12.2023. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/2638940-2638940> (accessed 10.03.2026).

строительстве домов в Мариуполе под управлением властей Донецкой Народной Республики³²³.

В ответ на официальное признание Россией двух регионов на востоке Украины в феврале 2022 года Германия также приостановила процесс сертификации проекта газопровода «Северный поток-2». Это решение ознаменовало значительный сдвиг во внешней политике Германии, повлиявший на энергетическую безопасность и более широкую позицию Берлина по отношению к Москве. Олаф Шольц заявил, что решение было принято «после того, как Россия официально признала два сепаратистских региона на востоке Украины», делегитимизируя политическую волю жителей регионов и России³²⁴. Фраза Урсулы фон дер Ляйен о том, что «будущее проекта будет зависеть от действий России в Украине», подчеркивает стратегию сохранения контроля и дипломатического давления через проект³²⁵. После приостановки процедуры одобрения «Северного потока-2» правительство Германии под руководством министра экономики и климата Роберта Хабек из Партии Зелёных объявило о планах представить отчет о мониторинге энергетического перехода.

Геополитический контекст вокруг «Северного потока-2» также изменился: ухудшились немецко-российские отношения из-за различных факторов, включая дело Навального, ситуацию на востоке Украины и кампанию дезинформации против Германии. Эти события усугубили сложность проекта, превратив его из чисто экономического предприятия в геополитическую проблему, характеризующуюся стратегическим соперничеством и системной конкуренцией. Проект больше не служит элементом ослабления напряженности, а вместо этого подчеркивает взаимную уязвимость и геополитические

---

³²³ Von Arendt, J. et al. Putins Helfer // Tageschau. 2024, April 3. URL: <https://www.tagesschau.de/investigativ/monitor/ukraine-mariupol-wiederaufbau-russland-100.html> (accessed 20.04.2024).

³²⁴ Marsh S., Chambers M. Germany freezes Nord Stream 2 gas project as Ukraine crisis deepens // Reuters. 2022, February 22. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/germanys-scholz-halts-nord-stream-2-certification-2022-02-22/> (accessed 20.04.2024).

³²⁵ Von der Leyen warns Russia of gas pipeline sanctions over Ukraine // The Guardian. 2022, February 4. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/04/von-der-leyen-warns-russia-of-gas-pipeline-sanctions-over-ukraine-nord-stream-2> (accessed 20.04.2024).

последствия торговли энергоресурсами между Германией и Россией³²⁶. В официальном интервью в апреле 2024 канцлер Олаф Шольц заявил, что отказ от поддержки проекта обоснован «защитой Европы от империалистической войны», одновременно обвинив Россию в нарушении сделки по поставкам газа и росте цен на энергию в ЕС и «обмене экономического благополучия на насилие»³²⁷. Канцлер также попытался оказать дипломатическое давление в этом вопросе, подняв тему поддержки экономики России на встрече с председателем Китайской народной республики Си Цзиньпином³²⁸. Шольц подчеркивал, что «нападение России на Украину опосредованно наносит ущерб всему международному порядку», однако Си Цзиньпин не прокомментировал эти заявления и отметил важность «точек соприкосновения» крупных государств по политическим вопросам и поддержание диалога³²⁹.

Стоит отметить изменения и в культурно-образовательном взаимодействии двух стран. В обзоре двусторонних отношений Министерства иностранных дел Германии 2023 г. указывается, что «до начала агрессивной войны России против Украины между Германией и Россией шел оживленный обмен в культурной и образовательной сфере»³³⁰. Если ранее между Германией и Россией действительно шел активный обмен студентами в рамках программ DAAD³³¹, Erasmus+³³² и DRA³³³, то сейчас, как выражаются авторы московской немецкой газеты, все «тихо и глухо»³³⁴. Тема «возможной войны» с Россией распространяется даже на школы: министр образования и науки и член

---

³²⁶ Westphal K. Nord Stream 2 – Germany’s Dilemma // SWP Comment 2021/C 32, 30.04.2021, 8 Seiten. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021C32/> (accessed 20.04.2024).

³²⁷ ‘Russia turned off the gas’ – German leader // Azerbaijan 24. 2024, April 13. URL: <https://www.azerbaycan24.com/en/russia-turned-off-the-gas-german-leader/> (accessed 20.04.2024).

³²⁸ Scholz fordert mehr Druck auf Putin // Taz. 2024, April 16. URL: <https://taz.de/Regierungsbesuch-in-China!/6004439/> (accessed 20.04.2024).

³²⁹ Ibid.

³³⁰ Germany and the Russian Federation: Bilateral relations // Federal Foreign Office of Germany. 2023, October 16. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/laenderinformationen/russischefoederation-node/russianfederation/218616> (accessed 20.02.2024).

³³¹ DAAD в России. URL: <https://www.daad.ru/ru/> (дата обращения 20.02.2024).

³³² Erasmus+ EU programme for education, training, youth and sport // European Commission. URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/> (accessed 20.02.2024).

³³³ Deutsch-Russischer Austausch e.V. // European Union Youth. URL: https://youth.europa.eu/volunteering/organisation/50611_en (accessed 20.02.2024).

³³⁴ Тихо и глухо // Московская Немецкая Газета. 31.05.2023. URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/tiho-i-gluho/> (дата обращения 20.02.2024).

Свободной демократической партии Германии Бреттина Старк-Вацингер заявила, что школьники должны проявлять «устойчивость» (даже в образовании детей были учтены положения Глобальной стратегии 2016 г.) и быть «готовыми к гражданской обороне»³³⁵. Также власти Германии приняли решение о прекращении действия виз научных и культурных деятелей из России в 2023 г.³³⁶.

Таким образом, Германия и Россия имеют долгую историю продуктивного партнерства, которое практически сошло на нет из-за осуждения коллективным Западом позиции России по присоединению Крыма и СВО. Взаимовыгодные отношения развивались в период канцлерства А. Меркель, в выступлениях которой категории сотрудничества и диалога являлись наиболее частотными. Такого же нарратива придерживался ряд оппозиционных политических партий. С приходом Олафа Шольца и началом СВО образ России для Германии как политического актора значительно ухудшился, Россия стала восприниматься как агрессор и угроза европейской безопасности. В итоге, анализ политической коммуникации Германии в отношении России позволяет зафиксировать важную трансформацию — от прагматичного, экономически ориентированного взаимодействия к нормативно заряженной риторике, основанной на дихотомии «демократия–авторитаризм» и артикуляции моральной ответственности (см. Приложение 5, блок А).

Анализ политической коммуникации Германии в 2022–2024 гг. показывает, что формирование национальной риторики в отношении России осуществляется в рамках унифицированного дискурсивного поля Европейского союза. После 2022 года дискурсивные паттерны резко сместились: усилилась персонализация вины (обращения к правительству РФ), акцент на «нарушении международного права», фрейминг агрессора и криминализация внешнеполитических действий РФ. В конструктивистской перспективе это

---

³³⁵ Rothwell J. German children 'should be prepared for war' // The Telegraph UK. 2024, March 19. URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2024/03/18/german-children-should-be-prepared-for-war/> (accessed 20.04.2024).

³³⁶ Hundreds of expelled Germans set to leave Russia // BBC. 2023, May 27. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-65731546> (accessed 20.04.2024).

свидетельствует о переопределении внешнеполитической идентичности самой Германии: от актора, стремящегося к сбалансированному диалогу, к субъекту, формирующему свою принадлежность к ценностному большинству через оппозицию «чужому» в лице России. Германия тем самым репрезентирует себя как моральную и правовую силу в системе международных отношений, что институционально проявляется в поддержке санкций, усилении трансатлантической солидарности и переоценке прежних стратегий восточной политики. При этом эмпирические данные свидетельствуют о воспроизводстве Германией ключевых нарративных конструкций, закрепленных в официальных документах ЕС.

К составляющим таких конструкций относятся, прежде всего, коды «агрессия России против Украины», «грубое нарушение международного права» и «угроза европейской безопасности». Данные формулировки системно используются как в документах институтов ЕС, так и в официальных заявлениях федерального правительства Германии, включая выступления канцлера, материалы Федерального правительства и документы внешнеполитического ведомства (см. Приложение 5, блок А).

Это позволяет говорить о действии механизма текстологического контроля, под которым понимается процесс стандартизации и воспроизводства ключевых языковых формул в официальной политической коммуникации. В данном случае Германия не только принимает политические решения в рамках общей внешней политики ЕС, но и воспроизводит заданные дискурсивные рамки, что ограничивает вариативность национальной риторики.

Таким образом, даже при наличии объективных экономических интересов, связанных с энергетическим сотрудничеством с Россией, Германия встраивается в унифицированную систему политической коммуникации ЕС, в которой закрепляется образ России как системной угрозы. Это свидетельствует о том, что текстологический контроль выступает важным механизмом формирования согласованной внешнеполитической позиции ЕС.

Италия

Проведем аналогичный анализ с кейсом Италии. Италия считалась одним из самых надежных партнеров России в европейском векторе международных отношений долгое время³³⁷. От итальянских архитекторов, построивших сотни значимых для российской культуры зданий³³⁸ до топ-5 партнеров в российской внешней торговле при небольшом размере самой страны³³⁹ — все это свидетельствует о тесных связях двух стран в течение многих лет.

В итальянских информационных источниках отношения с Россией зачастую назывались «плодотворными» и даже «привилегированными» и в политическом³⁴⁰, и в экономическом планах³⁴¹. С учетом сниженной динамики отношений ЕС и России в 2007-2009 гг. посол России в Италии А.Ю. Мешков отметил, что итало-российские отношения стали определенной «аномалией» международных политических процессов³⁴². Так, во время конфликта в Грузии в августе 2008 г., когда страны ЕС в основном осуждали и критиковали Россию за ее «атаку», Италия заняла сдержанную позицию и не делала резких заявлений³⁴³.

Хотя Рим был частью западных экономических и военных интеграционных структур с самого послевоенного периода, он всегда поддерживал позитивный диалог с Москвой, что привело к многочисленным экономическим партнерствам и дружественным двусторонним отношениям. Внутри, в НАТО и Европейском союзе Италия часто выступала за политику, учитывающую интересы России, и пыталась вовлечь Кремль в дискуссии,

---

³³⁷ Зонова Т.В. Российско-итальянские отношения: история и современность // Вестник МГИМО. 2012. №1. – С. 52.

³³⁸ Архитектор Бартоломео Растрелли: 7 знаменитых проектов // РБК. 2021. URL: <https://realty.rbc.ru/news/6087dcd99a7947e97febf5e0> (дата обращения 03.03.2024).

³³⁹ Суходолов Я.А. Тенденции развития торгово-экономического сотрудничества России с Италией // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. №4. – С. 22.

³⁴⁰ Santangelo S., Sansoni A. A tu per tu con Henri de Grossouvre: uno sguardo geopolitico sulla crisi ucraina // Geopolitica Info. 2014, February 17. URL: <https://www.geopolitica.info/tu-per-tu-henri-de-grossouvre-uno-sguardo-geopolitico-sulla-crisi-ucraiana/> (accessed 03.03.2024).

³⁴¹ Rapporti con l'Italia RUSSIA // Info Mercati Esteri. Governo Italiano // URL: https://www.infomercatiesteri.it/section7_exp.php?id_paesi=88# (accessed 03.03.2024).

³⁴² Мешков А.Ю. Российско-итальянские отношения: Аномалия или пример для подражания? // Международная жизнь. 2007. № 11. – С. 5.

³⁴³ Букалов А., Щербакова В. Сильвио Берлускони подтверждает курс на сближение // Компас. 2009. № 1–2. – С. 39.

касающиеся основных вопросов европейской безопасности. Италию на протяжении многих лет, в том числе и в пост-санкционный период, можно было назвать «связующим звеном» между Россией и Европой³⁴⁴. Так, в области энергетики Италия является одним из главных сторонников сотрудничества с Россией, о чем свидетельствует активное участие главной национальной энергетической компании ENI в многочисленных совместных предприятиях с «Газпромом» и другими российскими партнерами, которое не претерпело значительных изменений в период после 2022³⁴⁵.

В 2010-х гг. благодаря экономическому росту России и новым возможностям для итальянских предпринимателей вести бизнес на большом и все еще растущем российском рынке стало крайне выгодно для Италии. Взаимный интерес к экономическому сотрудничеству и отсутствие спорных политических или исторических вопросов значительно облегчали двусторонние отношения, а введение санкций в 2014 было воспринято строго негативно с итальянской стороны³⁴⁶. В первый год санкций ущерб от них составил около 12 млрд евро, что возмутило итальянских бизнесменов и политическое руководство Италии, связанное с экономическими вопросами³⁴⁷.

С точки зрения анализа нарративов и позиционирования «свой-чужой», до 2022 года Италия занимала двойственную позицию по поводу украинского кризиса как политический актер и страна-член ЕС. С 2014 года Итальянское правительство поддерживало общую внешнеполитическую позицию ЕС и выступало за соблюдение Минских договоренностей. Италия осудила присоединение Крыма и поддержку Донбасса, отреагировав совместно с Евросоюзом и НАТО принятием экономических санкций, усилением восточного

---

³⁴⁴ Данилов В.В. Приоритетные направления внешней политики Италии (1991-2019 гг.): дисс. канд. ист. наук: 07.00.15. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – С. 22.

³⁴⁵ Eni не прекратит сотрудничество с Роснефтью из-за новых антироссийских санкций // ENI RUS. URL: <https://enirus.ru/blogs/News/eni-ne-prekratit-sotrudnichestvo-s-rosneftyu-iz-za-novyh-antirossiyskih-sanktsiy> (дата обращения 17.03.2024).

³⁴⁶ Волкова А.И., Дорохин А.Г. Торгово-экономическое сотрудничество России и Италии и особая роль Москвы // Россия и мир в XXI веке. 2021. №3 (112). – С. 137.

³⁴⁷ Missoti S.V. Le sanzioni alla Russia danneggiano soltanto le aziende italiane // Il quotidiano «Opinione pubblica». 08.08.2017. URL: <https://www.opinione-pubblica.com/roasario-alessandro-camera-commercio-italo-russa-sanzioni-russia-italia/> (accessed 17.03.2024).

фланга НАТО и активизацией инициатив в сфере кибербезопасности. Премьер-министр Италии в 2014 г. Маттео Ренци заявил, что «Италия и ее европейские партнёры решительно осуждают нарушение суверенитета и территориальной целостности Украины...Они рассматривают политико-дипломатический путь как единственный способ разрешения кризиса», а референдум в Крыму он назвал «нарушением международного права»³⁴⁸. Соответственно, это попытка конструировать Италию как последовательного адепта норм международного права, поддерживающего рамочный порядок ЕС и НАТО. Однако это было больше формальным заявлением в роли члена-ЕС, так как действия правительства в контексте национальной политики указывали на куда более прагматичный и мягкий подход к России.

Многие итальянские политики посещали Крым после 2014 г. В марте 2015 года тот же Маттео Ренци стал первым западным лидером, который посетил Москву с официальным визитом³⁴⁹. В одном из выступлений Ренци подчеркнул, что «Россия — великая страна с великой историей и великим будущим. Ошибочно представлять будущее без России»³⁵⁰. Бывший премьер-министр Италии и один из ее политических символов Сильвио Берлускони заявил, что присоединение Крыма к России было «демократическим» и «действительным», и отметил, что Президента России В.В. Путина встретили в Крыму с «благодарностью»³⁵¹. Также именно Берлускони способствовал распространению политического нарратива об отмене санкций и их вреде для итальянской экономики, что поддерживал один из руководителей партии «Вперед, Италия» Ренато Брунетта в своих выступлениях³⁵². Брунетта заявлял,

---

³⁴⁸ Rame S. Renzi ammonisce la Russia: "Una violazione inaccettabile" // Il Giornale. 2014, March 2. URL: <http://www.ilgiornale.it/news/interni/renzi-ammonisce-russia-violazione-inaccettabile-997741.html> (accessed 17.03.2024).

³⁴⁹ Missione di Renzi prima a Kiev e poi a Mosca. Vescovi ucraini: "Abbiamo invitato il papa" // La Repubblica. 2015, February 23. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2015/02/23/news/ucraina_renzi_prima_a_kiev_e_poi_a_mosca-108003903/ (accessed 17.03.2024).

³⁵⁰ Ренци: РФ должна играть ключевую роль в решении международных проблем // РИА Новости. 2015. URL: <http://ria.ru/world/20150929/1290017581.html> (accessed 17.03.2024).

³⁵¹ Italy's Berlusconi says Crimea split from Ukraine was democratic // Reuters. 2015, September 27. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN0RR0MV/> (accessed 17.03.2024).

³⁵² Стронники Берлускони поставили вопрос об отмене санкций против России // РИА Новости. 2015. URL: <http://ria.ru/world/20150611/1069465525.html> (accessed 17.03.2024).

что санкции «несправедливы, контрпродуктивны и вредны», и что «нужно напомнить Соединенным Штатам, что «путь к сотрудничеству не проходит через санкции, которые унижают народы», что является достаточно смелым и прямым нарративом сотрудничества с Россией, что было крайне непривычно для ЕС³⁵³.

В рамках сближения двух государств в 2015 г. В.В. Путин посетил выставку ЭКСПО-2015 в Милане, чтобы подчеркнуть сотрудничество двух стран³⁵⁴. Одна из ключевых газет «Коррьере делла сера» приводила цитату Президента о том, что «Италия — важный партнер для России», и фразу М. Ренци о том, что ЭКСПО-2015 является «базой для перезагрузки дружбы Италии и России», между строк имея в виду о вреде санкций и для Италии, и для России³⁵⁵.

В ст. 66 Концепции внешней политики РФ 2016 г. активизация двусторонних отношений Италии и России названа «важным ресурсом продвижения национальных интересов России в европейских и мировых делах»³⁵⁶. Италия в политическом дискурсе активно подчеркивала взаимную выгодность российско-итальянского сотрудничества и необходимость диалога³⁵⁷. После Санкт-Петербургского экономического форума в 2016 г. М. Ренци заявил, что у России и Италии «есть общие ценности» и что «Москва стратегически важна для разрешения международных конфликтов», а также упомянул необходимость «обсудить в Брюсселе» необходимость санкций³⁵⁸.

---

³⁵³ Rame S. Forza Italia sfida il governo: "Ora via le sanzioni alla Russia" // Il Giornale. 2015, 11 June. URL: <https://www.ilgiornale.it/news/politica/forza-italia-sfida-governo-ora-sanzioni-russia-1139526.html> (accessed 17.03.2024).

³⁵⁴ Открытие Дня России на Всемирной универсальной выставке «ЭКСПО-2015» // Президент России. 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49674> (accessed 17.03.2024).

³⁵⁵ Putin incontra Renzi: «Expo punto di partenza per relazioni Italia-Russia» // Corriere della sera. 2015, June 10. URL: http://milano.corriere.it/notizie/cronaca/15_giugno_10/expo-putin-renzi-visita-a6294e1a-0f4a-11e5-aa3a-b3683df52e95.shtml (accessed 21.03.2024).

³⁵⁶ Маслова Е.А., Сорокова Е.Д. Россия-Италия: концептуальный анализ двусторонних отношений // Современная Европа. 2019. №. 1 (86). – С. 56.

³⁵⁷ La Cooperazione Italia - Unione Europea – Russia Il rilancio di un dialogo necessario // L'Istituto di Studi Giuridici Internazionali. 2015, November 13. URL: https://www.isgi.cnr.it/wp-content/uploads/2015/11/Documento-Convegno-13-11-15-ISGI_Cnr_con-FOTO.pdf (accessed 21.03.2024).

³⁵⁸ Renzi con Putin: "Guerra fredda fuori dalla realtà. Ue ridiscuta le sanzioni contro Mosca" // La Repubblica. 2016, 17 June. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2016/06/17/news/renzi_a_putin_guerra_fredda_fuori_della_realta_-142234257/ (accessed 21.03.2024).

В 2017 г. премьер-министр Паоло Джентилони приехал на официальный визит в Сочи, где подчеркнул желание углубить сотрудничество стран и, следовательно, снизить паттерн противостояния и деления на «свой-чужой». В официальном пресс-релизе сказано: «...они подчеркнули свою надежду на возобновление диалога между Россией и НАТО...и подписали шесть экономических соглашений»³⁵⁹. На встрече политик похвалил возрождение экономических отношений и заявил, что Италия и Россия «могут и должны сотрудничать в Ливии, Сирии и Афганистане» и [итальянско-российское] «стратегическое партнерство не должно приостанавливаться из-за кризиса, связанного с Украиной»³⁶⁰. Заявления Джентилони во многом выражали усталость Италии от конфронтации Запада с Россией, но при том, что Италия явно не отказывается от общей политики ЕС и НАТО, дискурс ее политиков явно отражает важность сотрудничества с Россией и стремление отделить конкретные процессы (украинский вопрос и Минские соглашения) от общего позитивного тренда взаимоотношения с Россией³⁶¹.

Также незадолго до этого президент Итальянской Республики Серджио Маттарелла встретился с Президентом РФ В.В. Путиным и премьер-министром России Дмитрием Медведевым в Москве. На встрече он подчеркнул, что Россия является «стратегическим партнером» Италии и призвал к расширению сотрудничества в экономике и борьбе с терроризмом³⁶².

Итальянское правительство также продвигало этот нарратив во время саммита министров иностранных дел «Большой семерки», организованного Италией в апреле 2017 года. Финальное коммюнике саммита признала роль России как «глобального актора» и одобряло взаимодействие стран «семерки» по ключевым вопросам, включая борьбу с терроризмом, распространение

---

³⁵⁹ Gentiloni, Putin e i sei accordi di Sochi // AGI. 2017, May 17. URL: https://www.agi.it/estero/news/2017-05-17/gentiloni_putin_e_i_sei_accordi_di_sochi-1784336/ (accessed 17.03.2024).

³⁶⁰ Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-итальянских переговоров // Президент России. 2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54511> (дата обращения 21.03.2024).

³⁶¹ Siddi M. Italy's 'Middle Power' Approach to Russia // The International Spectator. 2018. Vol. 54. No. 2. – P. 126.

³⁶² De Gregorio A. Mattarella in visita a Mosca. Putin: 'Superare le difficoltà' // Corriere della Sera. 2017, April 11. URL: http://www.corriere.it/esteri/17_aprile_11/mattarella-mosca-putin-la-nostra-amicizia-solida-b818cd7c-1e97-11e7-a4c9-e9dd4941c19e.shtml (accessed 21.03.2024).

ядерного оружия и изменение климата³⁶³. Встречи между итальянскими и российскими лидерами еще раз обозначили, что Италия ищет роль посредника между Западом и Россией. Например, встреча Джентилони с Путиным в Сочи состоялась за неделю до саммита глав государств и правительств «Большой семерки» в Таормине (Италия) и была истолкована как возможность для Джентилони получить информацию о взглядах России, чтобы он мог донести их до других западных лидеров во время саммита³⁶⁴.

Даже после серий новых пакетов санкций итальянское правительство активно пыталось защитить политические и экономические интересы страны, пытаясь «смягчить углы» и вновь «открыть двери для диалога» с Москвой, как утверждается в отчете Министерства иностранных дел и международного сотрудничества в 2018 г.³⁶⁵ Председатель Совета Министров Италии Джузеппе Конте в официальном обращении к Парламенту в 2019 г. сказал, что несмотря на «приверженность Италии НАТО и США как привилегированному партнеру» (что, несомненно, привлекает внимание с учетом, что обращение было для европейских политиков), Италия будет «выступать за открытость с Россией»³⁶⁶. Политик отметил, что Россия помогала уладить международные кризисные ситуации, а санкции «являются унижительными для российского гражданского общества»³⁶⁷. При этом в сирийском конфликте Италия все равно занимала двойственную позицию. С одной стороны, как член НАТО, она поддерживала присутствие США в регионе, с другой стороны – выступала за переговоры представителей оппозиции и режима под эгидой ООН при решающей и конструктивной роли Российской Федерации³⁶⁸.

---

³⁶³ G7 Summit 2017 in Taormina // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pc/page3e_000663.html (accessed 21.03.2024).

³⁶⁴ De Stefano C. Dialogo con la Russia. Italia meno sola in Europa // MondoDem, 2017, June 15. URL: <https://www.mondodem.it/uncategorized/litalia-meno-sola-nel-cercare-il-dialogo-con-la-russia/> (accessed 21.03.2024).

³⁶⁵ Le relazioni tra Italia e Russia // Senato della Repubblica. Novembre 2018. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/pi_a_0144.pdf (accessed 17.03.2024).

³⁶⁶ Italy's Diplomatic and Parliamentary Practice on International Law // Italy's Practice. 2019, June 30. URL: <https://italyspractice.info/2019/06/30/the-italian-governments-stance-on-the-annexation-of-crimea-and-the-sanctions-against-the-russian-federation/> (accessed 22.03.2024).

³⁶⁷ Ibid.

³⁶⁸ Italia e Siria: potenzialità e contraddizioni // Comitato Atlantico Italiano. 2015, October 17. URL: <https://www.comitatoatlantico.it/studi/italia-e-siria-potenzialita-e-contraddizioni/> (accessed 22.03.2024).

Долгое время не прекращались совместные дипломатические мероприятия. 28 марта 2019 года в рамках Комитета Совета Федерации по международным делам прошло обсуждение доклада «Российско-итальянские связи вчера, сегодня, завтра», на котором анализировались текущее состояние и будущее сотрудничества между Россией и Италией в экономической и гуманитарной областях (см. Приложение 5, блок Б). Одним из ключевых выводов доклада стало то, что несмотря на поддержку Италией общеевропейских антироссийских трендов в области санкций и политики безопасности НАТО, между странами может вестись «конструктивный диалог», в том числе в формате встреч министров иностранных дел в формате «2+2», который оба государства назвали «продуктивными»³⁶⁹.

Сотрудничество Италии и РФ также ярко проявило себя во время коронавируса. 19 мая 2020 года прошел телефонный разговор между министром иностранных дел России С. Лавровым и министром иностранных дел Италии Л. Ди Майо. Они положительно оценили сотрудничество в борьбе с COVID-19, а Ди Майо поблагодарил Россию за помощь, оказанную Италии в период рекордных показателей заражений и смертности³⁷⁰. В ходе обсуждения вопросов двустороннего взаимодействия министры высказались за возобновление полномасштабного российско-итальянского сотрудничества по мере нормализации эпидемиологической ситуации. В совместной записке итальянских министерств иностранных дел и обороны указана «благодарность непосредственной помощи России» в связи с пандемией³⁷¹. Таким образом, четко прослеживаются ключи «сотрудничество» и «поддержка» в официальных документах Италии по отношению к России до 2020-х годов.

---

³⁶⁹ Доклад. Российско-итальянские связи: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Е.В. Денисенко, О.В. Ломакиной // Совет Федерации. 2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/3mycYu4fL2wCBtJfLI45Q7kyiA9AdkiQ.pdf> (accessed 22.03.2024).

³⁷⁰ Italy 2020 death toll is highest since World War Two as COVID-19 hits // Reuters. 2021, March 5. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-italy-dead-idUSKBN2AX1VJ/> (accessed 22.03.2024).

³⁷¹ Разов С. С. Интервью Посла России в Италии С.С. Разова информационному агентству ТАСС // Министерство иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/it/-/asset_publisher/y8qQ47DsHQYD/content/id/4097300 (дата обращения 24.03.2024).

В контексте последующих событий важно отметить, что Италия до последнего высказывалась за диалог России и НАТО. В пресс-релиз МИДа в Риме о встрече министров Иностранных дел и Обороны Италии и России в формате 2+2 говорилось: «Мы считаем, что Совет Россия-НАТО является очень важным инструментом для повышения транспарентности и поддержания открытого канала диалога... для изучения форм координации и взаимопомощи»³⁷². Паттерн прозрачности и сотрудничества укрепляет образ России как партнера, с которым возможно прямое взаимодействие в ключевых областях безопасности. Также само заявление в целом отражает активную роль Италии в инициировании и поддержке коммуникационных каналов между «своими» для ЕС и «чужим» в виде России.

Перейдем к политическим акторам Италии и их политической коммуникации. Парламенты регионов Венето, Ломбардия и Лигурия принимали резолюции, которые призывали отменить санкции в отношении России. Все региональные советники партии «Лига Севера» одобрили резолюцию и, как отмечал секретарь партии Паоло Гримольди, лидеры партийных групп северных регионов Италии практически единогласно выступили за подобные меры. Региональный совет Венето, комментируя данную резолюцию, сделал акцент на «ненужных» санкциях, которые «нанесли и продолжают наносить серьезный экономический ущерб итальянской экономике». Это является ярким кейсом внутривнутриполитического дискурса региональной автономии, противопоставляющей себя центру (Рим/Брюссель) и дистанцирования от общеевропейского консенсуса в пользу локального реализма. При этом проевропейские силы в Италии осудили данную резолюцию и позицию по сотрудничеству с Россией и призвали отменить все решения, связанные с документом, в 2021 г. Лидеры партии «Лига Севера» также выражали поддержку крымскому референдуму и были открыты к диалогу с российскими политиками,

---

³⁷² Riunione dei Ministri degli Esteri e della Difesa della Repubblica Italiana e della Federazione Russa // Ministero della Difesa. 2020, February 20. URL: <https://www.difesa.it/primopiano/riunione-dei-ministri-degli-esteri-e-della-difesa-della-repubblica-italiana-e-della-federazione-russa/59338.html> (дата обращения 24.03.2024).

из-за чего Брюссель даже инициировал проверку о российском финансировании партии³⁷³.

В 2018 г. в результате выборов Италией стала править оппозиционная коалиция, в основном состоящая из политиков движения «5 звезд» и «Лига Севера», которые заявляли, что Россия «не представляет военной угрозы для ЕС и НАТО» и «хочет поддерживать хорошие отношения с Россией как с нормальным партнером»³⁷⁴. Данное утверждение активирует дискурс деконструкции западного нарратива, в котором Россия традиционно рассматривается как стратегическая угроза. Данная коммуникация снимает негативную стигму и демонстрирует желание сбалансировать восточный и атлантический векторы.

В опросе политических элит и политически-активных групп населения, Россия была на последнем месте по показателю «главная угроза Италии» следом за международным терроризмом, глобальным потеплением, экономическим кризисом и другими глобальными процессами. Также большая часть итальянцев выразили скептицизм по отношению к санкциям против России: 53% опрошенных указали, что они должны быть «отменены или смягчены». Это демонстрирует концептуальный разрыв между Брюссельскими нарративами и мнением политически активных групп Италии.

Также 10 сентября 2019 года в Москве Российский совет по международным делам в партнерстве с Итальянским институтом международных политических исследований и Министерством иностранных дел Италии устроил международный семинар «От полей сражений к столам переговоров. Роль международных игроков в кризисах на Ближнем Востоке и в Северной Африке»³⁷⁵. Эксперты обсуждали кризисные ситуации в этих регионах

---

³⁷³ Cecchinato P. Ecco la delibera veneta che ha riconosciuto l'annessione della Crimea // Linkiesta. 2022, March 25. URL: <https://www.linkiesta.it/blog/2022/03/ecco-la-delibera-veneta-che-ha-riconosciuto-lannessione-della-crimea/> (дата обращения 24.03.2024).

³⁷⁴ Loguercio L. e5 stelle sulla Russia // Pagella Politica. 2022, March 1. URL: <https://pagellapolitica.it/articoli/la-giravolta-del-movimento-5-stelle-sulla-russia> (дата обращения 24.03.2024).

³⁷⁵ РСМД, ISPI и МИД Италии обсудили роль международных игроков в кризисах в регионе Ближнего Востока и Северной Африки // Российский совет по международным делам. 11.09.2019. URL: https://russiancouncil.ru/news/rsmd-isp-i-mid-italii-obsudili-rol-mezhdunarodnykh-igrokov-v-krizisakh-v-regione-blizhnego-vostoka-/?sphrase_id=149807562 (дата обращения 27.03.2024).

и влияние региональных и международных участников на их разрешение. Чрезвычайный и Полномочный посол Италии в России Паскуале Терраччано отметил о необходимости объективного подхода в решении международных конфликтов и признании важной роли России в международных процессах миротворчества.

Таким образом, паттерн упоминания сотрудничества и диалога в документах до 2022 г. демонстрирует, что Италия как политический актер не была настроена на конфронтацию и позиционирование России как «чужого», а наоборот, старалась быть «мостом» между актерами и поддерживать политическую коммуникацию для разрешения недопониманий (см. Приложение 5, блок Б). При этом в заявлениях в рамках ЕС Италия подстраивалась под риторические конструкции Брюсселя и отмечала свою приверженность общим целям.

К сожалению, указанный паттерн прекратил свое существование после начала СВО, даже с учетом пророссийских настроений в Италии. Как отметила эксперт по Италии Т. Корателла, «развод Москвы с Римом — достаточно грязный процесс» из-за значительного влияния пророссийских сил даже в условиях конфликта³⁷⁶. Итальянским политикам пришлось быстро перестраиваться под заявления Брюсселя и НАТО и массово осуждать Россию.

Премьер-министр М. Драги заявил о «безоговорочной поддержке Украины» и «защите Украиной демократических ценностей, лежащих в основе Европейского проекта»³⁷⁷. Он выступил с масштабной речью о «геополитическом сдерживании» и возможном вступлении Украины в НАТО и ЕС, чем вызвал недоумение у многих политиков в контексте поспешности подобных заявлений³⁷⁸. М. Драги издал 2 так называемых «украинских декрета», в которых была расписана военная, гуманитарная и экономическая помощь

---

³⁷⁶ Coratella T. Draghi race: Italian voters and Russia's war on Ukraine // European Council on Foreign Relations. 2022, June 22. URL: <https://ecfr.eu/article/draghi-race-italian-voters-and-russias-war-on-ukraine/> (accessed 24.03.2024).

³⁷⁷ Gautheret J. War in Ukraine: Mario Draghi is clearly backing Kyiv's European bid // Le Monde. 2022, June 17. URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2022/06/17/war-in-ukraine-mario-draghi-is-clearly-backing-kyiv-s-european-bid_5987209_4.html (accessed 24.03.2024).

³⁷⁸ Why Ukraine must win – and what to expect further ahead. Draghi's speech // Decode 39. 2023, June 6. URL: <https://decode39.com/6987/why-ukraine-must-win-what-to-expect-mario-draghi/> (accessed 24.03.2024).

Украине, трансформированные позднее в законодательный акт³⁷⁹. Также М. Драги сделал беспрецедентные для Италии заявления об «ограничении российского влияния» на итальянскую экономику и энергетическую безопасность, за которую итальянцы держались очень долгое время, призвав ввести верхний предел цены на российский газ³⁸⁰. Будучи бывшим главой Европейского центрального банка, он осознавал все риски, связанные с разрывом энергетических отношений, но поставил во главу стола «евроатлантическое партнерство» и желал усилить санкционный режим по отношению к России (см. Приложение 5, блок Б)³⁸¹.

Под руководством М. Драги Италия в ООН проголосовала за резолюцию ГА ООН о гуманитарных последствиях агрессии против Украины, принятую 24 марта 2022 г.³⁸², резолюцию о приостановлении членства России в Совете по правам человека 7 апреля³⁸³, и документ, в котором осуждается «попытка незаконной аннексии» Россией четырех украинских областей (Донецкой, Херсонской, Луганской и Запорожской) 12 октября³⁸⁴. Более того, Италия поддержала решение активировать Московский механизм ОБСЕ по человеческому измерению и запустить миссию экспертов для рассмотрения «нарушений Россией прав человека, совершенных на украинской земле»³⁸⁵ и резолюцию об исключении России из Совета Европы после 26 лет членства³⁸⁶.

---

³⁷⁹ Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 25 febbraio 2022, n. 14, recante disposizioni urgenti sulla crisi in Ucraina. (22G00037) (GU Serie Generale n.87 del 13-04-2022) // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2022/04/13/22G00037/sg> (accessed 24.03.2024).

³⁸⁰ Italy's Draghi calls for EU price cap on Russian gas // EurActiv. 2022, August 25. URL: <https://www.euractiv.com/section/energy/news/italys-draghi-calls-for-eu-price-cap-on-russian-gas/> (accessed 24.03.2024).

³⁸¹ Pop V., Fleming S., Politi J. Weaponisation of finance: how the west unleashed 'shock and awe' on Russia // Financial Times. 2022, April 6. URL: <https://www.ft.com/content/5b397d6b-bde4-4a8c-b9a4-080485d6c64a> (accessed 24.03.2024).

³⁸² Resolution A/RES/ES-11/2 Humanitarian consequences of the aggression against Ukraine: resolution/adopted by the General Assembly // United Nations. 2022, March 24. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3965954?ln=en> (accessed 28.03.2024).

³⁸³ UN General Assembly votes to suspend Russia from the Human Rights Council // United Nations. 2022, April 7. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/04/1115782> (accessed 28.03.2024).

³⁸⁴ Ukraine: UN General Assembly demands Russia reverse course on 'attempted illegal annexation' // United Nations. 2022, October 12. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/10/1129492> (accessed 28.03.2024).

³⁸⁵ Meeting of the OECD Council at the Ministerial level // OECD. URL: <https://www.oecd.org/mcm/> (accessed 28.03.2024).

³⁸⁶ The Russian Federation is excluded from the Council of Europe // Council of Europe. 2022, March 16. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/the-russian-federation-is-excluded-from-the-council-of-europe> (accessed 28.03.2024).

В официальном заявлении после вступления в должность в октябре 2022 г. премьер-министр Джорджия Мелони, отличающаяся достаточно консервативными и правыми взглядами, заявила, что Италия окажет «полную поддержку Украине» и людям, считающим иначе, «нет места в правительстве»³⁸⁷. Она также совместно с правительством и корпорацией ENI разработала «план Маттеи» о перестройке энергетической системы и сотрудничестве с государствами Ближнего Востока для поставки энергоносителей, чтобы не «поддерживать экономически Россию»³⁸⁸. Л. ди Майо, прекративший свои обязанности Министра иностранных дел в конце 2022 г., заявил, что итальянским деятелям нужно четко определиться, с кем они — «с жертвой-Украиной или агрессором-Россией» и осудил популистские заявления некоторых представителей движения «5 звезд» о резкой смене политических ориентиров итальянских политиков и «доверие российской пропаганде»³⁸⁹.

М. Сальвини, ранее позитивно настроенный к России, вместе с Дж. Мелони выразил поддержку «украинскому сопротивлению», но при этом не обвинил с другими политиками Россию в убийстве политического активиста Алексея Навального, признанного экстремистом, и призвал итальянских граждан к справедливой оценке происшествия «российскими докторами и судьями»³⁹⁰. Другие члены партии «Лига» (трансформировавшейся из «Лиги Севера») поддержали его в этом, из-за чего были обвинены в «подчинении пропаганде и дезинформации России» несмотря на то, что партия официально откристилась от диалога с Россией³⁹¹.

---

³⁸⁷ Mikhelidze N. Italy's Response to the Russian Invasion of Ukraine // Istituto Affari Internazionali. IAI Commentaries. 2023, February 24. URL: <https://www.iai.it/en/publicazioni/italys-response-russian-invasion-ukraine#:~:text=Following%20the%20October%202022%20leadership.in%20its%20defence%20against%20Russia> (accessed 28.03.2024).

³⁸⁸ Lanzavecchia O. Italy as an energy hub. Delving into Meloni's Mattei Plan // Decode 39. 2023, February 15. URL: <https://decode39.com/5845/italy-energy-hub-meloni-mattei-plan/> (accessed 28.03.2024).

³⁸⁹ Biancalana C. Italy's multiple populisms facing the Russo-Ukrainian war // The Impacts of the Russian Invasion of Ukraine on Right-wing Populism in Europe / G. Ivaldi, E. Zankina (Eds.). European Center for Populism Studies (ECPS). March 8, 2023. Brussels. URL: <https://www.populismstudies.org/italys-multiple-populisms-facing-the-russo-ukrainian-war/> (accessed 28.03.2024).

³⁹⁰ Russia Unleashes Propaganda Offensive in Italy // Financial Times. 2024, March 13. URL: <https://www.ft.com/content/186b5518-b9ea-45ae-850c-f5f5af03fd38> (accessed 28.03.2024).

³⁹¹ Deal with Putin's party is off, reassures Salvini [Electronic resource] // Decode 39. 2024, April 3. URL: <https://decode39.com/8951/deal-with-putins-party-is-off-reassures-salvini/> (accessed 14.04.2024).

Таким образом, в текстах, связанных с ЕС, проявляется явная унификация: санкции и юридические оценки оформляются не национальным словарем, а через рамки «международное право/суверенитет/территориальная целостность», характерные для «референсных» текстов ЕС. МИД Италии также начал систематически публиковать жесткие формулировки об «агрессии», «нарушении права», «ответственности»³⁹², а Министерство обороны Италии заявило, что «агрессия России» является одним из факторов ускорения дестабилизации на будущие годы³⁹³ – в точности как в «Стратегическом компасе».

Также можно отметить и легитимацию внешнеполитических шагов Италии через ценностную бинарность демократия-авторитаризм и встраивание итальянского внешнеполитического курса в структуру евроатлантической безопасности. Россия описывается как системная угроза, требующая институционального и союзного ответа. Фраза об ограничении российского влияния на итальянскую экономику и введении потолка цен на газ демонстрирует разрыв с многолетним дискурсом энергетического прагматизма ЕС. Использование таких выражений свидетельствует о дискурсивной трансформации безопасности – от военной к экономической. Россия попадает в фрейминг не только как политическая, но и как энергетическая угроза.

Президентство Италии в «Большой семерке» в 2024 г. показало, что про-евроатлантические интересы будут только усиливаться и превалировать во внешнеполитической повестке Италии³⁹⁴. Для Дж. Мелони это способ привести итальянское общество к «единому знаменателю» и продемонстрировать Италию как европейского и мирового лидера, несмотря на обвинения в российской

---

³⁹²L'Italia condanna gli attacchi missilistici contro Kyiv e altre città ucraine // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 2022, October 10. URL: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2022/10/litalia-condanna-gli-attacchi-missilistici-contro-kyiv-e-altre-citta-ucraine/ (accessed 04.03.2026).

³⁹³ Atto di Indirizzo per L'avvio del Ciclo Integrato di Programmazione della Performance e di Formazione del Bilancio di Previsione per L'E.F. 2024 E La Programmazione Pluriennale 2025-2026 // Ministero Della Difesa. 2023. URL: <https://www.difesa.it/assets/allegati/2569/73681463-0598-4fc5-9307-5c0c78a9e9c3.pdf> (accessed 04.03.2026).

³⁹⁴ Cristiani D. Opinion – Priorities and Challenges for Italy's G7 Presidency // E-International Relations. 2024, March 16. URL: <https://www.e-ir.info/2024/03/16/opinion-priorities-and-challenges-for-italys-g7-presidency/> (accessed 14.04.2024).

пропаганде среди членов правительства³⁹⁵. В заявлении европейских лидеров, включая представителей и Италии, и Германии, в честь «1000 дней вторжения России в Украину», поддерживается позиция конструирования образа России как «системно атакующей архитектуру безопасности Европы страны»³⁹⁶. Эту политическую стратегию подтверждает и речь президента Италии Серджио Маттареллы на заседании ООН в мае 2024 г., в которой он упомянул, что «никакая страна не должна поддерживаться при наличии агрессии и нарушении суверенитета другого государства» и поддержал новые санкции против России, которые ожидаются со стороны ООН и ЕС в 2024 г.³⁹⁷

Единственным положительным моментом из актуальных процессов можно назвать запрет на удары по РФ оружием, поставляемом Украине Италией по требованию ЕС, со стороны министра иностранных дел Антонио Таяни. На встрече глав МИД НАТО он отметил, что «мы не в состоянии войны с Россией, мы только защищаем свободу Украины»³⁹⁸.

Подводя итог, можно сказать, что Россию и Италию связывали в основном прагматичные интересы в сфере, энергетического, торгового и экономического сотрудничества, которые оказали влияние на политический контекст. Политико-дискурсивная траектория Италии в отношении России до 2022 года демонстрировала устойчивое стремление к сохранению прагматичного сотрудничества и позиционированию себя как посредника между Востоком и Западом. Анализ официальных заявлений, визитов и региональных резолюций показывает, что Россия активно включалась в рамки партнерского, а не враждебного актора. Во внешнеполитическом дискурсе Италии использовались

---

³⁹⁵ Tokariuk O. The Kremlin's Cultural Tentacles Still Poison Italian Debate // CEPA. 2024, January 11. URL: <https://cepa.org/article/the-kremlins-cultural-tentacles-still-poison-italian-debate/> (accessed 14.04.2024).

³⁹⁶ Dichiarazione dei Ministri degli Esteri di Francia, Germania, Italia, Polonia, Spagna e Regno Unito sui 1000 giorni dall'invasione russa dell'Ucraina // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 2024. URL: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2024/11/dichiarazione-dei-ministri-degli-esteri-di-francia-germania-italia-polonia-spagna-e-regno-unito-sui-1000-giorni-dallinvasione-russa-dellucraina/ (accessed 04.03.2026).

³⁹⁷ Italian President Says Ukraine War Can't Be Solved By Rewarding Moscow's Aggression // Radio Free Europe. 2024, May 8. URL: <https://www.rferl.org/a/italian-president-ukraine-war-russian-aggression-un/32938123.html> (accessed 10.05.2024).

³⁹⁸ Рим подтвердил запрет на использование своего оружия для ударов по РФ // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20957019> (дата обращения 31.05.2024).

такие ключевые конструкции, как «стратегический партнер», «нормальный партнер», «диалог», «совместное решение международных кризисов», что легитимировало отношения с Россией в обход жесткого санкционного нарратива ЕС. Через призму конструктивизма это свидетельствует о попытке Италии сконструировать альтернативную внешнеполитическую идентичность, в которой рациональные экономические и энергетические интересы сочетаются с амбициями посредничества.

В Италии присутствовало множество пророссийских политических сил, в основном, оппозиционные партии, направленные на поддержание экономического благополучия Италии и недовольные провалившимися экономическими и политическими мерами Италии на фоне санкций 2014 г. и миграционного кризиса. Важную роль играли региональные политические акторы: резолюции регионов Венето и Ломбардия отражали фрагментированный внутривнутриполитический дискурс, в котором локальный экономический прагматизм преобладал над общеевропейской нормативной солидарностью. Даже в условиях санкций Италия стремилась сохранить каналы коммуникации, а конструкции сотрудничества доминировали над фреймингом конфронтации. Это делает итальянский кейс уникальным примером государственно-элитного и регионального дискурса, в котором Россия до 2022 года оставалась «своим» в логике стратегической автономии.

После начала СВО в 2022 г. практически все итальянские политики перестали поддерживать Россию, отказались от сотрудничества и диалога и поддержали Украину. Также Италия впервые за все время ограничила энергетическое сотрудничество с Россией, перейдя на новые форматы добычи энергии и взаимодействие с ближневосточными партнерами. На примере Италии четко видно, как Брюссельская стратегия направлена на преобразование всей Большой Европы по ее собственным стандартам, в то время как государства имеют собственные интересы и цели на мировой арене. Так, длительное взаимовыгодное сотрудничество России и Италии прекратилось по общеевропейским политическим мотивам в ущерб итальянской экономике.

Анализ дискурсивных практик Германии и Италии в период с 2014 по 2024 год выявил как общие риторические конструкции, согласованные с внешнеполитическим курсом ЕС, так и отдельные акценты, отражающие национальные интересы и внутреннюю политическую специфику. Общие для обеих стран нарративы, направленные из Брюсселя, строятся вокруг необходимости защиты европейских ценностей, международного права и территориальной целостности Украины. В политических заявлениях, особенно на уровне глав правительств и министров иностранных дел, последовательно воспроизводятся фреймы «агрессии», «незаконной аннексии», «нарушения международных норм» по отношению к действиям России. Это поддерживает общий европейский дискурс делегитимации внешнеполитического курса РФ.

В обоих государствах не имела место резкая смена национального интереса как такового на противоположный, однако проявился контроль политической коммуникации в виде ограничения публично допустимых рамок внешней политики в условиях:

- правовой и процедурной логики ОВПБ (эффект конвергенции действий, акцент на лояльность и солидарность)
- политической необходимости поддерживать «единство» и санкционный режим (в выводах Европейского совета присутствует язык единства, санкций и призывы к выравниванию позиции).
- роста значимости коммуникационного измерения безопасности и борьбы с дезинформацией (подчеркнуто и в документах ЕС, и в документах Италии и Германии).

Благодаря анализу официальных коммуникаций стало очевидно повторение конструкций, исходящих от Брюсселя (агрессия как «неоправданная/непровоцированная/незаконная»; международное право; суверенитет/территориальная целостность), появление связки с решениями ЕС (а в 2023 году прямо говорится о поддержке действий ЕС по изоляции России). Единый «словарь» закрепляется не только дипломатическими коммунике, но и документами безопасности (например, Министерства обороны Италии), где

Россия описывается как «фактор дестабилизации и источник угроз» (включая информационно-дезинформационное направление) именно в связке со стратегическими документами ЕС.

В риторике Германии особенно выражен паттерн ответственного лидерства и политической сдержанности. Выступления канцлеров (Ангелы Меркель, затем Олафа Шольца) подчеркивали не столько конфронтацию, сколько важность дипломатии, экономической стабильности и постепенного усиления санкционного давления. Присутствует формула «диалога при твердой позиции», отражающая стремление сохранить авторитет Германии как посредника, несмотря на растущую поддержку Украины. В официальных высказываниях представителей Италии (в особенности времен правления Марио Драги) фиксируется паттерн прагматического евроатлантизма, в котором поддержка санкций и безопасности увязывается с вопросами внутренней экономической устойчивости. В некоторых случаях проявляется стремление к балансировке между соблюдением линии ЕС и учетом национальных энергетических интересов. Более сдержанная риторика, особенно в период до 2022 года, иллюстрирует традиционную ориентацию Италии на многостороннюю дипломатию и мягкую силу.

Таким образом, официальная риторика Германии и Италии демонстрирует общий вектор встраивания в дискурс ЕС, но при этом сохраняет элементы национального фрейминга, в которых находят отражение внутренние политические, экономические и энергетические приоритеты. Это подтверждает, что единство ЕС во внешнеполитической коммуникации носит многоуровневый и контекстуально обусловленный характер, что важно учитывать при анализе эволюции его внешнеполитической стратегии.

ГЛАВА 3. ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ С РОССИЕЙ

В предыдущих главах нами были рассмотрены особенности внешнеполитической стратегии ЕС, зафиксированные в официальных документах, договорах и декларациях, а также изучено восприятие России как актора международных отношений. В этой главе мы исследуем практическое применение установок и нарративов ЕС в отношении России на примере конкуренции за влияние в странах бывшего СССР, а также гибридных угроз и информационных воздействий, которые ЕС видит в России.

3.1. Отражение конкуренции ЕС и России на постсоветском пространстве в политических документах

Постсоветское пространство (ПСР) как политико-географический регион является продуктом геополитической регионализации в Евразии после распада СССР. Его структура полицентрична вследствие разделения на государственные и межгосударственные политические системы различных типов, поэтому некоторые исследователи спорят о его фактических границах и входящих государствах³⁹⁹. Двумя основными цивилизационными и геополитическими векторами развития в постсоветском пространстве являются Западный (евроатлантический) и Евразийский (российско-центричный). В группу стран с западным вектором развития входят постсоциалистические страны Восточной Европы, прибалтийские государства, а позднее также Грузия, Украина и Молдавия, которые представляют особый интерес в контексте исследования. Евразийский вектор развития, в свою очередь, является более российско-центричным и включает в себя первоначальные государства-члены Содружества Независимых Государств (СНГ), а также другие международные организации,

---

³⁹⁹ Рябов А. Постсоветское пространство: факторы и циклы развития // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 3. – С. 67.

международно-непризнанные государства (например, Южная Осетия) и Монголию⁴⁰⁰. Эти страны ориентируются на сотрудничество с Россией и ее влияние.

Соответственно, страны данного региона развиваются в разных направлениях, которые трансформируются с учетом внешнеполитического контекста, что формирует разнообразие геополитических связей и сотрудничества в данном регионе и создает пространство для конфликта интересов центров силы в Евразии, а именно ЕС и России. Анализ нарратива конкуренции Европейского союза и России на постсоветском пространстве представляет собой ценный объект для научного исследования, поскольку позволяет выявить не только внешнеполитические установки, но и механизмы формирования идентичности международных акторов. С точки зрения конструктивистского подхода, международные отношения рассматриваются не как результат объективного баланса сил, а как продукт символических конструкций, в которых язык, ценности и восприятия играют ключевую роль. В этом контексте постсоветское пространство становится ареной не просто геополитического соперничества, а борьбы за интерпретацию норм, легитимности и исторической памяти.

Региональная интеграция представляет собой основу как для внутреннего, так и для внешнего соперничества государств. Формирование Европейского союза происходило в условиях значительной конкуренции между различными группами внутри европейского политического сообщества, и каждая из них продвигала собственные модели межгосударственной интеграции. Данный процесс сопровождался противоборством на идеологическом, информационном и дипломатическом уровнях. Исследователь современного конструктивизма Л.А. Гика подчеркивает, что интеграция, как и само понятие региона, — не объективная реальность, а результат «регионализации», то есть политического

---

⁴⁰⁰ Каледин Н.В. Постсоветское пространство: исторические предпосылки, геополитическое содержание и структура // Роль России и ЕС в конфликтах и кризисах на постсоветском пространстве: конкуренты или союзники? / Под ред. Ереминой Н.В. и др. М.: Знание-М, 2021. – С. 14.

акта, наделяющего территорию идентичностью⁴⁰¹. В этом смысле ЕС и евразийские интеграционные проекты можно рассматривать как продукты политических дискурсов, конструирующих региональность и легитимирующих свое существование.

Рассмотрим, каким образом ЕС и Россия формировали вокруг себя интеграционные сообщества «своих», какие факторы позволили интеграционным объединениям развиваться и какие процессы стали поводом для конкуренции в Евразии.

Европейский союз выработал координированные стратегии интеграции в близлежащих регионах, такие как «Европейская политика соседства» и «Восточное партнерство». Спустя время они столкнулись с альтернативными инициативами – Таможенным союзом, Евразийским экономическим пространством и Евразийским экономическим союзом, которые ориентированы на стратегические интересы Российской Федерации. Ключевая специфика паневропейского проекта заключается в стремлении политической элиты ЕС включить постсоветские республики в зону собственного политико-правового влияния, что в перспективе приводит к уменьшению национального суверенитета партнерских государств. С этой целью Евросоюз накладывает на них формальные обязательства по внедрению внешнеполитических принципов, практик и институтов. Как отмечает Д.А. Пахолкин, Евросоюз стремится навязать свои политические принципы и стандарты партнерам по интеграции, что в итоге может «ограничить их национальный суверенитет»⁴⁰².

В отчете Европейской комиссии в 2015 году по Восточному партнерству и Европейской политике соседства говорится о том, что ЕС «поддерживает демократию и права человека, гендерное равенство... как часть процесса стабилизации» в соседних странах⁴⁰³. С точки зрения дискурса это обозначает

---

⁴⁰¹ Ghica L. A. Beyond regional integration? Social constructivism, regional cohesiveness and the regionalism puzzle // *Studia Politica: Romanian Political Science Review*. 2013. Vol. 13(4). – P. 735.

⁴⁰² Пахолкин Д.А. Нормативная сила в конкуренции евразийского и европейского интеграционных проектов на постсоветском пространстве // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2017. Том 12. №6. – С. 175.

⁴⁰³ Annual Action Programme 2015 // European Commission. 2015, September 15. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/annual-action-programme-2015_en (дата обращения 14.04.2024).

универсальные стандарты ЕС, где продвижение демократии именно в ее представлении Союзом рассматривается как ключ к миру, стабильности и устойчивости в соседних странах. ЕС не просто предлагает соседним странам сотрудничество, но и формирует образ «правового и демократического сообщества», куда эти страны могут вступить через трансформацию внутренних структур. Страны, которые соответствуют этим ценностям, получают более глубокую интеграцию, что усиливает разделение на «своих» и «чужих».

Крайне интересные коммуникационные конструкции касаются стратегии ЕС на постсоветском пространстве можно найти в резолюции по стратегии «ЕС-Центральная Азия» 2016 г. ЕС указывает на то, что стратегия была принята с учетом «расширения влияния в регионе и вовлечения ЕС», распространения политики соседства на Каспийский регион, «продолжающейся поддержки реформ и модернизации постсоветских обществ», имея в виду «необходимость тесного сотрудничества перед лицом угроз безопасности»⁴⁰⁴. При этом же в докладе сказано, что ЕС считает постсоветское пространство «гетерогенным регионом» с «недостатком доверия» и борьбой за природные ресурсы, что усложняет региональное взаимодействие⁴⁰⁵. Соответственно, ЕС представляет себя как связующее звено и внешнюю опору для стран региона, что указывает на значительную заинтересованность Союза в данных странах, отмечая при этом, что двусторонние отношения стран региона со странами-членами неравномерны и требуют «большей согласованности» и последовательности, развития публичной дипломатии и медиа-присутствия ЕС⁴⁰⁶. Также в документе была утверждена после годового перерыва и расширена должность специального представителя ЕС в Центральной Азии, ответственного за «комплексное взаимодействие» со странами ПСП, в том числе продвижение демократии и «уважение к правам человека»⁴⁰⁷.

---

⁴⁰⁴ Implementation and review of the EU-Central Asia Strategy. European Parliament resolution of 13 April 2016 on implementation and review of the EU-Central Asia Strategy (2015/2220(INI)) // EURLex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016IP0121&qid=1704559263208> (accessed 15.04.2024).

⁴⁰⁵ Ibid.

⁴⁰⁶ Ibid.

⁴⁰⁷ Message from Ambassador Terhi Hakala, the EU Special Representative for Central Asia // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-special-representative-central-asia_en (accessed 15.04.2024).

В отчете по Европейской политике соседства 2016 г. четко указано негативное отношение ЕС к российскому влиянию в регионе. Согласно документу, страны Соседства «серьезно пострадали от агрессивной политики нынешней российской администрации президента и правительства», в том числе попытками привлечь страны ПСП к ЕАЭС, где «доминирует Россия»⁴⁰⁸. Российская политика в ближнем зарубежье, по мнению ЕС, противоречит принципам Европейской политики соседства и имеет цель представить Россию как глобального игрока и «приблизиться» к позиции ЕС в мире (то есть прослеживается представление ЕС о собственном более значимом международном влиянии, чем у России)⁴⁰⁹. В ближайшем будущем, по мнению представителей ЕС, напряжение и конфликты насчет влияния ЕС и России в странах ПСП неизбежно, если «Россия не изменит ее агрессивное и разрушительное поведение»⁴¹⁰.

В рекомендациях Европейского парламента по реализации политики ЕС в странах Восточного партнерства по итогам официальных встреч в 2017 г. упоминается, что несмотря на возможность участия в интеграционных проектах и ЕС, и России (на примере Армении), ЕС намерен укреплять свое влияние с помощью двухсторонних соглашений со странами ВП, подписания соглашения с Азербайджаном, установления безвизового режима для Грузии и Украины, финансовой помощи и диалога с Республикой Беларусь⁴¹¹. Азербайджан и Беларусь ранее редко упоминались в документах ЕС, что говорит о более комплексном подходе ЕС к влиянию в регионе, что также подтверждается и расширенными соглашениями по взаимодействию с Казахстаном в 2016-2017 гг.

---

⁴⁰⁸ Opinion of the European Economic and Social Committee on the Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Review of the European Neighbourhood Policy // EURLex. 2016, August 18. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016AE0518&qid=1704559263208> (accessed 15.04.2024).

⁴⁰⁹ Ibid.

⁴¹⁰ Ibid.

⁴¹¹ Eastern Partnership: November 2017 Summit. European Parliament recommendation of 15 November 2017 to the Council, the Commission and the EEAS on the Eastern Partnership, in the run-up to the November 2017 Summit (2017/2130(INI)) // EURLex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0440&qid=1704559263208> (accessed 20.04.2024).

и повторяющимися категориями сотрудничества в связке с приведением к общим ценностям (см. Приложение 6).⁴¹²

В отчете о применении финансовых инструментов Европейской политики соседства говорится о том, что Россия и ЕАЭС негативно влияют на ряд проектов ЕС. В документе указаны «сокращенное взаимодействие» Армении с ЕС из-за присутствия в ЕАЭС и «аннексия» Крыма Россией, что приводит к сложностям в распределении финансовой помощи ЕС Украине⁴¹³. Необходимо отметить, что на программы ЕС в постсоветском пространстве заложены крупные бюджеты: например, в рамках проекта «Горизонт 2020», нацеленного на поддержку инноваций, для Беларуси было выделено более 12 млн евро на научные мероприятия за период с 2002 по 2017 гг., а на поддержку гражданского общества и «противодействие государственному насилию» было выделено 24 млн евро⁴¹⁴. ЕС реализует проекты и инициативы, охватывающие такие сферы, как зеленая энергетика и экология, традиционная энергетика, региональная политика, развитие малого предпринимательства, здравоохранение, культура, наука, образование, работа с молодежью, поддержка гражданского общества и прав человека, судебные реформы, миграция и вопросы беженцев, мир и безопасность, а также разработка норм и стандартов⁴¹⁵. Эти направления структурированы в три крупных блока: социальная интеграция, экологическая повестка и регионально-экономическое развитие. Подобный подход формирует

---

⁴¹² EU-Kazakhstan Enhanced Partnership and Cooperation Agreement (Resolution). European Parliament non-legislative resolution of 12 December 2017 on the draft Council decision on the conclusion, on behalf of the Union, of the Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Kazakhstan, of the other part (12409/2016 — C8-0469/2016 — 2016/0166(NLE) —017/2035(INI)) // EURLex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0485&qid=1704559263208> (accessed 20.04.2024).

⁴¹³ Evaluation of the European Neighbourhood Instrument. Accompanying the document REPORT FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT AND THE COUNCIL. Mid-term review report of the External Financing Instruments // EURLex. 15.12.2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017SC0602&qid=1704559263208> (accessed 20.04.2024).

⁴¹⁴ European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations (DG NEAR): Belarus // European Neighbourhood. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/countries-region/belarus_en (accessed 20.04.2024).

⁴¹⁵ Еремина Н.В. Постсоветское пространство как площадка конкуренции интеграционных проектов (на примере Беларуси) // Роль России и ЕС в конфликтах и кризисах на постсоветском пространстве: конкуренты или союзники? / Под ред. Ереминой Н.В. и др. М.: Знание-М, 2021. – С. 35.

комплексное и целенаправленное сотрудничество между ЕС и государствами, представляющими для него политический интерес.

На протяжении долгого времени Брюссель избегал официального обсуждения процессов экономической интеграции на пространстве СНГ. В результате возможность диалога между Россией и представителями институтов ЕС, действующими от имени государств-членов, фактически была исключена⁴¹⁶. Такая позиция Европейского союза объясняется не только интересами отдельных стран и наднациональных структур, но и опирается на «ценностные различия» с Россией. Эти различия подразумевают невозможность выстраивания равноправных отношений и необходимость введения особых условий и ограничений при формировании политики в отношении России, даже на этапе её проектирования. Брюссель предпочитает подход «кондициональности», то есть привязывает свою политику к различным факторам, отказываясь при этом учитывать интересы России⁴¹⁷.

В докладе об отношениях ЕС и России 2015 года упоминается, что «Российская Федерация активно продвигает Евразийский экономический союз, тогда как этот проект экономической интеграции не следует рассматривать как конкуренцию Европейскому союзу», причем данный пункт стоит рядом с пунктом о энергетической безопасности ЕС и недопустимости политизации Россией сферы энергетики⁴¹⁸. После этого ЕС выпускал документы с акцентом на взаимодействие со странами ПСП и стратегическое влияние ради реализации общих интересов. ЕС нацелился на расширение влияния в странах ПСП, приписав их к «своим», представив Россию «чужой» и угрожающей мирному взаимодействию государств в Евразии.

Последней попыткой продуктивного взаимодействия ЕС и ЕАЭС являлось проведение технических консультаций по практическим вопросам и

---

⁴¹⁶ Еремина Н.В. Указ. соч. – С. 38.

⁴¹⁷ Барахвостов П.А. Инструменты политики Европейского союза в отношении стран «Восточного партнерства» (на примере Молдовы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 1. – С. 140.

⁴¹⁸ REPORT on the state of EU-Russia relations // European Parliament. 2015, May 13. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2015-0162_EN.html (accessed 15.04.2024).

возвращение России права голоса в Парламентской Ассамблее Совета Европы в 2019 году. Однако политический диалог между РФ и ЕС становился все более ограниченным, а санкционный режим со стороны ЕС только усугублялся. В данный момент концепция «Большой Европы», на которую опираются сторонники интеграции России и ЕС, не имеет реальных перспектив для воплощения в ближайшее время. Европейские лидеры связывают возможность её реализации с готовностью России пойти на уступки в урегулировании «украинского вопроса».

Таким образом, внешнеполитическая стратегия ЕС в отношении стран постсоветского пространства закрепляет представление об универсальности норм, связывая внутренние и внешние политики ЕС: «ценности не заканчиваются на внутренних границах», что делает внешнюю политику продолжением конструкции идентичности ЕС⁴¹⁹. С одной стороны, такой метод привлечения «своих» и наращивания власти может быть полезным. Политика ЕС по соседним государствам проработана, в ней есть четкие стратегические цели и программы. В рамках текущих дискуссий в ЕС обсуждается преобразование Восточного партнерства в «Партнерство для расширения», ориентированное на ускоренную интеграцию Украины, Грузии, Молдовы и стран Западных Балкан в политическое пространство Союза⁴²⁰. С другой стороны, идентичность в политике не фиксирована и не устойчива, она может быть адаптивной и многоуровневой (локальная, национальная, европейская), в зависимости от коммуникативного и политического контекста⁴²¹. Европейская идентичность – проектная, а не естественная. Она нуждается в постоянной артикуляции через политический и публичный дискурс (например, через программы ЕС,

---

⁴¹⁹European Neighbourhood Policy // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-neighbourhood-policy_en https://enlargement.ec.europa.eu/annual-action-programme-2015_en (дата обращения 14.04.2024).

⁴²⁰ Buras P. Partnership for Enlargement: A New Way to Integrate Ukraine and the EU's Eastern Neighbourhood // European Council on Foreign Relations. 2022, June 17. URL: <https://ecfr.eu/publication/partnership-for-enlargement-a-new-way-to-integrate-ukraine-and-the-eus-eastern-neighbourhood/> (дата обращения 14.04.2024).

⁴²¹ Slocum N., Van Langenhove L. Identity and regional integration // Global politics of regionalism: theory and practice. – Baden-Baden: Nomos, 2005. – P. 140.

декларации и пр.). Если ценности и идентичности соседних стран поменяются, то ЕС уже не сможет больше удерживать их в своем ценностном полюсе «своих».

Сам факт использования Россией термина «евразийская интеграция» в качестве символического «ментального стержня» порождает неоднозначные идейно-политические эффекты⁴²². Концепт «евразийского пространства» обозначает определенный географический регион, однако его границы остаются размытыми, а институционально-политическая форма – неоформленной. В экспертной и медиасреде стран СНГ термин «Евразия» не связывается с существованием единого политического субъекта, который мог бы олицетворять процессы евразийской интеграции⁴²³. В этом контексте следует рассмотреть особенности формирования интеграционных процессов Россией. Вместе с тем общее советское прошлое продолжает играть значимую роль в массовом сознании народов постсоветских независимых государств. Это является важным фактором при формировании российской политики по продвижению национальных интересов страны на геополитическом пространстве СНГ.

Не стоит упускать из виду такие интеграционные факторы, как единое географическое пространство и многовековое развитие народов в рамках схожей социально-политической культуры, что способствовало возникновению прочных политических связей. Существенное значение имеют и общие оборонные интересы, которые подчеркивают необходимость сотрудничества и ориентацию на совместное обеспечение безопасности. Кроме того, на ПСП существует общая транспортная система, которая способствует более тесным экономическим связям и кооперации между предприятиями разных стран. Национальные субрегионы также исторически зависели от России с финансовой и экономической точки зрения, что также способствует взаимодействию. Все перечисленные факторы могут рассматриваться как основания для

---

⁴²² Цыбаков Д.Л. Указ. соч. С. 131.

⁴²³ Сафаева С. Постсоветская интеграция в контексте политической трансформации новых независимых государств // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №5 (53). – С. 148.

формирования интеграционных связей на постсоветском пространстве, концептуализации «своих» и поддержания тесных взаимоотношений.

При этом, как подчеркивает Н.В. Лукьянович, если рассматривать конкретные интеграционные проекты, а именно ЕАЭС, то «геополитическое влияние России намного превышает её экономический вес»⁴²⁴. Так, лидерство РФ определяется не через количественные показатели (экономику), а через символическую и политическую капитализацию статуса, что является конструктивистским инструментом легитимации российского лидерства в ЕАЭС как естественного. Новые пакеты санкций и общие условия международной экономической турбулентности, вызванные новыми глобальными вызовами и последствиями пандемии коронавируса, негативно отразились на экономике стран СНГ. Однако, по крайней мере, они смогли поддержать друг друга в последние годы и «не допустили в отношении себя ни одного повода для обвинений в том, что их политика была эгоистичной», как сказал эксперт дискуссионного клуба «Валдай» Т.В. Бордачев, делая отсылку к неоднородной и неконсолидированной экономической политике ЕС в период пандемии⁴²⁵. Здесь можно отметить концептуальную бинарную оппозицию ЕС и ЕАЭС: евразийская солидарность против европейского индивидуализма.

До 2014 года ЕАЭС рассматривался как элемент концепции «Большой Европы», направленной на создание общего пространства от Атлантики до Тихого океана. Предполагалось, что Евразийский союз будет формироваться по модели ЕС, что в перспективе позволило бы постсоветским государствам интегрироваться с Европой на равных условиях⁴²⁶. Но кризисы в 2004, 2014 и 2022 годах, связанные с Украиной, оказались переломными для отношений России с Европейским союзом, а впоследствии и для взаимодействия между ЕАЭС и ЕС. Тем не менее, как зарубежные, так и российские эксперты отмечают

---

⁴²⁴ Лукьянович Н.В. Перспективы евразийской экономической интеграции в контексте роста глобальных вызовов и угроз // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). – С. 79.

⁴²⁵ Эксперт рассказал о сплочённости ЕАЭС в отличие от ЕС в условиях пандемии // ТАСС. 2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8347565> (дата обращения 15.04.2024).

⁴²⁶ Ильин Е.Ю. Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО. 2015. №2 (41). – С. 85.

наличие объективных факторов такого хода событий, среди которых интеграция в глобальный экономический рынок, существующая система транспортных связей и сохраняющаяся зависимость стран ЕС от отдельных видов российских товаров, несмотря на действующие санкции⁴²⁷.

Кроме того, можно отметить расширение сферы соперничества между интеграционными инициативами России и Европейского союза. В 2020-х годах к этому добавилось конкурирующее взаимодействие между евразийскими стратегиями России («Большое евразийское партнерство»), ЕС («Соединяя Европу и Азию») и Китая (инициатива «Пояс и путь»). При этом перспективы трансформации Евразийского экономического союза из элемента концепции «Большой Европы» в ключевой компонент интеграции в рамках «Большой Евразии» представляются малореалистичными.

Соперничество между ЕС и ЕАЭС является значимой частью более широкой борьбы за геополитическую трансформацию Европы и Северной Евразии. Как отмечает М.Л. Лагутина, евразийский проект во многом стал ответом Москвы и ее партнеров на давление со стороны «объединенной Европы», что способствовало росту напряженности в отношениях с Брюсселем⁴²⁸. С.А. Мельков подчеркивает, что современная Россия сознательно принимает вызов конфронтации, рассматривая его как способ придать национальному развитию новое содержание⁴²⁹.

Рассмотрим кейс, который поможет раскрыть политический дискурс в документах ЕС, относящийся к конкуренции на постсоветском пространстве. В данном случае стоит детальнее рассмотреть Казахстан как давнего партнера России по множеству сфер, проходящего различные трансформации в политическом и экономическом курсе и на данный момент попадающий в зону интереса ЕС, с одной стороны, как один из важнейших экономических партнеров

---

⁴²⁷ Смирнов Е.Н. Эскалация антироссийских санкций и ее последствия для глобальной экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. №2. – С. 85.

⁴²⁸ Лагутина М.Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. 2015. №11 (83). – С. 126.

⁴²⁹ Мельков С.А. Какие ценности предстоит защищать России // Власть. 2015. №2. – С. 95.

России и, с другой стороны, как отличный потенциальный партнер в сфере энергетики и торговли для ЕС.

Российско-казахстанские отношения после 2014 г. были неоднозначными. С одной стороны, Россия и Казахстан выступили сооснователями ЕАЭС (с 29 мая 2014 г.)⁴³⁰. Казахские власти последовательно поддерживали развитие экономической интеграции на постсоветском пространстве, однако не стремились к углублению политического сотрудничества. Более того, президент Н. А. Назарбаев в 2013 году заявил, что Казахстан покинет союз, если тот будет «посягать на суверенитет страны»⁴³¹. Тем не менее, речи о замедлении российско-казахстанского сотрудничества не шло. Еще в 2014 г. президент Казахстана подчеркивал, что на территории страны реализуется либо планируется реализовать более 50 совместных проектов на общую сумму 6 млрд. долларов⁴³². По мнению политолога М. Кассена, сочетание таких факторов, как географическое положение между Европой и Китаем, транзитный потенциал и участие в интеграционных инициативах, создают благоприятные условия для внешней политики Казахстана. Отсутствие выхода к мировым океанам (при том, что Каспийское море имеет статус «моря-озера») и окружение сухопутными соседями – Кыргызстаном и Узбекистаном – позволяют стране одновременно активно участвовать в интеграционных процессах и проводить многовекторную внешнюю политику⁴³³.

С точки зрения политического влияния, ЕС после 2014 г. воспринял введение санкций и ограничение взаимодействий с Россией как шанс сблизиться с Казахстаном и если сделать его не «своим», то по крайней мере продемонстрировать ему открытость для сотрудничества. В 2015 г. Казахстан и ЕС подписали Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве,

---

⁴³⁰ История создания ЕАЭС // Qaztrade. URL: <https://qaztrade.org/kz/rus/istoriya-sozdaniya-eaes/> (дата обращения 22.04.2024).

⁴³¹ Мещеряков К. Е. Российско-казахстанские отношения в посткрымский период: фаза турбулентности // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2023. № 1. – С. 28–56.

⁴³² Лебедев С., Казанцев А., Медведева С. Сотрудничество Казахстана и России: экономика и политика // Kazakhstan Journal of Foreign Studies. 2022. № 1–2. – С. 15–24.

⁴³³ Kassen M. Understanding foreign policy strategies of Kazakhstan: a case study of the landlocked and transcontinental country // Cambridge Review of International Affairs. 2018. Vol. 31. Issue 3–4. – P. 316.

ставшее стартовой точкой для укрепления отношений. Глава ЕСВС на тот момент Федерика Могерини в официальном заявлении отметила, что «Казахстан стал первым из наших центральноазиатских партнеров, заключившим соглашение нового поколения с ЕС... [которое дает] импульс экономическим и политическим связям между ЕС⁴³⁴ и Казахстаном». В Соглашении особое внимание уделяется демократии и верховенству закона, правам человека и основным свободам, а также «сотрудничеству в сфере внутренних дел»⁴³⁵. Данная фраза маркирует Казахстан как «первопроходца» и ЕС как инициатора нового типа отношений. Это создает асимметричный дискурс, в котором ЕС выступает как «нормативный центр», устанавливающий стандарт отношений, к которому должны стремиться другие (см. Приложение 6).

В совместном заявлении по случаю 25-летия отношений ЕС-Казахстан 2 февраля 2018 года подчеркивается «расширение политического и правового диалога» и особую роль Казахстана в реализации Стратегии ЕС-Центральная Азия⁴³⁶. В ходе визита представителей Европейского парламента в Казахстан глава делегации Кристиан Дан Преда отметил, что ЕС в отношениях с Казахстаном «уделяет особое внимание демократии и верховенству права, а также сотрудничеству с гражданским обществом»⁴³⁷. Формулировка «расширение политического и правового диалога» предполагает движение Казахстана по пути институциональной сближения с ЕС. Это не просто дипломатические отношения, а постепенное втягивание в нормативное пространство ЕС, где политический и правовой диалог – это маркеры включенности. Подчеркивание «особой роли Казахстана» в реализации Стратегии ЕС – Центральная Азия конструирует его как привилегированного и

---

⁴³⁴ The European Union and Kazakhstan // Delegation of the European Union to the Republic of Kazakhstan. URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/european-union-and-kazakhstan_en/ (дата обращения 18.05.2024).

⁴³⁵ Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between Kazakhstan and the EU // European Parliament. 2015. URL: <https://www.europarl.europa.eu/delegations/en/enhanced-partnership-and-cooperation-agr/product-details/20170614DPU07842> (дата обращения 18.05.2024).

⁴³⁶ Joint press statement on the occasion of the 25th anniversary of diplomatic relations between the European Union and the Republic of Kazakhstan // European Union External Action. 2018, February 2. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/39255_en/ (дата обращения 18.05.2024).

⁴³⁷ European Parliament delegation pays official visit to Kazakhstan // European Union External Action. 2018, September 19. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/50601_en/ (дата обращения 18.05.2024).

доверенного партнера, потенциально ближе к ЕС, чем другие страны региона. Это создает иерархию вовлечённости, где Казахстан позиционируется как лидер взаимодействия с ЕС в Центральной Азии. Упор на «демократию», «верховенство права» и «сотрудничество с гражданским обществом» – это элементы нормативного набора ЕС, которые выполняют не только ценностную, но и интеграционную функцию. Они служат как критерий соответствия стандартам ЕС и как условия приближения к «европейскому порядку» и кругу «своих». Здесь можно ввести понятие «похожий» – еще не «свой», но выстраивающий диалог и сближающийся с группой «своих» по ценностям и политическим установкам.

В обновленной стратегии по Центральной Азии 2019 г. ЕС обозначил намерение «создать прочное и долгосрочное партнерство на благо всех граждан» региона, содействовать «устойчивости, процветанию и региональному сотрудничеству в Центральной Азии»⁴³⁸ и уделил внимание таким аспектам в контексте Казахстана, как образование и культура⁴³⁹. В данной коммуникации мы видим типичные риторические формулы ЕС, универсализирующие ценности ЕС как якобы аполитичные и общечеловеческие. Такая формулировка позволяет избежать жесткой геополитической риторики, при этом позиционируя ЕС как актор с моральным мандатом. Как отмечает Е.В. Шукушева, ЕС стал активно привлекать казахскую молодежь к программам обмена и международным образовательным форумам, где транслировал дискурс сближения и передавал свои ценности в рамках своего трека стратегии «гражданское общество»⁴⁴⁰. Более того, в коммуникации мы видим ту самую «устойчивость», которая появлялась во всех документах ЕС касаясь безопасности и взаимодействия с соседями, что говорит о стремлении к глобализации влияния ЕС.

---

⁴³⁸ Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia // Council of the European Union. 2019, June 17, URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf> (дата обращения 18.05.2024).

⁴³⁹The European Union and Kazakhstan // European Union External Action Service. 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/european-union-and-kazakhstan_en/

⁴⁴⁰ Шукушева Е. В. Сотрудничество Казахстана и ЕС в сфере образования: новые вызовы и измерения // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. №5(1). – С. 1096.

С 2021 г. экономические отношения между Казахстаном и западными государствами значительно укрепились. В 2021 г. Казахстан начал активную торговлю с США, а в 2023 г. Астану с дружеским визитом посетил госсекретарь США Э. Блинкен⁴⁴¹. В 2022 г. председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен и премьер-министр Казахстана Алихан Смаилов подписали Меморандум о взаимопонимании по стратегическому партнерству в области устойчивого сырья, аккумуляторов и цепочек создания стоимости возобновляемого водорода. В документе указано, что «стратегическое партнерство с Казахстаном в области сырья является частью политики ЕС по обеспечению доступа к надежным, диверсифицированным, доступным и устойчивым поставкам критически важного сырья», и что сам документ «обеспечивает политическую основу для расширенного сотрудничества в текущем геополитическом контексте»⁴⁴². Формулировки «стратегическое партнерство», «политическая основа», «надежные и устойчивые поставки» создают дискурс взаимной рациональности и доверия. Казахстан здесь представлен как прогнозируемый и безопасный партнер, в отличие от «ненадежной» и «агрессивной» России, которая создавала большое напряжение из-за энергетической зависимости Союза от нее. Упоминание «в текущем геополитическом контексте» риторически привязывает мотивы сближения с Казахстаном к конфликту ЕС–Россия в контексте СВО и выступает как способ нормализовать радикальные экономические и торговые сдвиги. Дискурс оформляет диверсификацию как необходимую и морально оправданную реакцию. Через устойчивость и доступность стратегических ресурсов ЕС транслирует ценностную рамку, в которой экологичность, автономия и политическая независимость становятся ключевыми измерениями «правильного» партнерства.

---

⁴⁴¹ Укрепление связей США и Казахстана через торговлю и инфраструктуру // Власть KZ. 2024. URL: <https://vlst.kz/opinions/60185-ukreplenie-svazej-ssa-i-kazahstana-cerez-torgovlu-i-infrastrukturu.html> (дата обращения 18.05.2024).

⁴⁴² Memorandum of Understanding between the Republic of Kazakhstan and the European Union on a strategic partnership on sustainable raw materials, batteries and renewable hydrogen value chains // Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs. European Commission. 2022, November 2022. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/system/files/2022-11/EU-KAZ-MoU-signed_en.pdf (дата обращения 18.05.2024).

В итоге, если в 2023 г. казахстанские компании предпочитали перенаправлять экспорт нефти и газа с трубопровода КТК в Каспийском море на порт Усть-Луга и – через трубопровод «Дружба» – в Германию, то в 2024 г. выросла роль маршрута «Баку–Тбилиси–Джейхан» и Батумского порта как альтернативных способов поставки казахстанских нефти и газа в Европу⁴⁴³. В рамках собственного варианта многовекторной внешней политики Казахстан стремится развивать энергетическое сотрудничество не только с ведущими региональными державами (Россия и Китай), но и с внерегиональными в лице ЕС, что подтверждает закрепление Казахстана как экспортера нефти в ЕС «второго эшелона»⁴⁴⁴ (Приложение 8). В отчете Европейской комиссии Казахстан называется «крупнейшим торговым партнером ЕС» в регионе, а ЕС – «крупнейшим инвестором» для Казахстана, при том, что в отчете о рисках отмечается «необходимость параллельного рассмотрения вопроса российской агрессии в регионе»⁴⁴⁵. Так, с позиции ЕС Казахстан включен в цепочки поставок, но без статуса ведущего геополитического игрока. Тем не менее, даже эта роль легитимируется как политически важная в условиях отказа ЕС от российских энергоресурсов. Фраза «необходимость параллельного рассмотрения вопроса российской агрессии в регионе» вводит тревожный нарратив, который служит оправданием для усиленного партнерства с Казахстаном. Эту риторику превентивной нормативной поддержки можно определить как часть широкой стратегии геополитической «устойчивости» ЕС в условиях «угрозы» со стороны РФ в экономическом контексте.

Таким образом, столкновение между интеграционными проектами ЕС и ЕАЭС имеет глубокие политические и геополитические корни, а каждая из сторон стремится защитить свои интересы и подтвердить свою позицию в

---

⁴⁴³ Ларина А. Reuters: Казахстан удвоил экспорт нефти в обход российских портов // Коммерсантъ. 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6493617> (дата обращения 18.05.2024).

⁴⁴⁴ Как изменилась география экспорта казахстанской нефти в 2023 году // Капитал Кз. .2024. URL: <https://kapital.kz/economic/121991/kak-izmenilas-geografiya-eksporta-kazahstanskoy-nefti-v-2023-godu.html> (дата обращения 18.05.2024).

⁴⁴⁵ EU trade relations with Kazakhstan. Facts, figures and latest developments // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/kazakhstan_en (accessed 18.05.2024).

регионе. ЕС и Россия имеют непосредственное пересечение интересов из-за географических факторов нахождения государств, что подогревается нелинейностью и разнообразием политических процессов в странах бывшего СССР и разделением на «роевропейский» и «пророссийский» лагеря, которое, к тому же, является не таким очевидным в ряде стран. Политические документы ЕС и России отражают противоборствующие дискурсы: ЕС формирует нарратив «нормативного влияния» для стран региона, тогда как Россия артикулирует такими категориями, как «суверенного пути» и «общей истории». Исследование политического языка в данном контексте раскрывает, как через коммуникацию формируются границы принадлежности, иные/свои, сферы влияния и легитимность внешней политики.

ЕС и Россия в данном регионе выступают не только как геополитические акторы, но и как носители конкурирующих моделей модернизации, каждая из которых сопровождается собственным нарративом: ЕС акцентирует правовое государство, демократию и устойчивое развитие, тогда как Россия опирается на риторику суверенитета, культурной общности и антизападной мобилизации. Эти различия особенно остро проявляются в отношениях с Украиной, Грузией и Молдовой. Конструктивистский подход позволяет рассматривать не только столкновение интересов, но и конфликт идентичностей: ЕС позиционирует себя как нормативный центр притяжения, в то время как Россия стремится сохранить свою зону влияния через фреймирование постсоветских стран как части историко-культурного единства. Этот символический конфликт поддерживается риторикой исключительности, исторической легитимности и защиты «своих» интересов в ближнем зарубежье. В текстах ЕС постсоветское пространство в последние годы все чаще трактуется как зона конкуренции ценностных систем, а не только политического влияния. Это усиливает морально-нормативную окраску внешнеполитического дискурса, придавая санкциям, программам сотрудничества и инициативам характер цивилизационного выбора для стран региона. РФ в ответ усиливает культурно-информационное воздействие, подкрепленное элементами экономической взаимосвязи, военного

сотрудничества и контрнарратива о «внешнем управлении» и потере суверенитета при сближении с ЕС.

Упор на стандартный список ценностей ЕС, который постоянно присутствовал в документах по Политике соседства и Восточному партнерству, задает ценностную рамку, через которую ЕС определяет легитимность международного взаимодействия. Эти категории не подаются как предмет обсуждения, а как универсальные нормы, обязательные к имплементации. Соответственно, нарративной целью политической коммуникации было обозначить не просто сотрудничество, а постепенное вовлечение в «нормативное сообщество» ЕС и его партнеров. При этом, на текущий момент можно сказать, что проект «Восточное партнерство» де-факто прекратил свое существование после 2022 г. в связи со значительным изменением статуса Украины, приглашением в ЕС и даже в НАТО.

Конструирование Казахстана как «похожего» в Центральной Азии также выполняет геополитическую функцию — выделить его среди прочих, привязать к Европе и ограничить влияние «чужих» акторов (России или Китая). ЕС через отчёты и политические оценки наделяет Казахстан идентичностью умеренного, предсказуемого и ценностно гибкого актора, с которым можно строить устойчивые и «безопасные» отношения в непредсказуемом окружении. В условиях российской агрессии ЕС стремится к укреплению связей с теми, кто остаётся нейтральным или проевропейским, а не враждебным. Это превращает торговлю и инвестиции в политические акты выбора принадлежности. Казахстан занимает центральное место в стратегии ЕС по Центральной Азии, рассматривается как локомотив региональной стабильности, модернизации и интеграции. ЕС активно использует образование, поддержку гражданского общества и программы развития как инструмент продвижения своих ценностей, формально не претендуя на прямое вмешательство, как в случае с политикой соседства, но активно продвигая свои ценности и моральные стандарты.

В широком смысле конкуренция ЕС и РФ в постсоветском регионе — это не только борьба за политическое влияние, но и соперничество в создании

легитимных образов будущего для этих стран. При этом ЕС делает ставку на мягкую силу и институциональное вовлечение, в то время как РФ — на реактивную риторику, подчеркивающую вмешательство Запада и угрозу собственным интересам. Конфронтация между ЕС и Россией на постсоветском пространстве представляет собой дискурсивную конкуренцию за нормы, символы и идентичности, которая служит важным фоном для понимания трансформации внешнеполитической риторики ЕС в отношении России.

3.2. Гибридные войны в отношениях ЕС и России и их отражение в политической коммуникации

Одним из самых популярных терминов в контексте анализа современных международных процессов являются «гибридные войны». Этот термин можно объяснить как противостояние акторов международных отношений, в которых вместо открытых военных действий используются скрытые операции, диверсии, киберугрозы, мягкое давление, пропаганда среди гражданского населения и др.⁴⁴⁶ Впервые термин был введен американскими исследователями в контексте развития системы военного киберкомандования, борьбы с терроризмом и деятельности НАТО, когда описывались потенциальные соперники на международной арене, включая Россию⁴⁴⁷. На его основе сформировалось понятие «гибридных угроз», применяемое для анализа стратегий и целей внешней политики⁴⁴⁸. Из данного термина выросло понятие «гибридных угроз», используемое при анализе стратегий и целей внешней политики. Если трактовать угрозу как состояние, потенциально способное перерасти в военный конфликт

---

⁴⁴⁶ Тиханычев О.В. «Гибридные» войны: история, современное состояние, основы противодействия // Национальная безопасность / E-nota bene. 2019. №1. URL: https://e-notabene.ru/nb/article_28100.html (дата обращения 15.04.2023).

⁴⁴⁷ Шариков П. Информационный комплекс // Безопасность Европы / под ред. В.В. Журкина. М: ИЕ РАН: Весь мир, 2011. – С. 585.

⁴⁴⁸ Giumelli F., Cusumano E., Besana M. From Strategic Communication to Sanctions: The European Union's Approach to Hybrid Threats // A Civil-Military Response to Hybrid Threats / E. Consumano, E. Corbe (Eds.) London: Palgrave Macmillan, Cham, 2018. – P. 146.

(такое определение содержится, например, в Военной доктрине РФ⁴⁴⁹), то это не обязательно связано исключительно с субъективным фактором – образом врага – и может существовать при отсутствии самого конфликта. Однако понимание угрозы как действия предполагает уже активные шаги противника, который перестает быть лишь подозреваемым. В этом случае меры противодействия направлены не на урегулирование ситуации, а на ограничение возможностей другой стороны.

Европейский союз ввел понятие «гибридных угроз» как один из ключевых нарративов Глобальной стратегии 2016 г. Данные угрозы находились среди приоритетных направлений работы ЕС в ряду с борьбой терроризмом, экономической нестабильностью и изменением климата⁴⁵⁰. ЕС признает, что понятие «гибридные угрозы» является «политически субъективным» и трудно поддается точному определению⁴⁵¹. Наиболее универсальное объяснение концепции, предлагаемое ЕС, сводится к «сложностям, вызванным влиянием сильных государств, не входящих в Союз». К ним в своей зоне интересов – «соседстве» – ЕС относит Турцию, Китай, Саудовскую Аравию и, в первую очередь, Россию⁴⁵².

По определению Европейского совета по внешней политике, «гибридные угрозы» связаны с деятельностью спонсируемых государством акторов, которые не всегда открыто позиционируют себя как государственные и не прибегают к прямому насилию, но стремятся заставить объект угрозы подчиниться стратегическим интересам агрессора. Совет метафорически описывает их как

---

⁴⁴⁹ Военная доктрина Российской Федерации. 2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420246589> (дата обращения 15.04.2023).

⁴⁵⁰ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. URL: <https://www.satcen.europa.eu/keydocuments/Global%20Strategy%20for%20the%20European%20Union%27s%20Foreign%20and%20Security%20Policy57b6c0faf9d71c29cc0f2471.pdf> (accessed 17.03.2022).

⁴⁵¹ Fiott D., Parkes R. Protecting Europe: The EU's response to hybrid threats // EUISS Chaillot Paper 151. 2019. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_151.pdf (accessed 15.04.2023).

⁴⁵² Countering hybrid threats: EU and the Western Balkans case // European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603851/EXPO_STU\(2018\)603851_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603851/EXPO_STU(2018)603851_EN.pdf) (accessed 15.04.2023); Hossová M. Fake News and Disinformation: Phenomenons of Post-Factual Society // Media Literacy and Academic Research. 2018. Vol. 1. No. 2. – P. 29.

«троянского коня современности», несущего угрозу безопасности ЕС⁴⁵³. Эти угрозы включают информационную сферу, защиту критической инфраструктуры, подрыв легитимности правительств и манипуляции общественным мнением, занимая промежуточное положение между «жесткой» и «мягкой» силой. Хотя они частично используют методы «мягкой» силы, масштаб и серьезность делают их сопоставимыми с угрозами «жесткой» силы. Аналитики RAND в своих исследованиях подчеркивают «нестандартные, включая психологические, угрозы, влияющие на внутреннюю политику других государств», что подтверждает конвергенцию «мягкой» и «жесткой» сил⁴⁵⁴.

Системный подход ЕС к противодействию гибридным угрозам строится на нескольких ключевых направлениях: модернизация и унификация законодательства, блокирование каналов финансирования акторов гибридных угроз, а также координация наднациональных структур ЕС с национальными органами (как государств-членов, так и третьих стран) в рамках специальных операций. Вопросы технической безопасности зачастую решаются при участии разработчиков и частных компаний. Важным преимуществом системы является опора на экспертные знания, что достигается за счет привлечения специалистов не только из силовых ведомств, но и из гражданской сферы, позволяя учитывать последствия принимаемых мер для различных групп общества⁴⁵⁵. Показательным примером такой совместной работы выступает проект ЕМРАСТ (Европейская многопрофильная платформа по борьбе с преступностью), объединяющий правоохранные и судебные органы, агентства ЕС, налоговые и таможенные службы, а также частные компании. Отчеты Европола в рамках ЕМРАСТ используются Комиссией и Председателем Совета ЕС для консультирования министров юстиции и внутренних дел, которые определяют приоритеты борьбы с преступностью на четырехлетний период в качестве

---

⁴⁵³ Gressel G. Protecting Europe against hybrid threats // European Council on Foreign Relations. 2019, June 25. URL: https://ecfr.eu/publication/protecting_europe_against_hybrid_threats/ (accessed 15.04.2023).

⁴⁵⁴ Pezard S. et al. European Relations with Russia. Threat Perceptions, Responses, and Strategies in the Wake of the Ukrainian Crisis // Rand Research Report. 2017. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/AD1054032.pdf> (accessed 08.04.2022).

основы национальных планов действий. Совместные операции, координируемые центрами ЕС и стран-членов, обычно продолжаются несколько дней или недель⁴⁵⁶.

В научной литературе также встречается понятие «гибридная кампания», которое пока не получило завершеного оформления и остается достаточно абстрактным для строгого определения. К ее основным элементам относят информационные операции (что объясняет применение контрпропаганды в качестве ответа), кибератаки, шпионаж, использование опосредованных структур (людей или организаций, выступающих проводниками враждебной пропаганды), а также экономическое и политическое давление⁴⁵⁷.

Говоря о геополитических аспектах выстраивания образа России в мире, исследователи также часто использовали понятие «военная мягкая сила» в контексте России. Такая сила может проявляться в создании положительного образа государства в процессе конфликта, а также гуманитарную помощь в виде поставок продовольствия, восстановление и постройка зданий, улучшение транспортной инфраструктуры⁴⁵⁸. Зарубежные авторы считают, что Россия больше полагается на военную «мягкую силу» из-за своей культуры и даже из-за понимания термина «мягкая сила» в русском языке: сила понимается и как компетентность, и как власть⁴⁵⁹. Исходя из этой интерпретации, Россия использует военную мягкую силу, поскольку для россиян сила и успех Отечества являются одними из наиболее важных ценностей во внешней политике⁴⁶⁰.

Интересным для анализа в контексте политической коммуникации и работы с текстом является термин «когнитивные войны», предложенный Ф. Дю

---

⁴⁵⁶ EMPACT leaflet // EuroJust. 2021. URL: <https://www.euro-just.europa.eu/empact-leaflet> (accessed 15.04.2023).

⁴⁵⁷ Mareš M., Holzer J., Šmíd T. The Hybrid Campaign Concept and Contemporary Czech–Russian Relations // *Czech Security Dilemma. New Security Challenges / Holzer J., Mareš M. (Eds.)*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – P. 39-40.

⁴⁵⁸ Nye J.S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power / *Soft Power and Great-Power Competition. China and Globalization // Ed. by J.S. Nye*. Springer: Singapore, 2023. – P. 63.

0; Walker C. What Is «Sharp Power»? // *Journal of Democracy*. 2018. Vol. 29(3). – P. 10; Layne C. The unbearable lightness of soft power // *Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives / Parmar I., Cox M. (Eds.)*. London: Routledge, 2010. – P. 67.

⁴⁵⁹ Hudson V. 'Forced to Friendship'? Russian (mis-) Understandings of Soft Power and the Implications for Audience Attraction in Ukraine // *Politics*. 2015. Vol.35(3-4). – P. 335.

⁴⁶⁰ Тимофеев И. Россия и Запад: проблема в ценностях? // *Российский совет по международным делам*. 2011. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-zapad-problema-v-tsennostyakh/> (дата обращения 22.04.2023).

Клюзелем. Когнитивная война, по его определению, это искусство применения технологий с целью трансформации восприятия у целевых групп. В арсенал таких технологий входят компоненты так называемого NBIC-комплекса — нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии и когнитивные науки⁴⁶¹. В совокупности они формируют, по выражению автора, «особо опасный коктейль», способный усиливать воздействие на человеческое сознание и манипулировать им⁴⁶².

Перейдем от терминов к их практическому применению в политических текстах. В 2016 году ЕС открыто в политических текстах призвала «отреагировать на информационную войну» со стороны России. В резолюции Европарламента «EU strategic communication to counteract anti-EU propaganda by third parties» («Стратегическая коммуникация ЕС для противодействия антиевропейской пропаганде третьими сторонами») утверждается, что РФ стремится «разжечь страх и разделить Европу», а также ведёт «информационную войну». Как заявлялось в документе, «Кремлевская пропаганда» напрямую нацелена на журналистов, политиков и отдельных лиц в ЕС⁴⁶³. В качестве наиболее угрожающих пропагандистских «инструментов» указываются такие российские организации, как телеканал RT, информационное агентство «Спутник», фонд «Русский мир» и федеральное агентство «Россотрудничество». Документ ставит российские СМИ в один ряд с запрещенными террористическими группировками, такими как «Исламское государство» (ИГ, ранее ИГИЛ/ИГИЛ)⁴⁶⁴.

В 2017 году оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям ЕС (East Stratcom Task Force) предъявила РФ обвинения в

---

⁴⁶¹ Фэнли Г. Особенности противодействия современным гибридным войнам в сфере внешней политики Российской Федерации: дисс. канд. полит. наук. М.: МГУ им. Ломоносова, 2024. С. 68.

⁴⁶² Du Cluzel F. et al. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance // First NATO scientific meeting on Cognitive Warfare (France). 21 June 2021. URL: <https://hal.science/hal-03635889/document> (accessed 15.04.2024).

⁴⁶³ European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2016-0441_EN.html (accessed 15.04.2024).

⁴⁶⁴ The EU Parliament has approved a resolution to counter 'propaganda' by Russian media // Thepeoplesvoice..2016, November 23. URL: <https://thepeoplesvoice.tv/eu-parliament-approve-resolution-to-counter-russian-propaganda/> (accessed 17.02.2024).

попытке осуществления «дезинформации» с целью ослабления Запада⁴⁶⁵. По заверениям данной группы «ложная/искаженная информация» публикуют как крупные СМИ, как RT и Sputnik, а также и «маргинальные источники», в число которых входят блоги и соцсети⁴⁶⁶.

Часть европейской общественной и политической элиты повсеместно видела попытки России повлиять на выборы в Европе. Компания по кибербезопасности F-Secure (эксперты которой связаны с европейскими политическими партиями), осуществляющая анализ 24 миллионов «твитов», связанных с Брекситом, заявила, что РФ предпринимались «систематические, достаточно часто через ботов», действия по поддержке групп, выступающих за выход из ЕС⁴⁶⁷. Те многочисленные аккаунты в «Твиттере»⁴⁶⁸, которые выступали за Брексит, также активно поддерживают протесты против желтых жилетов во Франции. В то же время в Румынии и Польше, где существует достаточно сильный антироссийский политический консенсус, «информационная война» была сосредоточена на пропаганде «антиевропейских» и «антинаатовских» настроений и «нейтрализма» (равноудаленности между Россией и западный альянсом)⁴⁶⁹.

Ключевым документом для изучения концепции «гибридных угроз» ЕС является флагманский отчет Института ЕС по исследованиям безопасности (ISS) «Защищая Европу: ответ ЕС на гибридные угрозы»⁴⁷⁰. В нем детально рассматриваются вызовы, исходящие от России в адрес ЕС и стран Восточного партнерства. Особое внимание уделено именно российскому направлению:

---

⁴⁶⁵ Report of the East Stratcom: critical thinking Europeans also blame Russia // Weaponews.com. 2017, January 20. URL: <https://weaponews.com/news/507-report-of-the-east-stratcom-critical-thinking-europeans-also-blame-rus.html> (accessed 17.02.2024).

⁴⁶⁶ В ЕС сочли инакомыслие признаком «российской пропаганды» // РИА Новости. 2017. URL: <https://ria.ru/20170120/1486089857.html?ysclid=lspu8of9v6151518622> (дата обращения 17.02.2024).

⁴⁶⁷ Sattler J. Why Twitter Bots Still Matter in 2018 // F-Secure Blog. 2018, December 6. URL: <https://blog.f-secure.com/twitter-bots-still-matter-2018/> (accessed 17.02.2024).

⁴⁶⁸ Социальная сеть «Твиттер» (сейчас «X») заблокирована на территории РФ за удаление информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Источник: <https://www.interfax.ru/russia/826411>.

⁴⁶⁹ Morgan S. Romanian MEP calls for EU-funded anti-Russian propaganda project // EurActiv. 2017, May 3. URL: <https://www.euractiv.com/section/europe-s-east/news/romanian-mep-calls-for-eu-funded-anti-russian-propaganda-project/> (accessed 24.02.2024).

⁴⁷⁰ Fiott D., Parkes R. Protecting Europe: The EU's response to hybrid threats // EUISS Chaillot Paper 151. April 2019. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_151.pdf (accessed 15.04.2023).

термин «угроза» часто напрямую связывается с Россией, тогда как Турция и Китай, также включенные в перечень источников гибридных угроз, анализируются значительно менее подробно.

В отчете подчеркивается, что ЕС стремится противостоять «враждебным действиям» России, рассматриваемым как нетрадиционные, гибридные угрозы⁴⁷¹. Основной акцент сделан на событиях в Украине и других странах Восточной Европы. Деятельность России классифицируется в три категории: воздействие на соседние государства, влияние на критическую инфраструктуру и информационное воздействие. В документе подробно анализируются первая и третья группы, тогда как вопросы, связанные с безопасностью ЕС и инфраструктурой, вынесены в отдельный раздел.

Авторы отчета подчеркивают, что «пограничное влияние» России на страны, находящиеся на стыке интересов ЕС и РФ, нельзя сводить лишь к вопросам пересечения границ. Оно рассматривается как комплекс геополитических факторов, связанных с конфликтом интересов между ЕС и Россией в регионе и обеспечением безопасности шенгенской зоны. Особый акцент делается на том, что Россия ведет анти-европейскую пропаганду, политизирует Шенгенское соглашение и распространяет искаженную информацию о миграционной политике ЕС⁴⁷². В частности, речь идет о нарративах о том, что Европа «закрывается» от России и постсоветского пространства, одновременно облегчая визовый режим для граждан Украины и Молдовы с целью усиления привлекательности ЕС и поддержки «революций». Отдельно отмечается противодействие ЕС «агрессивной паспортизации» России в Грузии в ответ на либерализацию визового режима для украинцев и молдаван, что стало предметом внимания европейских экспертов еще до 2014 года⁴⁷³. При этом отчет не затрагивает фактор тесных связей России с постсоветским пространством как ресурс «мягкой силы», ограничиваясь анализом формальных

---

⁴⁷¹ Fiott D., Parkes R. Op. cit.

⁴⁷² Ibid.

⁴⁷³ Littlefield S. Citizenship, Identity and Foreign Policy: The Contradictions and Consequences of Russia's Passport Distribution in the Separatist Regions of Georgia // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. No. 8. – P. 1463.

правил пересечения границ. Это может свидетельствовать о смещении акцента в сторону вопросов охраны границ и рубежей НАТО, к которым Россия придает особое значение⁴⁷⁴.

Европейский союз предпринимает попытки ответить на «гибридные угрозы» России путем совершенствования механизмов обмена информацией между странами-членами и партнерами. Этот процесс реализуется при поддержке Агентства ЕС по безопасности внешних границ и в рамках восточноевропейской повестки ЕСВС. Дополнительно проводится перераспределение бюджетных средств, предназначенных для охраны границ, на задачи противодействия «нетрадиционным комплексным» вызовам, что позволяет повысить результативность мер безопасности⁴⁷⁵.

При этом анализ стратегических документов ЕС показывает, что ключевое значение имеет не только содержание предпринимаемых мер, но и язык, с помощью которого описываются «гибридные угрозы». Дискурс ЕС в данной сфере носит ярко выраженный нормативно-оценочный характер и направлен на формирование устойчивого представления о России как источнике системной угрозы европейской безопасности. Анализ лексики документов ЕС показывает высокую степень стандартизации используемых формулировок. В частности, устойчиво воспроизводятся такие конструкции, как «гибридные угрозы», «дезинформационные кампании», «враждебное влияние» и «подрыв демократических институтов» (см. Приложение 7). Использование данных терминов формирует негативно окрашенное смысловое поле, в котором действия России интерпретируются как целенаправленные и системные.

В этом контексте отчет выделяет два ключевых нарратива, служащих обоснованием предпринимаемых шагов. Первый из них — «солидарность», акцентирующий необходимость объединенных усилий государств-членов ЕС и

---

⁴⁷⁴ Шаройченко Н.Д. Политика Европейского союза по противодействию «мягкой силе» России в странах Восточного партнёрства // Вестник Московского государственного областного университета, 2022, Т.2, №2 – С. 117.

⁴⁷⁵ The Strategic Compass of the European Union. URL: <https://www.strategic-compass-european-union.com/> (accessed 15.04.2023).

восточных партнеров в противодействии угрозам. Второй — «уязвимость», подчеркивающий масштаб рисков и важность выработки защитных мер как для ЕС, так и для соседних стран. Таким образом, в политических текстах ЕС подчеркивается роль совместных действий, перераспределения ресурсов и стратегий кооперации для снижения уязвимости и обеспечения безопасности, в особенности для стран «трио» Восточного партнерства⁴⁷⁶.

В отчете ЕС особое внимание уделяется информационно-коммуникационной сфере и кибербезопасности, которые названы «сердцем и умом» внешнеполитической стратегии. Создатели отчета отмечают, что в условиях современного мирового порядка преимущественно распространяется не пропаганда, как было ранее в период Холодной войны, а именно дезинформация, что требует критического отношения к поступающим из различных источников данных. Дезинформация подрывает доверие, способствует формированию антипатии и усиливает разобщенность внутри общества, оказывая влияние на внутреннюю и внешнюю политику ЕС, особенно в отношении восточных соседей⁴⁷⁷. В документе акцентируется, что для противодействия этим угрозам требуется адаптация к условиям информационного общества и укрепление «устойчивости» ЕС, что соотносится с концепцией, исследованной Т.А. Романовой⁴⁷⁸.

С точки зрения ЕС, социальные сети являются одной из главных платформ для распространения «гибридных угроз» и негативной «мягкой силы» России. Отмечается, что российские пользователи активно используют «Твиттер»⁴⁷⁹ для продвижения пропаганды и влияния, в том числе во время Чемпионата мира по

---

⁴⁷⁶ Gogolashvili K. et al. Hybrid Threats in EaP Countries: Building a Common Response // Eastern Partnership Civil Society Forum. Tbilisi, Chisinau, Kyiv, Erevan, Brussels, 2019. URL: https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/Policy-paper_2019_EN_hybrid-threats-in-eap-and-common-response.pdf (accessed 22.04.2023).

⁴⁷⁷ Fiott D., Parkes R. Op. cit.

⁴⁷⁸ Романова Т., Павлова Е. Указ. соч. – С. 102.

⁴⁷⁹ Социальная сеть «Твиттер» (сейчас «X») заблокирована на территории РФ за удаление информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Источник: <https://www.interfax.ru/russia/826411>.

футболу 2018 года⁴⁸⁰ и с началом СВО⁴⁸¹. По данным Института ЕС по исследованиям безопасности (ISS), значительную роль играют проправительственные «боты», «пустые» аккаунты, оставляющие комментарии по событиям в странах Восточного партнерства. Подчеркивается, что такие аккаунты не связаны с реальными пользователями, а рассматриваются как элемент стратегии информационного вмешательства. Этот фактор подчеркивает и исследователь Д. Ю. Базаркина, отмечая, что «боты» встречались в абсолютно всех сообществах, где проходила дискуссия о выборах в ЕС и Великобритании, и что они стремились склонить общество в определенную сторону с помощью «черного рынка» продажи аккаунтов третьим лицам⁴⁸².

Так, европейские ученые Ф. Хьорт и Р. Адлер-Нильсен в своем исследовании Твиттер-дискуссий⁴⁸³ о крушении МН17 показали, что консервативно настроенные пользователи в США гораздо чаще подписываются на пророссийские дезинформационные аккаунты, чем либеральные⁴⁸⁴. Под «пророссийскими» источниками авторы понимают позиции, «поддерживающие политику Путина и интересы режима России»⁴⁸⁵. Ученые подчеркивают важность дальнейших исследований, ориентированных на измерение аудитории «дезинформации» в западных странах, что необходимо для оценки масштабов ее влияния.

Перед началом СВО многие страны ЕС, а также Великобритания и США проводили достаточно масштабные коммуникационные кампании, направленные на «разоблачение» России. Совокупность мероприятий включала в своё число беспрецедентное публичное использование имеющихся данных,

---

⁴⁸⁰ Meier H.E. et al. Politicization of a Contested Mega Event: The 2018 FIFA World Cup on Twitter // *Communication & Sport*. OnlineFirst. 2019. – P. 793.

⁴⁸¹ Geissler J. et al. Russian propaganda on social media during the 2022 invasion of Ukraine // *EPJ Data Science*. 2023. Vol. 12. Art. 35. URL: <https://epjdatascience.springeropen.com/articles/10.1140/epjds/s13688-023-00414-5#citeas> (дата обращения 25.04.2023)

⁴⁸² Базаркина Д.Ю. Европейские медиа как политические акторы // *Европа в глобальной пересборке* [Коллективная монография] / под ред. А.А. Громыко. М.: ИЕ РАН Издательство «Весь Мир», 2023.– С. 274.

⁴⁸³ Социальная сеть «Твиттер» (сейчас «X») заблокирована на территории РФ за неудаление информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Источник: <https://www.interfax.ru/russia/826411>.

⁴⁸⁴ Hjørth F, Adler-Nissen R. Ideological Asymmetry in the Reach of Pro-Russian Digital Disinformation to United States Audiences // *Journal of Communications*. 2019. Vol. 69(2). – P. 169.

⁴⁸⁵ Ibid. – P. 170.

полученных от надежных разведывательных источников с целью осуществить противостояние нарративу Кремля, а также «пролить свет на ложь», предоставляемую российским Правительством и связанными с ним субъектов⁴⁸⁶.

В Докладе Европарламента утверждается, что злоумышленники, используя сети ботов, а также фейковые аккаунты в социальных сетях совершают действия, направленные на подрыв демократических процессов. Компания Meta (запрещенная на территории РФ) была вынуждена удалить две сети, которые были созданы в КНР и РФ, поскольку имелись многочисленные нарушения её политики, а именно скоординированное недостоверное поведение. В докладе также говорится, что в России была создана сеть, состоящая из более чем 60 веб-сайтов, которая, выдавая себя за законные веб-сайты новостных организаций в Европейских странах и осуществляла размещение оригинальных статей, содержащих критику действий властей Украины и материалы в поддержку РФ. Также на указанных веб-сайтах размещалась информация о том, что западные санкции в отношении России будут иметь достаточно неприятные последствия⁴⁸⁷.

Необходимо подчеркнуть, что ЕС настолько с опаской отнесся ко внешнеполитическому влиянию России, что организовал отдельную оперативную рабочую группу по стратегическим коммуникациям (ЕС СтратКомм), которая была создана в 2015 году ЕСВС⁴⁸⁸. Главным проектом этой группы является EU vs DisInfo (ЕС против дезинформации) – сайт с новостной аналитикой и базой данных, ориентированными на информационные угрозы от России⁴⁸⁹. Статьи на этом сайте характеризуются саркастическим тоном и обилием метафор («Большой брат», «шпион» и др.) и сопровождаются концептуальными изображениями, чтобы подчеркнуть «фальшивость» информации (см. Приложение 9). Материалы сайта выкладываются на

---

⁴⁸⁶ REPORT on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation [Electronic resources] // European Parliament. 2023, May 15. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0187_EN.html (accessed 14.02.2024).

⁴⁸⁷ Ibid.

⁴⁸⁸ Bjola C., Pamment J. Digital Containment: Revisiting Containment Strategy in the Digital Age // Global Affairs. 2016. Vol. 2. No. 2. –P. 133.

⁴⁸⁹ EU vs Disinfo. URL: <https://euvsdisinfo.eu/ru/> (accessed 14.02.2024).

английском, русском, итальянском, испанском, французском, немецком, польском, белорусском, армянском, азербайджанском, украинском румынском и грузинском языках. Также практически при каждом переходе внутри сайта появляется предложение подписаться на новости о «дезинформации» (см. Приложение 10).

EU vs DisInfo также регулярно представляет статистику по дезинформации, отображая количество случаев дезинформации за определенный период (неделя, месяц), на каких языках и какие главные темы были затронуты в поддельных статьях. Сайт предусматривает поиск по странам, датам и событиям, позволяя пользователям ознакомиться с материалами, которые ЕС относит к категории дезинформации. Аналогичный проект, «Кремлевский дозор», был запущен Европейским центром ценностей в рамках EUStratComm. В его материалах российское руководство обвиняется в попытках оказывать давление на государства, зависимые от российских энергоресурсов, с целью склонить их к поддержке проекта «Северный поток-2»⁴⁹⁰. Также в 2022 году был создан веб-сайт «Война с фейками», задача которого в исследовании каждого фейка и создания реального опровержения⁴⁹¹. EU vs Disinfo утверждает, что данный сайт, имитируя контент для проверки фактов, опровергает все факты, защищающие Украину, в рамках информационной операции Döppelganger (двойник)⁴⁹².

В марте 2022 г. был создан веб-сайт под названием «RRN», который использует ту же инфраструктуру, что и сайт «Война с фейками». Издание публикует новости на 6 иностранных языках. EU vs Disinfo отмечает, что сайт «RRN», продолжающий свою деятельность и по сегодняшний день, несёт в своих публикациях российскую пропаганду, осуществляющую нападки на Запад. Так, 11.02.2024 была опубликована статья «Проклятье американских союзников»,

---

⁴⁹⁰ Svárovský M. et al. Handbook on Countering Russian and Chinese Interference in Europe // European Values Center for Security Policy, Prague, Czech Republic. 2019. URL: <https://www.europeanvalues.cz/wp-content/uploads/2020/10/Handbook-on-Countering-Russian-and-Chinese-Interference-in-Europe.pdf> (accessed 17.02.2024).

⁴⁹¹ Война с фейками. URL: <https://xn--80aaenqccitej3b1b.xn--p1ai/> (дата обращения 17.02.2024).

⁴⁹² Doppelganger operation // Disinfo.eu. URL: <https://www.disinfo.eu/doppelganger-operation/> (accessed 17.02.2024).

согласно которой В. Зеленский проводил концерты с прошением денег в Англии, США, Израиле, Германии, в 2023 г. ВСУ потерпели поражение в спецоперации, и Украина перестала быть «любимой игрушкой» Вашингтона. Страна была вычеркнута из расходов бюджета США на 2024 год⁴⁹³.

В период операции Доппельгангер исследовался пророссийский сайт TrueMaps (<https://truemaps.info/>). Данный сайт активно продвигала АLINE Липп, имеющая немецкое происхождение⁴⁹⁴. На сайте TrueMaps показана карта, на которой красным цветом с крестами обозначены страны, помогающие Украине, ведётся статистика, какое количество денег налогоплательщиков отправлено в Украину и сколько детей погибло на Донбассе. Это является прямым методом манипулирования дискурсом и выстраивания тревожно-агрессивного нарратива. ЕС также отметил как «враждебный» сайт «Русский надзор», который в своих публикациях также содержит антиукраинскую риторику. Так, 16.02.2024 была опубликована статья ««Война уже проиграна»: после заседания «Рамштайна» у ВСУ осталась только пехота», где имеется информация о том, что война Киева с Россией проиграна, украинским солдатам вместо оружия дают «дроны и ПВО, да и те на словах»⁴⁹⁵.

Стоит отметить и абсолютно абсурдные случаи обвинений в сторону России в контексте гибридных войн. В ноябре 2023 г. на зданиях в Париже появились синие шестиконечные звезды Давида появились на жилых домах и офисных зданиях в Париже⁴⁹⁶. Данный символ интерпретируется как про-, так и антиизраильский. Фотографии зданий в течение короткого времени распространились в социальных сетях, создавая неразбериху и споры. Техническая и оперативная служба Французской Республики VIGINUM,

---

⁴⁹³ Doppelgänger operation // Disinfo.eu. URL: <https://www.disinfo.eu/doppelganger-operation/> (accessed 17.02.2024).

⁴⁹⁴ Leloup D., Reynaud F. 'Doppelgänger': The making of a Russian disinformation operation // Le Monde. 2023, June 14. URL: https://www.lemonde.fr/en/pixels/article/2023/06/14/doppelganger-the-making-of-a-russian-disinformation-operation_6031599_13.html#:~:text=The%20Russian%20disinformation%20operation%20%22Doppelgänger%22,the%20%22savagery%22%20of%20the%20Ukrainians (accessed 17.02.2024).

⁴⁹⁵ «Война уже проиграна»: после заседания «Рамштайна» у ВСУ осталась только пехота // Русский надзор. 2024. URL: https://rusdozor.ru/2024/02/16/vojna-uzhe-proigrana-posle-zasedaniya-ramshtajna-u-vsu-ostalas-tolko-pexota_1412470/ (дата обращения 17.02.2024).

⁴⁹⁶ На десятках домов Парижа появились звезды Давида. Франция нашла в этом «российский след», Москва крайне возмущена // Lenta.ru. 2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/11/11/na-desyatkah-domov-parizha-poyavilis-zvezdy-davida-frantsiya-nashla-v-etom-rossiyskiy-sled-moskva-krayne-vozmuschena/> (дата обращения 17.02.2024).

несущая ответственность за защиту от иностранного цифрового вмешательства, обнаружила участие X сети, которая состояла из более тысячи ботов, связанных с RRN⁴⁹⁷. Франция предъявила обвинения РФ в попытке разжигания онлайн-полемики вокруг граффити «Звезды Давида» с использованием цифровых технологий⁴⁹⁸.

Также Европарламент утверждает, что российская дезинформация «распространяется бесконтрольно» на таких платформах, как Reddit и Telegram, на сервисе Spotify в размещенных подкастах, где число слушателей достигает до 11 миллионов человек. Руководство данного сервиса по причине отсутствия политики дезинформации отказалась предпринимать какие-либо действия против учетных записей, транслирующих подкасты. ЕС ведёт многочисленные расследования в отношении TikTok (прекратившего работу в России) относительно целевой рекламы, которая направлена в том числе на несовершеннолетних⁴⁹⁹.

В 2023 году группой EuvsDisInfo был даже составлен «библиотечный гайд» материалов по «российской дезинформации» для «информирования населения» о методах и ресурсах «дезинформации» и «информационных войн» со стороны Кремля, включая обучающее видео⁵⁰⁰. Согласно коммюнике ЕСВС, ЕС направил 30 млн евро на проекты по борьбе с «российской пропагандой» в Украине, включая применение и развитие европейской «устойчивости» (важный термин в Глобальной стратегии), то есть перенятия европейских ценностей в политике⁵⁰¹. Ж. Боррель также отметил, что, согласно исследованию специализированной рабочей группы ЕСВС, помимо украинского общества, «жертвами пропаганды» России чаще всего становились президент Украины

---

⁴⁹⁷ Doppelganger operation // Disinfo.eu. URL: <https://www.disinfo.eu/doppelganger-operation/> (accessed 17.02.2024).

⁴⁹⁸ France blames Russia for a digital effort to whip up online controversy over Stars of David graffiti // Independent. 2023, November 10. URL: <https://www.independent.co.uk/news/france-ap-hamas-french-paris-b2445178.html> (accessed 17.02.2024).

⁴⁹⁹ REPORT on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation // European Parliament. 2023, May 15. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0187_EN.html (accessed 14.02.2024).

⁵⁰⁰ Pro-Kremlin disinformation: Home // European Council. URL: <https://consilium-europa.libguides.com/Kremlin-Disinformation/> (accessed 20.02.2024).

⁵⁰¹ EU support to information resilience in Ukraine // European External Action Service. 2023, October 1. URL: https://www.ceas.europa.eu/ceas/eu-support-information-resilience-ukraine_en (accessed 20.02.2024).

Владимир Зеленский и президент Франции Эммануэль Макрон⁵⁰². Верховный Представитель ЕС призвал к «быстрым действиям» против «манипуляций» России, при этом ряд фактов в исследовании имеют приписку «предположительно» (allegedly)⁵⁰³. Существенную роль здесь играет и использование метафорической и эмоционально нагруженной лексики. В документах рабочей группы гибридные действия описываются как «атаки» на демократию, «угрозы» устойчивости и «подрыв» безопасности, что усиливает восприятие происходящего в категориях конфликта и противостояния (см. Приложение 7). Такая риторика способствует секьюритизации проблемы, переводя ее из области политической дискуссии в сферу безопасности.

В ходе формирования стратегии противодействия России Европейская комиссия также разработала Коммюнике по борьбе с онлайн-дезинформацией и Кодекс практик по борьбе с дезинформацией, основываясь на опыте создания ЕС СтратКомма и развития проектов по борьбе с дезинформацией в Южном соседстве и Балканском регионе. Программа «медиа-грамотности» была введена для ЕС и соседних стран, предоставляя доступ к специальным сайтам и материалам для общественности, что стало ключевой стратегией в противостоянии «гибридным угрозам» и «негативному» влиянию со стороны России⁵⁰⁴. В рамках этой программы был разработан «пакет по выборам», который обучает людей определять дезинформацию, особенно в контексте выборов. Это включает разбор дезинформирующих новостей о выборах и учебные материалы, чтобы укрепить навыки критического мышления. ISS подчеркивает важность не только определения «ложных» новостей, но и понимания, какие акторы стоят за ними и какие цели они преследуют⁵⁰⁵.

---

⁵⁰² Second EEAS Report on Foreign Information Manipulation and Interference Threats // EU Neighbours East..2024, January 24. URL: <https://euneighbourseast.eu/news/publications/second-eeas-report-on-foreign-information-manipulation-and-interference-threats/> (accessed 20.02.2024).

⁵⁰³ EU report on disinformation: Zelensky and Ukraine most targeted by information manipulation // EU Neighbours East. 2024, January 24. URL: <https://euneighbourseast.eu/news/latest-news/eu-report-on-disinformation-zelensky-and-ukraine-most-targeted-by-information-manipulation/> (accessed 20.02.2024).

⁵⁰⁴ Communication – Tackling online disinformation: a European Approach // European Commission. 2018, April 28. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-tackling-online-disinformation-european-approach> (accessed 20.02.2024).

⁵⁰⁵ Fiott D., Parkes R. Op. cit.

Показательны в этом плане и информационные кампании с участием государственных органов и средств массовой информации против российского и китайского присутствия на европейском рынке⁵⁰⁶. Например, согласно официальному заявлению Министерства обороны Швеции, «дезинформация и гибридные виды деятельности, спонсируемые государственными субъектами, такими как Китай и Россия — часть новой нормальности»⁵⁰⁷.

В контексте цифровизации политики нельзя не упомянуть развитие цифровой дипломатии России и ее восприятие ЕС. Цифровая дипломатия, впервые представленная как термин администрацией Барака Обамы в США, относится к прямому общению между правительством и интернет-сообществом, определяемом как «пользователи сети», для достижения различных политических целей⁵⁰⁸. Первоначально цифровую дипломатию хвалили за предоставление огромных возможностей влияния на зарубежную аудиторию во время международных конфликтов, включающих информационную, психологическую и сетевую войну⁵⁰⁹. Однако вскоре проявилась темная сторона цифровой дипломатии, поскольку правительства стали рассматривать Интернет как идеальный инструмент для манипулирования цифровым трафиком с целью проникновения и рассеивания диссидентских и оппозиционных групп.

Так, ЕС заявил об угрозе политическим институтам со стороны России путем точечных кибератак. Чехия обвинила Россию в кибератаке через сервис Microsoft Outlook, отметив в официальном пресс-релизе, что «кибератаки на политические субъекты, государственные организации и объекты инфраструктуры являются угрозой для национальной безопасности и

---

⁵⁰⁶ Seaman J. Towards a more China-centred global economy? Implications for Chinese power in the age of hybrid threats // Hybrid CoE Paper 9, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, Helsinki, Finland. 2021. URL: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2021/11/20211117_Hybrid_CoE_Paper-9_Towards_a_more_China_centred_global_economy_WEB.pdf (accessed 20.02.2024).

⁵⁰⁷ France and Sweden to further develop defence cooperation // Regeringskansliet, 2021. URL: <https://www.government.se/opinion-pieces/2021/09/france-and-sweden-to-further-develop-defence-cooperation/> (accessed 02.03.2024).

⁵⁰⁸ Tsvetkova N. et. Al. Sprawling in Cyberspace: Barack Obama's Legacy in Public Diplomacy and Strategic Communication // Journal of Political Marketing. 2020. Vol. 2. – P. 5.

⁵⁰⁹ Jansen F. Digital Activism in the Middle East: Mapping Issue Networks in Egypt // Knowledge Management for Development Journal. 2010. Vol. 6(1). – P. 39.

демократических процессов в стране»⁵¹⁰. Власти отметили, что «почерк» этой атаки якобы похож на российскую группировку АРТ28 (Fancy Bear), но при этом не привели никаких доказательств. Министр иностранных дел ФРГ Анналена Бербок в свою очередь сделала заявление, что за атакой на Социал-демократическую партию Германии (СДПГ) в 2023 году также стоит вышеупомянутая группировка⁵¹¹, и вынесла данный вопрос на заседание ЕС. В пресс-релизе по результатам заседания указано, что «вредоносная кампания кибератак», якобы проводимая Россией, противоречит решениям ООН в контексте запрета на вмешательство в работу критически важной инфраструктуры государств⁵¹².

По мнению Европарламента ИИ (искусственный интеллект) также стоит рассматривать в качестве важного инструмента, который используется для распространения дезинформации и пропаганды. В частности, ChatGPT использует большие языковых моделей (LLM), в число которых попадает и дезинформация⁵¹³. В исследовании цифровых стратегий от 2023 г. ЕС упоминает необходимость «отслеживания и прекращения деятельности» всех аккаунтов в социальных сетях и нейросетях, связанных с Россией⁵¹⁴. Так, вице-президент Европейской Комиссии Вера Журова выступила с предложением выявления и маркировки ИИ-контента в ходе борьбы с дезинформацией со стороны России, так как «у машин нет права на свободу слова» когда они используются в условиях «войны»⁵¹⁵.

---

⁵¹⁰ České instituce byly cílem kyberútoků skupiny spojované s ruskou GRU // Česká Noviny. 2024, May 3. URL: <https://www.ceskenoviny.cz/zpravy/ceske-instituce-byly-cilem-kyberutoku-skupiny-spojovane-s-ruskou-gru/2513943> (accessed 10.05.2024)

⁵¹¹ Krone M.S. Baerbock bestellt Putin-Diplomat ein // Bild. 2024, May 3. URL: <https://www.bild.de/politik/nach-cyber-angriff-auf-spd-russen-vertreter-ins-auswaertige-amt-einbestellt-6634b48c5175582a192b1a76> (accessed 10.05.2024).

⁵¹² Cyber: Statement by the High Representative on behalf of the EU on continued malicious behaviour in cyberspace by the Russian Federation // European Council. 2024, May 3. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/05/03/cyber-statement-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-eu-on-continued-malicious-behaviour-in-cyberspace-by-the-russian-federation/> (accessed 10.05.2024).

⁵¹³ REPORT on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation // European Parliament. 2023, May 15. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0187_EN.html (accessed 14.02.2024).

⁵¹⁴ Digital Services Act study: Risk management framework for online disinformation campaigns // European Commission. 2023, August 30. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/digital-services-act-study-risk-management-framework-online-disinformation-campaigns> (accessed 14.02.2024).

⁵¹⁵ Birchard R. AI content: EU asks Big Tech to tackle disinformation // Deutsche Welle. 2023, May 6. URL: <https://www.dw.com/en/ai-content-eu-asks-big-tech-to-tackle-disinformation/a-65830533> (accessed 10.05.2024).

Сегодня новые политические технологии развиваются быстрее на фоне новых волн продолжающейся информационной революции. В то время как политический маркетинг построил свою сетевую модель Web 3.0 на информации, ориентированной на потребителя, стратегическая коммуникация, основанная на многостороннем опыте и направленная на синхронизацию деятельности различных участников, начала включать в себя общую деятельность различных заинтересованных сторон. Помимо этого, искусственный интеллект применяется для изучения пользователей социальных сетей, обычно с целью формирования новых сообщений об определенных политических событиях, что может быть субъективно для актора, выпускающего определенное новостное сообщение. К примеру, официальный представитель МИД РФ Мария Захарова отметила, что ЕС создают новости в своих аккаунтах по согласованию с США и «используют информационно-коммуникационные технологии для агитации, провокации, пропаганды и распространения фейков»⁵¹⁶.

Цифровая публичная дипломатия должна постоянно создавать краткосрочный эффект через средства массовой информации, убеждать аудиторию и, следовательно, завоевывать доверие. Развивая этот подход, эксперты по стратегическим коммуникациям представили две новые модели публичной дипломатии: реактивную и проактивную. В то время как реактивная публичная дипломатия предполагает быструю реакцию СМИ на негативную информацию с целью минимизировать ее пагубное воздействие на целевую аудиторию, проактивная публичная дипломатия направляет общественное мнение в желаемом направлении и в сторону благоприятного отношения⁵¹⁷. С точки зрения ЕС, цифровая коммуникация России воспринимается как конфликтная и имеет «обвинительный» характер в сторону ЕС (хотя обвинения

---

⁵¹⁶ Захарова обвинила США и ЕС в использовании IT-технологий для провокации и пропаганды // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/politika/17645681> (дата обращения 10.05.2024).

⁵¹⁷ Gilboa E. Diplomacy in the Media Age: Three Models of Uses and Effects // *Diplomacy & Statecraft*. 2001. Vol.12(2). – P. 4; Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. Vol. 616 (1). – P. 12.

происходят в обе стороны)⁵¹⁸. В отчете о коммуникациях между ЕС и Россией, составленном представителями Экспертной Сети ЕС-Россия (EUREN) упоминается про «селективный» характер взаимодействия с Россией, подчеркивая сотрудничество только ради «достижения мира, социального взаимодействия и диалога по острым вопросам»⁵¹⁹. Европейские политические коммуникации варьируются в восприятии официального взаимодействия – от акцента на помощь науке, университетам⁵²⁰, а также НКО и гражданским активистам, многие из которых на данный момент признаны иностранными агентами согласно закону от 14.07.2022 N 255-ФЗ, до непризнания В.В. Путина Президентом России и, соответственно, субъектом дипломатии⁵²¹.

В 2024 г. позиция ЕС по публичной коммуникации с Россией значительно ухудшилась из-за присоединения новых регионов РФ и смерти Алексея Навального, которую ЕС безоговорочно считает приказом Президента РФ В.В. Путина⁵²². В связи с этим ЕС запланировал блокировку все больше российских Интернет-ресурсов и телеканалов⁵²³, посольства стран ЕС осуждают Россию по позиции в украинском конфликте и внутренней политике в социальных сетях⁵²⁴, так что можно предположить, что информационная схватка будет только обостряться и вести отношения ЕС и России в худшую сторону.

---

⁵¹⁸ Nitoiu C., Pasatoiu F. Public diplomacy and the persistence of the conflict and cooperation dichotomy in EU-Russia relations // Journal of Contemporary European Studies. 2023. Vol. 31. No. 1. – P. 24.

⁵¹⁹ EUREN Interim Report – October 2018 // European External Action Service. URL: https://www.ceas.europa.eu/sites/default/files/eu-russia_network_interim_report_eng.pdf (accessed 10.05.2024).

⁵²⁰ EU Ambassador Markus Ederer and Heads of EU Member States Diplomatic Missions visited 'Kurchatov Institute' Research Centre // European External Action Service. 2020, February 6. URL: https://www.ceas.europa.eu/delegations/russia/eu-ambassador-markus-ederer-and-heads-eu-member-states-diplomatic-missions-visited-kurchatov-0_en (accessed 10.05.2024).

⁵²¹ Russia's 2024 presidential election: What is at stake and what is not // European Parliament Think Tank. 2024, March 13. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2024\)760358](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2024)760358) (accessed 10.05.2024).

⁵²² EU-Russia relations under strain: what are the causes? // European Parliament. 2021, February 2. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20210128STO96606/eu-russia-relations-under-strain-what-are-the-causes> (accessed 10.05.2024).

⁵²³ Wintour P., Rankin J., Connolly K. EU to ban Russian state-backed channels RT and Sputnik // The Guardian. 2022, February 27. URL: <https://www.theguardian.com/media/2022/feb/27/eu-ban-russian-state-backed-channels-rt-sputnik> (accessed 10.05.2024).

⁵²⁴ Дипломатия Франции – МИД Франции. 2024. URL: https://twitter.com/francediplo_RU/status/1762520272563843252; Социальная сеть «Твиттер» (сейчас «X») заблокирована на территории РФ за удаление информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Источник: <https://www.interfax.ru/russia/826411>.

В течение всего периода 2022–2024 г. европейские институты описывают российские «гибридные атаки» как «скоординированные кампании, нацеленные на посеять раздор, ослабить единство и дестабилизировать демократический строй»⁵²⁵. В резолюции Европарламента напрямую утверждалось, что Россия использует «множество различных методов вмешательства», встроенных в более широкую стратегию, чтобы «навредить, запутать, запугать, ослабить и расколоть государства-члены ЕС и страны по соседству»⁵²⁶. Здесь мы видим ярчайший пример паттерна эскалации, усиливающего эмоциональное восприятие угрозы. Последовательность глаголов не просто описывает действия, а создает образ тотальной враждебности и многоуровневой агрессии. Упоминание стратегии подчеркивает, что действия России не хаотичны, а являются частью скоординированной угрозы, якобы целенаправленно создаваемой против ЕС и «своих» для него акторов – не зря упомянуты страны по соседству.

В резолюции Европарламента 2024 г. о так называемом «Russiagate», предполагаемом «сливе» информации о вмешательстве России в европейскую политику, указано, что «Россия использует широкий спектр тактик гибридной войны для достижения своих целей в рамках более масштабной стратегии по подрыву надлежащего функционирования европейских демократических процессов»⁵²⁷. В этом документе Россия также обвиняется в стремлении «ослабить демократические институты, посеять экстремизм, поддерживать антидемократические движения», что напрямую является нормативной коммуникационной установкой: демократия в лице – правильный порядок, а любые действия против нее – девиантные и опасные. Подобные формулировки представляют Россию как силу, выступающую против фундаментальных ценностей ЕС. Поддержка радикальных движений трактуется как форма

---

⁵²⁵ European Parliament resolution of 1 June 2023 on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation // European Parliament. 2023, June 1. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0219_EN.html (accessed 12.05.2024).

⁵²⁶ Ibid.

⁵²⁷ European Parliament resolution of 8 February 2024 on Russiagate: allegations of Russian interference in the democratic processes of the European Union // European Parliament. 2024, February 8. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0079_EN.html (accessed 04.07.2024).

гибридной войны, направленной на раздор внутри ЕС и между его «своими» партнерами.

Таким образом, ЕС воспринимает Россию как источник «гибридных угроз» как для себя, так и для жителей стран в зоне своего интереса. С точки зрения европейских политиков, Россия использует «острую» силу – комбинацию жесткой и мягкой силы, в т.ч. военизированную мягкую силу, в то время как та же комбинация в отношении ЕС и России называется «разумной» и не порицается. ЕС регулярно обвиняет Россию в создании фейковых новостей и кибератаках, не подкрепляя достаточным образом свои комментарии насчет российской политической коммуникации. Так, дискурс ЕС о «гибридных угрозах» выполняет не только описательную, но и нормативную функцию. Через использование рекуррентных категорий и оценочно нагруженной лексики формируется рамка интерпретации, в которой Россия закрепляется как ключевой источник угроз, что, в свою очередь, легитимирует расширение инструментов внешнеполитического и санкционного давления. ЕС использует категории «угрозы», «агрессии» и «негативного влияния» в ключе угрозы как странам, так и гражданскому обществу, проводя уроки по «медиаграмотности», состоящие из западноцентричной пропаганды. Ввиду активного развития социальных сетей, Интернет-сайтов и технологий искусственного интеллекта, можно ожидать усугубление коммуникационной конфронтации между ЕС и Россией, особенно в контексте освещения и восприятия СВО, распространение все большего количества фейков и отсутствие конструктивного диалога между ЕС и РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую в начале работы гипотезу о том, что в период с 2014 по 2024 год Европейский союз в официальных документах и риторике создавал образ России как системной угрозы, применяя дискурсивные практики, направленные на легитимацию политики сдерживания и укрепление собственной нормативной идентичности. Тем самым было продемонстрировано, что чрезмерная унификация дискурса ЕС одновременно способствует его целостности и ограничивает вариативность национальных трактовок международных политических процессов среди стран-членов Союза.

Таким образом, формирование определенных речевых категорий дискурсов и нарративов соответствовало стратегической цели сдерживания российской политики, укрепления собственной нормативной идентичности, консолидации государств-членов и утверждения роли ЕС как лидера в обеспечении безопасности на евразийском пространстве. Выводы исследования основаны на изучении эволюции официальных стратегий и коммуникации ЕС от партнерства к конфронтации, закреплённой в ключевых документах, а также на анализе национальных кейсов, демонстрирующих механизм интеграции различных позиций в единую риторику Союза. ЕС также активно распространяет свои нарративы в соседних странах для экспорта своих ценностей, усиливает свое нормативное влияние и антироссийские настроения через множество видов коммуникации, от социальных сетей до локальных проектов.

После событий 2014 и 2022 годов Россия стала восприниматься как угроза безопасности для ЕС, что отражается в документах и внешних коммуникациях политических лидеров и официальных лиц Европы. В политических коммюнике, анонсах, отчетах, выступлениях присутствует нарратив «Россия – угроза», разделение «свой-чужой» и нежелание признавать право ценностей и целей России на существование, так как они воспринимаются как «агрессия» и вызов стратегическим целям коллективного Запада. Особенно стоит подчеркнуть

анализ эволюции образа России в политической коммуникации Европейского союза после 2022 года и выстраивание новой «сплоченной» идентичности ЕС на фоне действий «чужой» России, что вносит значимый вклад в развитие современных политологических исследований, расширяя понимание механизмов формирования враждебного нарратива и легитимации внешнеполитических стратегий в условиях острого международного конфликта.

По результатам проведенного исследования, в соответствии с поставленной целью и установленными семью задачами, можно сделать следующие выводы:

1. Конструктивистский анализ внешней политики ЕС позволил выявить, что Союз формирует свою стратегию на основе социального конструирования норм, ценностей и идентичностей, опираясь на институциональные механизмы и дискурсивные практики. Образ России в официальных документах ЕС последовательно трансформировался от ограниченно-партнерского к образу системной угрозы, что стало основой для легитимации политики сдерживания и укрепления идентичности ЕС как «нормативной силы».
2. Политическая текстология, политическая коммуникативистика, контент- и дискурс-анализ как методологическая основа исследования позволили системно проанализировать текстовые структуры и риторические обороты в стратегиях, резолюциях и коммюнике ЕС. Официальные тексты функционируют не просто как формы изложения решений, а как инструменты власти, закрепляющие нормативные установки, восприятия и идентичности. Это особенно актуально в контексте формирования образа России как «чужого» и «угрозы» на фоне стремления к внутрисоюзной консолидации.
3. ЕС имеет обширную нормативную базу, от основополагающего Маастрихтского договора до последних документов, касающихся реформирования структур безопасности Союза. Институциональный контекст ЕС определяет логику воспроизводства внешнеполитических

решений. ЕС выработал формализованный язык, отражающий консенсусную иерархию ценностей, где нормативность функционирует как механизм дифференциации «своих» и «чужих».

4. Документы, связанные с Россией, становились со временем все более эмоционально окрашенными, направленными на влияние на гражданское население и мировое сообщество с целью представить Россию как «чужого» актора. Особенно это проявляется на примере Глобальной стратегии 2016 г. и отчетов по ее реализации, а также резолюций по ситуации в Украине с 2022 г. Наиболее часто представлены фреймы «гибридные угрозы», «дезинформация», «агрессия» и «угроза безопасности» со стороны России, что институционализировано в официальной коммуникации как обоснование для санкционной и внешней политики ЕС в целом.
5. Несмотря на то, что отдельные страны ЕС продолжают сотрудничество с Россией, их действия ограничены принципами Общей внешней политики и политики безопасности. Кейс Германии и Италии демонстрирует, как государства с традиционно прагматичными отношениями с Россией были вовлечены в общеевропейскую дискурсивную рамку. Несмотря на наличие отдельных голосов за сотрудничество, институциональные рамки ЕС и текстологический контроль обеспечивают унификацию риторики, где «отклонения» маргинализируются.
6. ЕС и Россия остро соперничают на постсоветском пространстве, которое является ключевой географической и политической зоной влияния для обеих сторон, что четко отображено в политических текстах. На примере Казахстана было выявлено особое ценностное влияние ЕС для политики в регионе. ЕС не просто взаимодействует с Казахстаном в рамках экономической прагматики, но и формирует через него нормативный порядок в регионе, продвигая ценности устойчивости, прозрачности и демократии. Казахстан, в свою очередь, институционально признает эти

ценности, не принимая их полностью, но используя их как часть собственной стратегии международного позиционирования.

7. Коммуникационные и цифровые стратегии ЕС, включая создание подразделений стратегических коммуникаций, работу с контрнарративами и проектами по борьбе с «российской пропагандой» и «фейк-ньюс», иллюстрируют, как Союз использует информационно-дискурсивные ресурсы в качестве средств влияния. Это подтверждает усиление роли политической коммуникации как полноценного инструмента власти в условиях цифровой дипломатии и фрагментированной международной среды.

Таким образом, с 2014 по 2024 год внешнеполитическая стратегия Европейского союза претерпела значительную трансформацию – от прагматичной политики сотрудничества к стратегии сдерживания и конфронтации в отношении России. Ключевым инструментом этой трансформации стала политическая коммуникация, в рамках которой ЕС последовательно выстраивал негативный образ России как системной угрозы. Через институционализованные дискурсы, стратегически сформированные конструкции и текстологический контроль ЕС легитимировал ужесточение внешнеполитического курса, обеспечил консолидацию государств-членов и укрепил собственную нормативную идентичность. Официальные документы, резолюции и выступления политических акторов ЕС выполняли не только информационную, но и конструктивную функцию — формируя рамки допустимого, маркируя «угрозу» и задавая вектор дальнейших внешнеполитических решений не только для Союза, но и для государств под его влиянием.

Применение методов политической текстологии, политической коммуникативистики, контент- и дискурс-анализа позволило выявить ряд специфических черт внешнеполитического мышления ЕС, недоступных для анализа только через институциональную или событийную оптику. Так, ЕС

конструирует образ России не только как внешней угрозы, но и как ценностного антипода, что выражается в отказе от термина «партнер», закреплении категорий «агрессии», «гибридности» и «угрозы». Тексты ЕС воспроизводят морализаторскую логику, в которой нормативные установки (демократия, верховенство права) представляются универсальными, а отклонение от них — делегитимизируется. Через повторяющиеся конструкции и риторические паттерны формируется символическое поле «европейскости», в которое Россия сознательно не включается, а наоборот — отчуждается.

Анализ текстов, контент- и дискурс-анализ в рамках конструктивистского подхода позволили рассмотреть внешнеполитическую стратегию ЕС не только как набор решений, но как процесс производства смыслов, норм и образов, через которые ЕС институционализирует собственную идентичность и границы допустимого международного поведения. Это, в свою очередь, дает более глубокое понимание динамики европейской внешней политики: изменение отношений с Россией — это не просто реакция на кризис, а элемент внутреннего смыслообразования ЕС, связанный с поиском собственной роли и ценностной устойчивости в условиях геополитической турбулентности.

На фоне продолжающейся фрагментации политической воли внутри ЕС и роста противоречий во внешней политике Союза одним из факторов нестабильности может стать пересмотр внешнеполитического курса США президентом Дональдом Трампом. Его позиция по НАТО, акцент на изоляционизм, консервативные ценности и снижение американской вовлеченности в европейскую безопасность могут поставить под вопрос стратегическую устойчивость ЕС и вынудить Союз либо к более автономной внешней политике, либо к вынужденной переоценке собственных приоритетов, включая отношение к России. Также трансформации в самом НАТО, включая возможные сдвиги в структуре финансирования и механизмах коллективной обороны, могут привести к реформатированию евроатлантического консенсуса, что неизбежно скажется на внешнеполитической риторике ЕС и стратегиях фрейминга «внешних акторов». В этом контексте образ России может

быть переосмыслен либо как стабильный «чужой», необходимый для внутренней консолидации ЕС, либо — при определенных внешних условиях и прогрессе в переговорах по Украине — как объект тактического выборочного диалога.

Коммуникативно-текстологический подход к внешнеполитическим стратегиям, по мнению автора, продолжит оставаться перспективным для дальнейшего научного анализа, включая сравнительное изучение риторических практик различных акторов (например, Китая, Турции, государств Восточной Европы), исследование влияния внутривнутриполитических изменений в странах ЕС на институциональные нарративы, а также более глубокую разработку методов политической текстологии и их интеграции в изучение стратегической коммуникации. Кроме того, в рамках будущих исследований особого внимания заслуживает анализ цифровой коммуникации и роли новых медиа в трансляции и модификации образа «чужого».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты и иные официальные документы и заявления

1. Annual Action Programme 2015 // European Commission. 2015, September 15. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/annual-action-programme-2015_en (дата обращения 14.04.2024).
2. Atto di Indirizzo per L'avvio del Ciclo Integrato di Programmazione della Performance e di Formazione del Bilancio di Previsione per L'E.F. 2024 E La Programmazione Pluriennale 2025-2026 // Ministero Della Difesa. 2023. URL: <https://www.difesa.it/assets/allegati/2569/73681463-0598-4fc5-9307-5c0c78a9e9c3.pdf> (accessed 04.03.2026).
3. Case of Bayev and Others v. Russia // European Court of Human Rights. .2017, June 20. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-174422> (accessed 08.04.2023).
4. Communication – Tackling online disinformation: a European Approach // European Commission. 2018, April 28. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-tackling-online-disinformation-european-approach> (accessed 20.02.2024).
5. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union (C 326/49) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN> (accessed 13.03.2022).
6. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 25 febbraio 2022, n. 14, recante disposizioni 173eopolí sulla crisi in Ucraina. (22G00037) (GU Serie Generale n.87 del 13-04-2022) // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2022/04/13/22G00037/sg> (accessed 24.03.2024).
7. Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia // Council of the European Union. 2019, June 17, URL:

<https://www.consilium.europa.eu/media/39778/st10221-en19.pdf>

(дата

обращения 18.05.2024).

8. Council Decision (EU) 2022/2332 of 28 November 2022 on identifying the violation of Union restrictive measures as an area of crime that meets the criteria specified in Article 83(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union // EURLex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.308.01.0018.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A308%3ATOC (accessed 01.12.2022).
9. Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // Official Journal of European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2014:078:0016:0021:EN:PDF> (accessed 06.04.2022).
10. Council Implementing Regulation (EU) No 810/2014 of 25 July 2014 implementing Regulation (EU) No 269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // EURLex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32014R0810&qid=1684085711393> (accessed 07.04.2023).
11. Countering hybrid threats: EU and the Western Balkans case // European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603851/EXPO_STU\(2018\)603851_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/603851/EXPO_STU(2018)603851_EN.pdf) (accessed 15.04.2023).
12. Country responsible for asylum application (Dublin Regulation) // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/policies/migration-and-asylum/common-european-asylum-system/country-responsible-asylum-application-dublin-regulation_en (accessed 17.02.2022).

13. Cyber: Statement by the High Representative on behalf of the EU on continued malicious behaviour in cyberspace by the Russian Federation // European Council. 2024, May 3. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/05/03/cyber-statement-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-eu-on-continued-malicious-behaviour-in-cyberspace-by-the-russian-federation/> (accessed 10.05.2024).
14. Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the 10 years anniversary of the conflict between Russia and Georgia // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2018/08/07/declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-eu-on-the-10-years-anniversary-of-the-conflict-between-russia-and-georgia/> (accessed 08.04.2023).
15. Dichiarazione dei Ministri degli Esteri di Francia, Germania, Italia, Polonia, Spagna e Regno Unito sui 1000 giorni dall'invasione russa dell'Ucraina // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 2024, November 19. URL: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/comunicati/2024/11/dichiarazione-dei-ministri-degli-esteri-di-francia-germania-italia-polonia-spagna-e-regno-unito-sui-1000-giorni-dallinvasione-russa-dellucraina/ (accessed 04.03.2026).
16. Die Bundesregierung und die gescheiterten Friedensverhandlungen zwischen Russland und der Ukraine im Frühjahr 2022 // Deutsche Bundestag. 2023, March 21. URL: https://dip.bundestag.de/vorgang/die-bundesregierung-und-die-gescheiterten-friedensverhandlungen-zwischen-russland-und-der/297790?fld.0.0=deskriptor&fld.0.0.term=Ukraine&op.0=AND&fld.1.0=deskriptor&fld.1.0.term=Krieg&fld.1.1=deskriptor&fld.1.1.term=Angriffskrieg&op.1=OR&f.wahlperiode=20&f.typ=Vorgang&rows=25&sort=datum_ab&pos=25 (accessed 05.02.2024).
17. Digital Services Act study: Risk management framework for online disinformation campaigns // European Commission. 2023, August 30. URL:

- <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/digital-services-act-study-risk-management-framework-online-disinformation-campaigns> (accessed 14.02.2024).
18. Don't be deceived: EU acts against fake news and disinformation // European External Action Service. 2017, September 19. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/32408_en (accessed 17.03.2022).
19. Eastern Partnership: November 2017 Summit. European Parliament recommendation of 15 November 2017 to the Council, the Commission and the EEAS on the Eastern Partnership, in the run-up to the November 2017 Summit (2017/2130(INI)) // EURLex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0440&qid=1704559263208> (accessed 20.04.2024).
20. EMPACT leaflet // EuroJust. 2021. URL: <https://www.euro-just.europa.eu/empact-leaflet> (accessed 15.04.2023).
21. Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between Kazakhstan and the EU // European Parliament. 2015. URL: <https://www.europarl.europa.eu/delegations/en/enhanced-partnership-and-cooperation-agr/product-details/20170614DPU07842> (дата обращения 18.05.2024).
22. Erasmus+EU programme for education, training, youth and sport // European Commission. URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/> (accessed 20.02.2024).
23. EU Ambassador Markus Ederer and Heads of EU Member States Diplomatic Missions visited 'Kurchatov Institute' Research Centre // European External Action Service. 2020, February 6. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/eu-ambassador-markus-ederer-and-heads-eu-member-states-diplomatic-missions-visited-kurchatov-0_en (accessed 10.05.2024).
24. EU Global Strategy report – Year 2: a Year of Action to Address “Predictable Unpredictability” // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/47277_en (accessed 20.03.2022).

25. EU report on disinformation: Zelenskyy and Ukraine most targeted by information manipulation // EU Neighbours East. 2024, January 24. URL: <https://euneighbourseast.eu/news/latest-news/eu-report-on-disinformation-zelenskyy-and-ukraine-most-targeted-by-information-manipulation/> (accessed 20.02.2024).
26. EU response to Russia's invasion of Ukraine // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-response-ukraine-invasion/> (accessed 07.04.2023).
27. EU restrictive measures in view of the situation in Eastern Ukraine and the illegal annexation of Crimea // Council of the European Union. 2014, July 29. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/foraff/144159.pdf (accessed 07.04.2023).
28. EU sanctions against Russia following the invasion of Ukraine // European Commission. URL: https://eu-solidarity-ukraine.ec.europa.eu/eu-sanctions-against-russia-following-invasion-ukraine_en (accessed 08.06.2023).
29. EU support to information resilience in Ukraine // European External Action Service. 2023, October 1. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-support-information-resilience-ukraine_en (accessed 20.02.2024).
30. EU will continue to support Russian civil society // Delegation of the European Union to the Russian Federation. 2023, November 2. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/eu-will-continue-support-russian-civil-society_en?s=177 (accessed 10.12.2023).
31. EU-Kazakhstan Enhanced Partnership and Cooperation Agreement (Resolution). European Parliament non-legislative resolution of 12 December 2017 on the draft Council decision on the conclusion, on behalf of the Union, of the Enhanced Partnership and Cooperation Agreement between the European Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Kazakhstan, of the other part (12409/2016 — C8-0469/2016 — 2016/0166(NLE) — 017/2035(INI)) // EURLex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal->

- content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0485&qid=1704559263208
(accessed 20.04.2024).
32. EU-Russia relations under strain: what are the causes? // European Parliament. 2021, February 2. URL: <https://www.europarl.europa.eu/topics/en/article/20210128STO96606/eu-russia-relations-under-strain-what-are-the-causes> (accessed 10.05.2024).
33. EU-Russia relations: towards a new agreement? // European Parliamentary Research Service. 2012, December 10. URL: <https://epthinktank.eu/2012/12/10/eu-russia-relations-towards-a-new-agreement/> (accessed 06.04.2022).
34. EUREN Interim Report – October 2018 // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu-russia_network_interim_report_eng.pdf (accessed 10.05.2024).
35. Europe's strategy towards Russia: how Parliament sees the way forward // European Parliament. 2016, October 10. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/world/20161014STO47354/europe-s-strategy-towards-russia-how-parliament-sees-the-way-forward> (accessed: 07.04.2023).
36. European Council conclusions on the Russian military aggression against Ukraine, 24 March 2022 // European Council. 2022, March 24. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/25/european-council-conclusions-on-the-russian-military-aggression-against-ukraine-24-march-2022/> (accessed 01.07.2024).
37. European Council focuses on Ukraine crisis and further sanctions // European Council. 2014, March 21. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/european-council/2014/03/20-21/> (accessed 07.04.2023).
38. European Council meeting (27 June 2024) – Conclusions // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/qa31blga/euco-conclusions-27062024-en.pdf> (accessed 01.07.2024).

39. European Neighbourhood Policy // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-neighbourhood-policy_en https://enlargement.ec.europa.eu/annual-action-programme-2015_en (дата обращения 14.04.2024).
40. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations (DG NEAR): Belarus // European Neighbourhood. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/european-neighbourhood-policy/countries-region/belarus_en (accessed 20.04.2024).
41. European Parliament declares Russia to be a state sponsor of terrorism // European Parliament. 2022, November 23. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20221118IPR55707/european-parliament-declares-russia-to-be-a-state-sponsor-of-terrorism> (accessed 07.04.2023).
42. European Parliament delegation pays official visit to Kazakhstan // European Union External Action. 2018, September 19. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/50601_en/ (дата обращения 18.05.2024).
43. European Parliament legislative resolution of 17 April 2019 on the draft Council decision on the renewal of the Agreement on cooperation in science and technology between the European Community and the Government of the Russian Federation (07683/2019 – C8-0153/2019 // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0413_EN.html (accessed 08.04.2023).
44. European Parliament resolution of 1 June 2023 on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation // European Parliament. 2023, June 1. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0219_EN.html (accessed 12.05.2024).
45. European Parliament resolution of 8 February 2024 on Russiagate: allegations of Russian interference in the democratic processes of the European Union // European Parliament. 2024, February 8. URL:

- https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0079_EN.html
(accessed 04.07.2024).
46. European Parliament resolution of 12 March 2019 on the state of EU-Russia political relations // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0157_EN.html
(accessed 08.04.2023).
47. European Parliament resolution of 13 December 2012 containing the European Parliament's recommendations to the Council, the Commission and the European External Action Service on the negotiations of the new EU-Russia Agreement (2011/2050(INI)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2012-0505_EN.html
(дата обращения 06.04.2022).
48. European Parliament resolution of 23 November 2016 on EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2016-0441_EN.html (accessed 15.04.2024).
49. European Security Strategy // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:r00004> (accessed 01.03.2022).
50. Evaluation of the European Neighbourhood Instrument. Accompanying the document REPORT FROM THE COMMISSION TO THE EUROPEAN PARLIAMENT AND THE COUNCIL. Mid-term review report of the External Financing Instruments // EURLex. 15.12.2017. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017SC0602&qid=1704559263208>
(accessed 20.04.2024).
51. France and Sweden to further develop defence cooperation // Regeringskansliet, 2021. URL: <https://www.government.se/opinion-pieces/2021/09/france-and-sweden-to-further-develop-defence-cooperation/> (accessed 02.03.2024).
52. Für einen gerechten Frieden in der Ukraine // Die Linke. 2024. URL: <https://www.die-linke.de/themen/frieden/ukraine-krieg/> (accessed 25.06.2024).

53. G7 Summit 2017 in Taormina // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pc/page3e_000663.html (accessed 21.03.2024).
54. Germany and the Russian Federation: Bilateral relations // Federal Foreign Office of Germany. 2023, October 16. URL: <https://www.auswaertigesamt.de/en/aussenpolitik/laenderinformationen/russischefoederation-node/russianfederation/218616> (accessed 20.02.2024).
55. Implementation and review of the EU-Central Asia Strategy. European Parliament resolution of 13 April 2016 on implementation and review of the EU-Central Asia Strategy (2015/2220(INI)) // EURLex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016IP0121&qid=1704559263208> (accessed 15.04.2024).
56. Inhalt Übersicht der Vorstandsmitglieder. Satzung Programm // Christlich Demokratische Union Deutschlands. URL: <https://www.bundeswahlleiterin.de/dam/jcr/e6a33704-5398-47c3-9d08-f44df304f4f1/cdu.pdf> (accessed 25.01.2024).
57. Joint communication to the European Parliament, the European Council and the Council // European Commission. 2021, June 16. URL: <https://commission.europa.eu/system/files/2021-06/joint-communication-eu-russia-relations.pdf> (accessed 07.04.2023)
58. Joint Motion for a resolution on the need for unwavering EU support for Ukraine, after two years of Russia's war of aggression against Ukraine // European Parliament. 2024, February 28. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2024-0143_EN.html (accessed 01.07.2024).
59. Joint statement on Crimea by President of the European Council Herman Van Rompuy and President of the European Commission José Manuel Barroso // European Council. 2014, March 16. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/141566.pdf (accessed 07.04.2023).

60. Joint press statement on the occasion of the 25th anniversary of diplomatic relations between the European Union and the Republic of Kazakhstan // European Union External Action. 2018, February 2. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/39255_en/ (дата обращения 18.05.2024).
61. L'Italia condanna gli attacchi missilistici contro Kyiv e altre città ucraine // Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 2022, October 10. URL: https://www.esteri.it/it/sala_stamp/archivionotizie/comunicati/2022/10/litalia-condanna-gli-attacchi-missilistici-contro-kyiv-e-altre-citta-ucraine/ (accessed 04.03.2026).
62. Listing of German NGOs as 'undesirable organisations' by Russia and detention of Andrei Pivovarov, 10 June 2021 // European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/delegations/en/listing-of-german-ngos-as-undesirable-or/product-details/20220113DPU32014> (accessed 10.01.2024).
63. Meeting of the OECD Council at the Ministerial level // OECD. URL: <https://www.oecd.org/mcm/> (accessed 28.03.2024).
64. Memorandum of Understanding between the Republic of Kazakhstan and the European Union on a strategic partnership on sustainable raw materials, batteries and renewable hydrogen value chains // Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs. European Commission. 2022, November 2022. URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/system/files/2022-11/EU-KAZ-MoU-signed_en.pdf (дата обращения 18.05.2024).
65. Message from Ambassador Terhi Hakala, the EU Special Representative for Central Asia // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-special-representative-central-asia_en (accessed 15.04.2024).
66. Opinion of the European Economic and Social Committee on the Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Review of the European Neighbourhood Policy // EURLex. 2016, August 18. URL:

- <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52016AE0518&qid=1704559263208>
(accessed 15.04.2024).
67. Policy statement by Olaf Scholz, Chancellor of the Federal Republic of Germany and Member of the German Bundestag, 27 February 2022 in Berlin // Bundesregierung. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/news/policy-statement-by-olaf-scholz-chancellor-of-the-federal-republic-of-germany-and-member-of-the-german-bundestag-27-february-2022-in-berlin-2008378> (accessed 25.01.2024).
68. Presidency Conclusions. European Council Meeting in Laeken 14 and 15 December 2001 // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/20950/68827.pdf> (дата обращения 13.02.2022).
69. Pro-Kremlin disinformation: Home // European Council. URL: <https://consilium-europa.libguides.com/Kremlin-Disinformation/> (accessed 20.02.2024).
70. Proposal for a Council Decision on adding the violation of Union restrictive measures to the areas of crime laid down in Article 83(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union // EUR-Lex. Access to European Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=COM%3A2022%3A0247%3AFIN>
(accessed 08.06.2023).
71. Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person (recast) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R0604&from=en> (accessed 13.03.2022).

72. REPORT on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation [Electronic resources] // European Parliament. 2023, May 15. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0187_EN.html (accessed 14.02.2024).
73. REPORT on the state of EU-Russia relations // European Parliament. 2015, May 13. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2015-0162_EN.html (accessed 15.04.2024).
74. Resolution A/RES/ES-11/2 Humanitarian consequences of the aggression against Ukraine: resolution/adopted by the General Assembly // United Nations. 2022, March 24. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3965954?ln=en> (accessed 28.03.2024).
75. Riunione dei Ministri degli Esteri e della Difesa della Repubblica Italiana e della Federazione Russa // Ministero della Difesa. 2020, February 20. URL: <https://www.difesa.it/primopiano/riunione-dei-ministri-degli-esteri-e-della-difesa-della-repubblica-italiana-e-della-federazione-russa/59338.html> (дата обращения 24.03.2024).
76. Robust. Resilient. Sustainable. Integrated Security for Germany. National Security Strategy // The Federal Government of Germany. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (accessed 10.03.2026).
77. Russel M. The EU's Russia policy: Five guiding principles // European Parliament. Directorate-General for Parliamentary Research Services. 2016, October 16. URL: <https://epthinktank.eu/2016/10/19/the-eus-russia-policy-five-guiding-principles/#:~:text=In%20March%202016%2C%20EU%20foreign,people%20contacts> (accessed 24.04.2022).
78. Russia and the Energy Charter Treaty // Energy Charter. URL: <https://www.energycharter.org/what-we-do/knowledge-centre/occasional-papers/russia-and-the-energy-charter-treaty/> (accessed 08.04.2023).

79. Russia's 2024 presidential election: What is at stake and what is not // European Parliament Think Tank. 2024, March 13. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2024\)7603_58](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2024)7603_58) (accessed 10.05.2024).
80. Second EEAS Report on Foreign Information Manipulation and Interference Threats // EU Neighbours East. 2024, January 24. URL: <https://euneighbourseast.eu/news/publications/second-eeas-report-on-foreign-information-manipulation-and-interference-threats/> (accessed 20.02.2024).
81. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. URL: <https://www.satcen.europa.eu/keydocuments/Global%20Strategy%20for%20the%20European%20Union%27s%20Foreign%20and%20Security%20Policy57b6c0faf9d71c29cc0f2471.pdf> (accessed 17.03.2022).
82. Situation in Ukraine and state of play of EU-Russia relations. European Parliament resolution of 18 September 2014 on the situation in Ukraine and the state of play of EU-Russia relations (2014/2841(RSP)) // European Parliament. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014IP0025&qid=1684085711393> (accessed 02.04.2023).
83. State of EU-Russia relations European Parliament resolution of 10 June 2015 on the state of EU-Russia relations (2015/2001(INI)) // European Parliament. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52015IP0225&qid=1684085711393> (accessed 02.04.2023).
84. The European Union and Kazakhstan // Delegation of the European Union to the Republic of Kazakhstan. 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/european-union-and-kazakhstan_en/ (дата обращения 18.05.2024).

85. The EU Global Strategy – Year 1 // European External Action Service. URL: https://www.eeas.europa.eu/eu-global-strategy/eu-global-strategy-%E2%80%93-year-1_ro (accessed 20.03.2022).
86. The Maastricht and Amsterdam Treaties // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/ftu/pdf/en/FTU_1.1.3.pdf (дата обращения 10.02.2022).
87. The Nord Stream 2 pipeline. Economic, environmental and geopolitical issues // European Parliament Briefing. 2021. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/690705/EPRS_BRI%282021%29690705_EN.pdf?utm_source=chatgpt.com (accessed 25.01.2024).
88. The Russian Federation is excluded from the Council of Europe // Council of Europe. 2022, March 16. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/the-russian-federation-is-excluded-from-the-council-of-europe> (accessed 28.03.2024).
89. The Strategic Compass of the European Union. URL: <https://www.strategic-compass-european-union.com/> (accessed 15.04.2023).
90. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:11997D/TXT&from=EN> (дата обращения 12.02.2022).
91. Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community (2007/C306/01) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12007L/TXT&from=EN> (accessed 13.03.2022).
92. Treaty of Nice Amending the Treaty on European Union, the Treaties Establishing the European Communities and Certain Related Acts (2001/C 80/01) // Official Journal of the European Communities. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal->

- [content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12001C/TXT&from=EN](#) (accessed 20.02.2022).
93. Treaty on European Union // Official Journal of European Communities. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A11992M%2FTXT> (дата обращения 10.02.2022).
94. Ukraine: UN General Assembly demands Russia reverse course on ‘attempted illegal annexation’ // United Nations. 2022, October 12. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/10/1129492> (accessed 28.03.2024).
95. UN General Assembly votes to suspend Russia from the Human Rights Council // United Nations. 2022, April 7. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/04/1115782> (accessed 28.03.2024).
96. What’s important as 2024 gets underway // Federal Foreign Office of Germany. 30.12.2023. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/2638940-2638940> (accessed 10.03.2026).
97. Wider Europe — Neighbourhood: A New Framework for Relations with Our Eastern and Southern Neighbours. Brussels, 11.3.2003 COM (2003) 104 Final // Commission of the European Communities. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf (accessed 13.03.2022).
98. Военная доктрина Российской Федерации. 2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420246589> (дата обращения 15.04.2023).
99. Доклад. Российско-итальянские связи: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Е.В. Денисенко, О.В. Ломакиной // Совет Федерации. 2019. URL: <http://council.gov.ru/media/files/3мусYu4fL2wCBtJfLI45Q7kyiA9AdkiQ.pdf> (accessed 22.03.2024).
100. «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. 2005. URL:

- https://russiaeu.ru/userfiles/file/road_map_on_the_common_space_of_external_security_2005_russian.pdf (дата обращения 04.04.2022).
101. «Дорожные карты» четырех общих пространств, утверждённые на саммите Россия-ЕС, Москва, 10 мая 2005 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/evropejskij-souz-es/1751893/?TSPD_101_R0=08765fb817ab20003ada739ef0e72db0a3511777a38f0aaacc478fee4f80e6c95e7d1db6415bb9c10873b0fe32143000fa6be4cb64607b744cae46e78e14d0e2daa7d3f95fb28c1c41a1dab4cf5dc453c025d009cfe42508bc502ff967e44161 (дата обращения 04.04.2022).
102. Европейский союз и Российская Федерация // Сайт Представительства Европейского союза в Российской Федерации. URL: https://www.eeas.europa.eu/russia/evropeyskiy-soyuz-i-rossiyskaya-federaciya_ru?s=177 (дата обращения 03.04.2023).
103. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-итальянских переговоров // Президент России. 2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54511> (дата обращения 21.03.2024).
104. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. N 640) // Гарант. URL: https://base.garant.ru/71552062/#block_1000 (дата обращения 07.04.2023).
105. Меморандум о взаимопонимании для установления диалога о региональной политике между Министерством регионального развития Российской Федерации и Европейской комиссией // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. 2007. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/memorandum_of_understanding_on_regional_dialogue_2007_russian.pdf (дата обращения 04.04.2022).
106. Открытие Дня России на Всемирной универсальной выставке «ЭКСПО-2015» // Президент России. 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49674> (accessed 17.03.2024).

107. Разов С. С. Интервью Посла России в Италии С.С. Разова информационному агентству ТАСС // Министерство иностранных дел России. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/it/-/asset_publisher/y8qQ47DsHQYD/content/id/4097300 (дата обращения 24.03.2024).
108. Российская Федерация исключена из Совета Европы / Совет Европы. 2022. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/the-russian-federation-is-excluded-from-the-council-of-europe> (дата обращения 03.04.2023).
109. Совместное заявление о расширении Европейского союза и отношениях Российская Федерация –Европейский союз // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. 2007. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/joint_statement_on_eu_enlargement_and_russia_eu_relations_2007_russian.pdf (дата обращения 04.04.2022).
110. Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия-ЕС // Постоянное представительство Российской Федерации при Европейском союзе. 2004. URL: https://russiaeu.ru/userfiles/file/joint_statement_on_eu_enlargement_and_russia_eu_relations_2004_russian.pdf (дата обращения 04.04.2022).
111. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Европейским экономическим сообществом и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве. 1997. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900070> (дата обращения 02.04.2022).
112. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией 1994 г. // Кафедра интеграционного и европейского права МГЮА. URL: <https://eulaw.edu.ru/spisok-dokumentov-po-pravu-evropejskogo-soyuza/soglashenie-o-partnerstve-i-sotrudnichestve-mezhdu-es-i-rossiej-1994-g/> (дата обращения 02.04.2022).

113. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения 15.04.2023).
114. Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 N 255-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения 10.01.2024).

Статистические данные

115. EU trade relations with Kazakhstan. Facts, figures and latest developments // European Commission. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/eu-trade-relationships-country-and-region/countries-and-regions/kazakhstan_en (accessed 18.05.2024).
116. GDP. Europe // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/gdp?continent=europe> (accessed 17.02.2022).
117. Rapporti con l'Italia RUSSIA // Info Mercati Esteri. Governo Italiano // URL: https://www.infomercatiesteri.it/section7_exp.php?id_paesi=88# (accessed 03.03.2024).
118. Как изменилась география экспорта казахстанской нефти в 2023 году // Капитал Kz. .2024. URL: <https://kapital.kz/economic/121991/kak-izmenilas-geografiya-eksporta-kazakhstanskoj-nefti-v-2023-godu.html> (дата обращения 18.05.2024).

Диссертации

119. Аржанов И.А. Соперничество России и НАТО в Арктическом регионе: ключевые направления и тенденции: дисс. Канд. полит. наук: 5.5.4. М.: МГУ им. Ломоносова, 2023. – 243 с.

120. Данилов В.В. Приоритетные направления внешней политики Италии (1991-2019 гг.): дисс. Канд. ист. Наук: 07.00.15. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2020. – С. 22.
121. Каличкина Т.И. Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации: дис. канд. фил. Наук: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. – 238 с.
122. Фэнли Г. Особенности противодействия современным гибридным войнам в сфере внешней политики Российской Федерации: дисс. Канд. полит. наук: 5.5.4.М.: МГУ им. Ломоносова, 2024. – 261 с.

Материалы научных конференций

123. Du Cluzel F. Et al. Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance // First NATO scientific meeting on Cognitive Warfare (France). 21 June 2021. URL: <https://hal.science/hal-03635889/document> (accessed 15.04.2024).
124. Иванова Е.Е., Харитонов К.А., Игнатова М.Н. Германо-российские экономико-политические отношения на современном этапе // Проблемы и перспективы развития России: молодежный взгляд в будущее: Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции. Том 2. Курск, 14-15 октября 2021 г. Курск: Юго-Западный государственный университет. – С. 229-235.
125. Кузнецова, И. С. Взаимоотношение ЕС и ЗЕС: правовой аспект / И. С. Кузнецова // Беларусь в современном мире: тез. Докл. I Респ. Науч. Конф., Минск, 22–23 окт. 2002 г. / Белорусский государственный университет, Факультет международных отношений; редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. Минск, 2003. С. 128–131.
126. Макарова Е.Ю. Влияние европейских санкций на торговые отношения РФ и ЕС // В сборнике: научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки. Сборник статей по материалам LXXVII

студенческой международной научно-практической конференции. 2019.
– С. 88-90.

Монографии, научные исследования и учебные пособия

127. Delcour L. *Shaping the Post-Soviet Space? EU Policies and Approaches to Region-Building*. London: Routledge, 2016. – 194 p.
128. Emel A. et al. *Eurasianism and the European far right: Reshaping the Europe-Russia relationship*. Lanham: Lexington Books, 2015. – 292 p.
129. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. London: Routledge. – 608 p.
130. Futak-Campbell B. *Practising EU Foreign Policy. Russia and the Eastern Neighbours*. Manchester: Manchester University Press, 2018. – 188 p.
131. Gitlin T. *The Whole World is Watching: Mass Media in the Making & Unmaking of the New Left*. Berkley: University of California Press, 1980. – 327 p.
132. Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. Harvard: Harvard University Press, 1974. – 306 p.
133. Holman O. *Global Europe: The External Relations of the European Union*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2019. – 244 p.
134. Jaworski A., Coupland N. *The Discourse Reader*. (2nd ed.). New York.: Routledge, 2006. – 534 p.
135. Katzenstein J. *The Culture of National Security. Norms and Identity in World Politics*. New York.: Columbia University Press, 1996. – 560 p.
136. Keohane, R.O, Nye, J.S. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston, MA: Little, Brown and Company, 1977. – 273 p.
137. Krippendorff K. *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2004. – 413 p.
138. Kristeva J. *Semeiotike: recherches pour une sémanalyse*. Paris: Seuil, 1969. – 320 p.

139. Livingstone S. M. Making sense of television: The psychology of audience interpretation. Elmsford, NY: Pergamon Press, 1990. – 217 p.
140. Mayring P. Qualitative Content Analysis Theoretical Foundation, Basic Procedures and Software Solution. Klagenfurt, 2014. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-395173> (accessed 19.03.2026).
141. Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics / Ed. by Tully J. Cambridge: Polity, 1988. – 370 p.
142. Musialkowska I., Idczak P., Potluk O. (Eds.). Successes & Failures in EU Cohesion Policy: An Introduction to EU Cohesion policy in Eastern, Central, and Southern Europe. Warsaw: De Gruyter, 2020. – 212 p.
143. Onuf N. World of Our Making Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 1989. – 341 p.
144. Pocock J. G. A. Political Thought and History. Essays on Theory and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 298 p.
145. Stake R.E. The Art of Case Study Research. New York: Sage Publications, 1995. – 192 p.
146. The SAGE Handbook of Research Methods in Political Science and International Relations / Ed. by L. Curini, R. Franzese. Thousand Oaks: Sage Publications, 2020. – 1240 p.
147. Van Dijk T. A. News as discourse. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1998. – 200 p.
148. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 433 P.
149. Whitman R. (Ed.). Normative Power Europe: Empirical and Theoretical Perspectives. London: Palgrave MacMillan, 2011. – 306 p.
150. Wodak R. The discourse of politics in action: Politics as usual. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p.
151. Yin R. Case study research: Design and methods. New York: SAGE Publications, 1984. – 170 p.

152. Zehfuss M. Constructivism in International Relations: The Politics of Reality / Cambridge Studies in International Relations, Series Number 83. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 312 P.
153. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов: учебное пособие. М.: Логос, 2017. – 384 с.
154. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
155. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. – 423 с.
156. Безопасность Европы / Под ред. В. В. Журкина. М.: ИЕ РАН: Издательство «Весь мир», 2011. – 754 с.
157. Деррида Ж. О грамματοлогии. М.: Ad Marginem, 2000. – 512 с.
158. Европа в глобальной пересборке [Коллективная монография] / [Ал.А. Громько и др.; отв. Ред. Ал.А. Громько] – М.: ИЕ РАН: Издательство «Весь Мир», 2023. – 508 с.
159. Иванов И.С. Европейский вектор внешней политики современной России. М.: Издательство «Э», 2018. – 424 с.
160. Кавешников Н.Ю. Трансформация институциональной структуры Европейского союза / Н.Ю. Кавешников. – М.: Навона, 2010. – 480 с.
161. Лакофф М. Джонсон. М. Метафоры, которыми мы живем. М: URSS, 2004. – 256 с.
162. Лихачев Д.С. Текстология. Краткий очерк. Москва – Ленинград: Издательство «Наука», 1964. – 102 с.
163. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Европейский союз. Настоящее и будущее. Сравнительное теоретико-правовое исследование. М.: Проспект, 2021. – 528 с.
164. Михайленко Е.Б., Михайленко В.И. Внешняя региональная политика Европейского союза. Европейский интеррегионализм. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. – 330 с.

165. Романова Т.А. Институты Европейского союза и процесс принятия политических решений. Учебное пособие. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. – 192 с.

Статьи в научных, общественно-политических изданиях и сборниках

166. Anderson D.C, Sharrock, W.W. Biasing the news: Technical issues in “media studies” // *Sociology*. 1970. Vol. 13. – P. 367-385.
167. Barbe E., Morillas P. The EU Global Strategy: The Dynamics of a More Politicized and Politically Integrated Foreign Policy // *Cambridge Review of International Affairs*. 2019. Vol. 32. No. 6. P. 753-770.
168. Bardakç1 M. EU Engagement in Conflict Resolution in Georgia: Towards a More Proactive Role // *Caucasian Review of International Affairs*. 2010. Vol. 4(3). – P. 214-236.
169. Beauguitte L., Richard Y.P.G., Guérin-Pace F. The EU and Its Neighbourhoods: A Textual Analysis on Key Documents of the European Neighbourhood Policy // *Geopolitics*. 2015. Vol. 20. No. 4. – P. 853-879.
170. Biancalana C. Italy’s multiple populisms facing the Russo-Ukrainian war // *The Impacts of the Russian Invasion of Ukraine on Right-wing Populism in Europe* / G. Ivaldi, E. Zankina (Eds.). European Center for Populism Studies (ECPS). March 8, 2023. Brussels. URL: <https://www.populismstudies.org/italys-multiple-populisms-facing-the-russo-ukrainian-war/> (accessed 28.03.2024).
171. Bunea A., Ibenskas R. Quantitative text analysis and the study of EU lobbying and interest groups // *European Union Politics*. 2015. Vol. 16. No. 3. P. 429-455.
172. Buzan B. The Primary Institutions of International Society // *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalisation* / Buzan B. (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 161-204.

173. Casier, T. Great Game or Great Confusion: The Geopolitical Understanding of EU-Russia Energy Relations // *Geopolitics*. – 2016. – Vol. 21. – No. 4. – P. 763-778.
174. Checkel J. T. International institutions and socialization in Europe: Introduction and framework // *International Organization*. 2005. Vol. 59. – P. 801-826.
175. Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008. Vol. 616 (1). – P. 10-30.
176. DeBardeleben J. Applying Constructivism to Understanding EU–Russian Relations // *International Politics*. 2012. Vol. 49. P. 418-433.
177. Diaz-Bone R. Et al. The Field of Foucaultian Discourse Analysis: Structures, Developments and Perspectives // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 2008. Vol. 33. No. 1(123). – P. 7-28.
178. Fairclough N. Critical Discourse Analysis and the Commodification of Public Discourse // *Discourse and Society*. 1993. Vol. 4. No. 2. P. 133-168.
179. Finnemore M., Sikkink K. TAKING STOCK: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics // *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. – P. 391-416.
180. Fisher A. Trickle Down Soft Power: Do Russia’s Ties to European Parties Influence Public Opinion? // *Foreign Policy Analysis*. 2021. Vol. 17. No. 1. URL: <https://academic.oup.com/fpa/article-abstract/17/1/oraa013/5825379> (дата обращения 02.02.2024).
181. Franco, M. EU-Russia Relations: From Hope to Despair. Can the New EU Global Strategy Make a Difference? // Potemkina, O. (ed.) *The EU Global Strategy: Implications for Russia*. Institute of Europe of the Russian Academy of Science and Egmont – The Royal Institute Russian Academy of Sciences for International Relations. – P. 26-42.

182. Galtung J. Theory and Practice of Security. Instant Research on Peace and Violence // European Security and Co-operation. 1972. Vol. 2, No. 3. – P. 109-112.
183. Gamson W.A. A constructionist approach to mass media and public opinion // Symbolic Interaction. 1988. Vol. 11. – P. 161-174.
184. Geissler J. et al. Russian propaganda on social media during the 2022 invasion of Ukraine // EPJ Data Science. 2023. Vol. 12. Art. 35. URL: <https://epjdatascience.springeropen.com/articles/10.1140/epjds/s13688-023-00414-5> (дата обращения 25.04.2023).
185. Ghica L. A. Beyond regional integration? Social constructivism, regional cohesiveness and the regionalism puzzle // Studia Politica: Romanian Political Science Review. 2013. Vol. 13(4). – P. 733-752.
186. Gilboa E. Diplomacy in the Media Age: Three Models of Uses and Effects // Diplomacy & Statecraft. 2001. Vol.12(2). – P. 1-28.
187. Giumelli F., Cusumano E., Besana M. From Strategic Communication to Sanctions: The European Union's Approach to Hybrid Threats // A Civil-Military Response to Hybrid Threats / E. Consumano, E. Corbe (Eds.). London: Palgrave Macmillan, Cham, 2018. – P. 145-167.
188. Grimmer J., Stewart B.M. Text as data: The promise and pitfalls of automatic content analysis methods for political texts // Political analysis. 2013. Vol. 21. №. 3. – P. 267-297.
189. Guillem S.M. Argumentation, metadiscourse and social cognition: organizing knowledge in political communication // Discourse & Society. 2009. Vol. 20. No. 6. P. 727–746.
190. Handl S., Graf E.V. Collocation, anchoring, and the mental lexicon – an ontogenetic perspective // Cognitive Foundations of Linguistic Usage Patterns. Schmid H.-J., Handl S. (Eds.). De Gruyter, 2010. – P. 119-149.
191. Hardy C., Harley B., Phillips N. Discourse analysis and content analysis: Two solitudes // Qualitative methods. 2004. Vol. 2. №. 1. – P. 19-22.

192. Hartmann J. et al. The Zeitenwende Beyond Germany // *Internationale Politik Quarterly*. 2023, March 9. URL: <https://ip-quarterly.com/en/zeitenwende-beyond-germany> (accessed 10.01.2024).
193. Hjorth F, Adler-Nissen R. Ideological Asymmetry in the Reach of Pro-Russian Digital Disinformation to United States Audiences // *Journal of Communications*. 2019. Vol. 69(2). – P. 168-192.
194. Hopf T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory // *International Security*. 1998. Vol. 23(1). – P. 171-200.
195. Hopkins D.J., King G. A Method of Automated Nonparametric Content Analysis for Social Science // *American Journal of Political Science*. 2010. Vol. 54. No. 1. – P. 229-247.
196. Hossová M. Fake News and Disinformation: Phenomenons of Post-Factual Society // *Media Literacy and Academic Research*. 2018. Vol. 1. No. 2. – P. 27-35.
197. Hudson V. ‘Forced to Friendship’? Russian (mis-) Understandings of Soft Power and the Implications for Audience Attraction in Ukraine // *Politics*. 2015. Vol.35(3-4). – P. 330-346.
198. Jansen F. Digital Activism in the Middle East: Mapping Issue Networks in Egypt // *Knowledge Management for Development Journal*. 2010. Vol. 6(1). – P. 37-52.
199. Kassen M. Understanding foreign policy strategies of Kazakhstan: a case study of the landlocked and transcontinental country // *Cambridge Review of International Affairs*. 2018. Vol. 31. Issue 3–4. – P. 314-343.
200. Katz M.N. Russia and the conflict in Syria: four myths // *Middle East Policy*. 2013. Vol. 20. No. 2. P. 38-44.
201. Katzenstein P., Keohane R.O., Krasner S.D. International Organization and the Study of World Politics // *International Organization*. 1998. Vol. 52(4). – P. 645-685.

202. Korosteleva, E. Putting the EU Global Security Strategy to Test: 'Cooperative Orders' and Othering in EU–Russia Relations // *International Politics*. 2019. Vol. 56. P. – 304-320.
203. Kostakopoulou D. Constructivisms and Institutional Constructivism // *Institutional Constructivism in Social Sciences and Law: Frames of Mind, Patterns of Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 37-67.
204. Laver M., Benoit K., Garry J. Extracting Policy Positions from Political Texts Using Words as Data // *The American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. No. 2. – P. 311-331.
205. Layne C. The unbearable lightness of soft power // *Soft Power and US Foreign Policy. Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives* / Parmar I., Cox M. (Eds.). London: Routledge, 2010. – P. 63-94.
206. Littlefield S. Citizenship, Identity and Foreign Policy: The Contradictions and Consequences of Russia's Passport Distribution in the Separatist Regions of Georgia // *Europe-Asia Studies*. 2009. Vol. 61. No. 8. – P. 1461-1482.
207. Mälksoo, M. From the ESS to the EU Global Strategy: External Policy, Internal Purpose // *Contemporary Security Policy*. 2016. Vol. 37. No. 3. P. 374-388.
208. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. 2002. Vol. 40(2). – P. 235-258.
209. Manners I. The Constitutive Nature of Values, Images and Principles in the European Union // Lucarelli S., Manners I. (Eds.). *Values and Principles in European Union Foreign Policy*. London: Routledge, 2006. P. 19-41.
210. Mareš M., Holzer J., Šmíd T. The Hybrid Campaign Concept and Contemporary Czech–Russian Relations // *Czech Security Dilemma. New Security Challenges* / Holzer J., Mareš M. (Eds.). Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – P. 39-40.
211. Mayr A. Institutional Discourse // *The Handbook of Discourse Analysis* (2nd ed.) / Tannen D., Hamilton H.E., Schiffrin D. (Eds.). Hoboken: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 755-774.

212. Meier H.E. et al. Politicization of a Contested Mega Event: The 2018 FIFA World Cup on Twitter // *Communication & Sport*. OnlineFirst. 2019. – P. 785-810.
213. Mumby D., Clair R.D. *Organizational Discourse // Discourse as Social Interaction: Discourse Studies*. Vol. 2 – A Multidisciplinary Introduction / T.A. van Dijk. (Ed.). London: Sage, 1997. – P. 283-302.
214. Musolff A. The Study of Metaphor as Part of Critical Discourse Analysis // *Critical Discourse Studies*. 2012. Vol. 9(3). – P. 301-310.
215. Neumann I.B. Self and Other in International Relations // *European Journal of International Relations*. 1996. Vol. 2(2). – P. 139-174.
216. Nitoiu C., Pasatoiu F. Public diplomacy and the persistence of the conflict and cooperation dichotomy in EU-Russia relations // *Journal of Contemporary European Studies*. 2023. Vol. 31. No. 1. – P. 21-34.
217. Nye J.S. *Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Soft Power and Great-Power Competition. China and Globalization / Ed. by J.S. Nye*. Springer: Singapore, 2023. – P. 63-66.
218. Oliver T. The World after Brexit: from British Referendum to Global Adventure // *International Politics*. 2016. Vol. 53(6). – P. 689-707.
219. Olmastroni, F. The alleged consensus: Italian elites and publics on foreign policy // *Italian Political Science Review*. 2017. Vol. 47. No. 2. – P. 149-182.
220. Pan Z., Kosicki G. Framing analysis: An approach to news discourse // *Political Communication*. 1993. Vol. 10(1). – P. 55–75.
221. Pierson, P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *The American Political Science Review*. 2000. Vol. 94. No. 2. – P. 251–267.
222. Pohoata I., Baciu A.-L., Roibu P.-A. Is the DCFTA Between EU and Ukraine Negatively Impacting Russia's Economy? // *CES Working Papers*. Alexandru Ioan Cuza University of Iasi, Centre for European Studies, Iasi. 2016. Vol. 8. Iss. 4. – P. 701.
223. Pomerantsev P. 2015. The Kremlin's Information War // *Journal of Democracy*. 2015. Vol. 26 (4). – P. 42.

224. Pouliot V. “Subjectivism”: Toward a constructivist methodology // *International Studies Quarterly*. 2007. Vol. 51. – P. 359-384.
225. Pouliot V. The essence of constructivism // *Journal of International Relations and Development*. 2004. Vol. 7. – P. 319-336.
226. Quille E. The European Security Strategy: a Framework for EU Security Interests? // *International Peacekeeping*. 2004. Vol. 11(3). – P. 422-438.
227. Ruggie JG. What Makes the World Hang Together? Neo-utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // *International Organization*. 1998. Vol.52(4). – P. 855-885.
228. Sartori G. The essence of the political in Carl Schmitt // *Journal of Theoretical Politics*. 1989. Vol 1. – P. 63-75.
229. Saurugger S. Constructivism and public policy approaches in the EU: from ideas to power games // *Journal of European Public Policy*. 2013. Vol. 20(6). – P. 888-906.
230. Schmidt V., Radaelli C. Conclusions // *West European Politics*. 2004. Vol. 27(2). – P. 364–279.
231. Schwartz-Shea P., Yanow D. «‘Reading’ ‘Methods’ ‘Texts’: How Research Methods Texts Construct Political Science // *Political Research Quarterly*. 2002. Vol. 55. No. 2. P. 457–86.
232. Siddi M. Identities and Vulnerabilities: The Ukraine Crisis and the Securitisation of the EU-Russia Gas Trade // Szulecki, K. (ed.) *Energy Security in Europe. Energy, Climate and the Environment*. London: Palgrave Macmillan, Cham, 2018. – P. 251-273.
233. Siddi M. Italy’s ‘Middle Power’ Approach to Russia // *The International Spectator*. 2018. Vol. 54. No. 2. – P. 123-128.
234. Skinner Q. The Rise of Challenge to and Prospects for a Collingwoodian Approach to the History of Political Thought // *The History of Political Thought in National Context* / Ed. by Castiglione D. and Hampsher-Monk I. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 175-188.

235. Slocum N., Van Langenhove L. Identity and regional integration // Global politics of regionalism: theory and practice. – Baden-Baden: Nomos, 2005. – P. 137-154.
236. Smith M.E. A Liberal Grand Strategy in a Realist World? Power, Purpose and the EU's Changing Global Role // Journal of European Public Policy. Vol. 18. No. 2. P. 144-163.
237. Splidsboel-Hansen, F. Russia's Relations with the European Union: A Constructivist Cut // International Politics. 2002. Vol. 39. P. 399-421.
238. Stent A. Berlin's Russia Challenge // Insight Turkey. 2007. Vol. 9. No. 2. – P. 155-161.
239. Tajfel H et al. Social categorization and intergroup behaviour // European Journal of Social Psychology. 1971. Vol. 1 (2). – P. 149–178.
240. Tocci N. The making of the EU Global Strategy // Contemporary Security Policy. 2016. Vol. 37(3). P. 461-472.
241. Tsvetkova N. et. Al. Sprawling in Cyberspace: Barack Obama's Legacy in Public Diplomacy and Strategic Communication // Journal of Political Marketing. 2020. Vol. 2. – P. 1-13.
242. Van Dijk, T. A. Frame analysis // Discourse Studies. 2023. Vol. 25, No. 2. – P. 151-152.
243. Van Dijk T.A. Ideology and discourse analysis // Journal of Political Ideologies. 2006. Vol. 11(2). – P. 115-140.
244. Van Dijk T.A. Political discourse and political cognition // Politics as Text and Talk: Analytic approaches to political discourse / Ed. by Chilton P., Schäffner C. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 203-237.
245. Vicere M.G.A. Looking Towards the East: The High Representative's Role in EU Foreign Policy on Kosovo and Ukraine // European Security. Vol. 29. No. 3. P. 337-358.
246. Walker C. What Is «Sharp Power»? // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29(3). – P. 9-23.

247. Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. – P. 391-425.
248. Wendt A. Constructing International Politics // International Security. 1995. Vol. 20. No.1. – P. 71-81.
249. Аласания К.Ю. Методы анализа политического текста // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2015. №1. С. 1-8.
250. Алтынбеков Ж.С. Перевод политического дискурса: текстологические аспекты // Центрально-Азиатский Журнал Переводоведения. 2018. №4(1). – С. 1-12.
251. Ананьева Е.В., Ананьев А.В. «Мягкая» безопасность становится жестче // Международная жизнь. 2009. № 4. – С. 100-117.
252. Андерсон К.М и др. Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – С. 91-127.
253. Арбатова Н.К. Новая стратегия безопасности ЕС: (российский взгляд на «документ Соланы») // Современная Европа. 2003. №4(16). – С. 60-67.
254. Базаркина Д.Ю. Европейские медиа как политические акторы // Европа в глобальной пересборке [Коллективная монография] / под ред. А.А. Громыко. М.: ИЕ РАН Издательство «Весь Мир», 2023. – С. 268-280.
255. Барахвостов П.А. Инструменты политики Европейского союза в отношении стран «Восточного партнерства» (на примере Молдовы) // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 1. – С. 139-165.
256. Бартенев В.И. «Взаимно гарантированная обструкция»? Россия, страны Запада и политические дилеммы восстановления Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Том 18. №4. – С. 755-774.
257. Бахлова О.В. Россия и Европейский союз: эволюция стратегии взаимодействия и возможности развития общеевропейского процесса //

- Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2005. №1(5). – С. 88-98.
258. Бископ С. Основы обновленной Европейской стратегии безопасности // Вестник международных организаций. 2009. №2 (24). – С. 105-120.
259. Большаков А. Г., Храмова Е. В. Политическая коммуникация в период международных бифуркаций // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 96-104.
260. Бордачев Т.В. Россия и Европейский союз в «берлинско-вашингтонском» порядке в Европе // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / под ред. А.В. Лукина. М.: Международные отношения, 2018. – сС. 320-339.
261. Бордачев Т.В., Казакова А.В. Современная Европа и национальный интерес России // Вестник МГИМО Университета. 2017. Том 52. №1. – С. 21-35.
262. Букалов А., Щербакова В. Сильвио Берлускони подтверждает курс на сближение // Компас. 2009. № 1–2. – С. 39.
263. Везуина М.А. Эволюция Европейской политики безопасности и обороны – новая архитектура европейской безопасности // Sciences of Europe. Historical Sciences. 2017. №14. – С. 45-51.
264. Водорезов С.И. Становление отношений России и Европейского союза // Вестник Брянского государственного университета. 2009. №2. – С. 14-17.
265. Волкова А.И., Дорохин А.Г. Торгово-экономическое сотрудничество России и Италии и особая роль Москвы // Россия и мир в XXI веке. 2021. №3 (112). – С. 132-144.
266. Волошин А.И. Многомерный анализ политической текстосферы в рамках политической текстологии // Электронный Вестник Московского государственного областного университета. 2014. №4(2). URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/845/842> (дата обращения 03.06.2022).

267. Гудушаури Т.В. Санкции ЕС: определение, виды, цели, результативность // E-Scio. 2022. № 5 (68). – С. 377-383.
268. Данилов Д.А. Глобальная стратегия ЕС: Восточный вектор // Современная Европа. 2017. №1. – С. 10-21.
269. Дегтерёва Е.А. Политический и экономический диалог России и Европейского союза // Европейский союз: факты и комментарии. 2019. №96. – С. 116-119.
270. Егоров А.И. Россия – Германия: от «стратегического партнерства» к прагматическому сотрудничеству (2001–2008 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. №1(17). – С. 167-175.
271. Емелина И.А. Отношения России и Евросоюза в условиях взаимных санкций // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2016. №7. – С. 34-41.
272. Еремина Н.В. Постсоветское пространство как площадка конкуренции интеграционных проектов (на примере Беларуси) // Роль России и ЕС в конфликтах и кризисах на постсоветском пространстве: конкуренты или союзники? / Под ред. Ереминой Н.В. и др. М.: Знание-М, 2021. – С. 33-51.
273. Жилина И. Ю. Региональная политика Европейского союза: уроки для России // Экономические и социальные проблемы России. 2007. №1. – С. 139-159.
274. Жильцов С.С. Политика России в условиях глобальной неопределенности: вызовы и возможности // Проблемы постсоветского пространства. 2023. №10 (1). – С. 8-16.
275. Зонова Т.В. Российско-итальянские отношения: история и современность // Вестник МГИМО. 2012. №1. – С. 51-57.
276. Игумнова Л.О. Критика нормативной силы Европы в России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7. – С. 122-133.
277. Игумнова Л.О. Официальные коммуникации Европейской внешнеполитической службы с Россией: создание образа нормативной

- силы ЕС // Внешняя политика и международные связи Европейского Союза: осмысливая роль ЕС в мире / Л. О. Игумнова, О. Г. Лекаренко, Ю. Г. Агафонов и др.; отв. Ред. Л. О. Игумнова. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – С. 106-126.
278. Изотов А.В. Внешнеполитические стратегии России и Европейского союза по отношению к региону их общего соседства как фактор отношений между Евросоюзом и Россией // Управленческое консультирование. 2014. №8 (68). – С. 44-58.
279. Ильин Е.Ю. Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО. 2015. №2 (41). – С. 84-92.
280. Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.С. Россия: почему «дорожные карты» не ведут в Европу // Современная Европа. 2005. №4. – С. 64-79.
281. Кавешников Н.Ю. «Гибкая интеграция» в Европейском союзе // Международные процессы. 2011. Т. 9. №2(26). – С. 58-69.
282. Кавешников Н.Ю. Лиссабонский договор и его последствия для развития Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2010. №2. – С. 55-76.
283. Каледин Н.В. Постсоветское пространство: исторические предпосылки, геополитическое содержание и структура // Роль России и ЕС в конфликтах и кризисах на постсоветском пространстве: конкуренты или союзники? / Под ред. Ереминой Н.В. и др. М.: Знание-М, 2021. – С. 13-35.
284. Кишина Е.В. Семантическая оппозиция «Свой чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник КемГУ. 2011. №4. – С. 174-179.
285. Косачев К.И. «Мягкая сила» с жесткими последствиями // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1. – С. 15-20.
286. Кучинов А.М. Подходы и методики для исследования текстов и дискурса в политологии: опыт классификации // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. – С. 80-96.

287. Лагутина М.Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. 2015. №11 (83). – С. 124-136.
288. Лассан Э. Р. Об истории как тексте, метафорах истории и следствиях из них // Политическая лингвистика. 2020. №5 (83). – С. 201-210.
289. Лебедев С., Казанцев А., Медведева С. Сотрудничество Казахстана и России: экономика и политика // Kazakhstan Journal of Foreign Studies. 2022. № 1–2. – С. 15–24.
290. Леонова О. Sharp power – новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. – С. 21-28.
291. Лободенко Л.К. и др. Анализ репрезентации актуальной политической тематики в цифровых плакатах и интернет-мемах: оценка медиаэффектов с использованием айтрекинг-технологий // Вестник ЮурГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2023. №1. – С. 96-108.
292. Лукьянович Н.В. Перспективы евразийской экономической интеграции в контексте роста глобальных вызовов и угроз // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1(64). – С. 78-96.
293. Лыжина Е.В. Обеспечивает ли Европейский Союз глобальную и региональную безопасность посредством военной или гражданской силы? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2010. №4. – С. 59-63.
294. Макарычев А.С. Безопасность и возвращение политического критические дебаты в Европе. // Индекс безопасности. 2008 г. № 4 (87). Т. 14. – С. 25-40.
295. Маслова Е.А., Сорокова Е.Д. Россия-Италия: концептуальный анализ двусторонних отношений // Современная Европа. 2019. №. 1 (86). – С. 48-59.
296. Мельков С.А. Какие ценности предстоит защищать России // Власть. 2015. №2. – С. 94-97.

297. Менщикова Ю.В. Подписание Маастрихтского договора – победа Джона Мейджора и провал для Великобритании? // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. №73. – С. 101-105.
298. Мешков А.Ю. Российско-итальянские отношения: Аномалия или пример для подражания? // Международная жизнь. 2007. № 11. – С. 3-5.
299. Мещеряков К. Е. Российско-казахстанские отношения в посткрымский период: фаза турбулентности // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2023. № 1. – С. 28–56.
300. Михайленко В. Факторы, влияющие на динамику отношений Россия – ЕС: ценности, интересы и геополитика // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2023. №70 (86). – С. 27-38.
301. Михалева Г.М. ЕС: отношения с Россией и политика Восточного партнерства // Европейский союз: риски и вызовы современного этапа политической эволюции / Медушевский Н.А., Михалева Г.М., Гордеева М.А и др.; под ред. Медушевского Н.А. М.: Ленанд, 2019. – С. 309-316.
302. Морозов М.К. Трансформация внешней политики ЕС как центра полицентричного мира в период украинского кризиса // Власть. 2023. №2. – С. 232-329.
303. Мухаметов Р.С. Мягкая сила России и ЕС на пространстве «общего соседства»: сравнительный анализ программ политических партий постсоветских государств // Сравнительная политика. 2020. Том 11. № 4. – С. 78-91.
304. Новосельцев А.Ю. Идеологические мифы Европейского Союза на примере Лаакенской декларации // Российский журнал правовых исследований. 2019. Том 6. №4(21). – С. 51-58.
305. Павлова Е.Б., Романова Т.А. Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. – С. 162-176.

306. Пахолкин Д.А. Нормативная сила в конкуренции евразийского и европейского интеграционных проектов на постсоветском пространстве// Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Том 12. №6. – С. 171-186.
307. Положихина М.А. Привлекательность евразийской интеграции – разнообразие оценок. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал. 2018. №2. – С. 211-219.
- 308.Примаков Е.А. Гуманитарная миссия России // Пути к миру и безопасности. 2018. Том 54. №1. Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах. – С. 182-196.
- 309.Ралевич Д. Концептуальные основы «мягкой безопасности» Европейского союза в Глобальной Стратегии по внешней политике и обороне 2016 года // Политика и Общество. 2018. № 11. – С. 29-36.
- 310.Романова Т.А., Павлова Е.Б. Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Том 63. №6. – С. 102-109.
- 311.Рыжков В. Европейский процесс: страны и регионы // Современная Европа. 2019. №3. – С. 13-24.
- 312.Рыжков В.А. Отношения России и ЕС: текущий кризис и возможности нормализации // Современная Европа. 2019. Том 88. №3. – С. 13-24.
313. Рябов А. Постсоветское пространство: факторы и циклы развития // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 3. – С. 67-82.
314. Сафаева С. Постсоветская интеграция в контексте политической трансформации новых независимых государств // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №5 (53). – С. 147-159.
- 315.Скребцова Т.Г. Современные исследования политической метафоры // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 9. Выпуск 1. – С. 35-46.

316. Смирнов Е.Н. Эскалация антироссийских санкций и ее последствия для глобальной экономики // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. №2. – С. 80-93.
317. Стрежнева М.В. Методологические аспекты в изучении внешней политики и глобальной роли Европейского союза // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. – С. 25-42.
318. Сумарокова Ю.В. Принцип социального государства в учредительных договорах Европейских Сообществ и ЕС // Евразийский Союз Ученых. 2015. №6(15). – С. 36-40.
319. Суходолов Я.А. Тенденции развития торгово-экономического сотрудничества России с Италией // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. №4. – С. 21-32.
320. Тимошенкова Е.П. Партийно-политическая система Германии: вызовы, риски, тенденции // Европа в глобальной пересборке [Коллективная монография] / под ред. А.А. Громыко. М.: ИЕ РАН Издательство «Весь Мир», 2023. – С. 26-42.
321. Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. 2009. №5. С.41-54.
322. Тиханычев О.В. «Гибридные» войны: история, современное состояние, основы противодействия // Национальная безопасность / E-nota bene. 2019. №1. URL: https://e-notabene.ru/nb/article_28100.html (дата обращения 15.04.2023).
323. Толстухин А.Э. О наднациональном характере Европейского союза // Московский журнал международного права. 1997. № 4. – С. 3-19.
324. Трибрат В.В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю // Международные процессы. 2005. №1(7). – С. 118-121.
325. Филитов А.М. СССР и «Новая восточная политика ФРГ» // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №3(54). – С. 123-140.
326. Шариков П. Информационный комплекс // Безопасность Европы / под ред. В.В. Журкина. М: ИЕ РАН: Весь мир, 2011. – С. 581-590.

327. Шаройченко Н.Д. Политика Европейского союза по противодействию «мягкой силе» России в странах Восточного партнёрства // Вестник Московского государственного областного университета, 2022, Т.2, №2 – С. 108-123.
328. Шереметьев Д.В. Европейская система безопасности во взаимоотношениях России и ЕС // Современная Европа. 2017. №1. – С. 32-39.
329. Ширинянц А.А. Политическая текстология как учебная дисциплина / Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. №4. – С. 125.
330. Шишелина Л.Н. Программа Восточное партнёрство накануне десятилетия // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. №6. – С. 22-28.
331. Шукушева Е. В. Сотрудничество Казахстана и ЕС в сфере образования: новые вызовы и измерения // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. №5(1). – С. 1095-1097.
332. Энтин Л.М. Лиссабонский договор и реформа Европейского Союза // Журнал российского права. 2010. №3(159). – С. 104-115.
333. Энтин М.Л. Правовые основы внешней политики Европейского Союза // Московский журнал международного права. 2003. № 4. – С. 86-118.
334. Энтин М.Л., Энтина Е.Г. К конструированию будущего отношений между Россией и ЕС // Современная Европа. 2017. Том 77. №5. – С. 16-26.
335. Юмашев Ю.М. Миграционная политика Европейского союза и граждане третьих стран // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. №1. – С. 100-111.

Сообщения СМИ и иные материалы с электронных ресурсов

336. Appunn C., Wehrmann B., Wettengel J. Q&A: What does Germany's decision to put Nord Stream 2 on hold mean? // Clean Energy Wire. 2022, February 23.

- URL: <https://www.cleanenergywire.org/factsheets/qa-what-does-germanys-decision-put-nord-stream-2-hold-mean> (accessed 20.04.2024).
337. Birchard R. AI content: EU asks Big Tech to tackle disinformation // Deutsche Welle. 2023, May 6. URL: <https://www.dw.com/en/ai-content-eu-asks-big-tech-to-tackle-disinformation/a-65830533> (accessed 10.05.2024).
338. Bret C., Parmentier F. EU-Russia: Beyond Rivalries? Policy Paper // Notre Europe. Jacques Delors Institute. 2016, July 5. URL: <https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2020/08/eurussia-bretparmentier-jdi-july16-1.pdf> (accessed 07.04.2023).
339. Buras P. Partnership for Enlargement: A New Way to Integrate Ukraine and the EU's Eastern Neighbourhood // European Council on Foreign Relations. 2022, June 17. URL: <https://ecfr.eu/publication/partnership-for-enlargement-a-new-way-to-integrate-ukraine-and-the-eus-eastern-neighbourhood/> (дата обращения 14.04.2024).
340. České instituce byly cílem kyberútoků skupiny spojované s ruskou GRU // České Noviny. 2024, May 3. URL: <https://www.ceskenoviny.cz/zpravy/ceske-instituce-byly-cilem-kyberutoku-skupiny-spojovane-s-ruskou-gru/2513943> (accessed 10.05.2024)
341. Cecchinato P. Ecco la delibera veneta che ha riconosciuto l'annessione della Crimea // Linkiesta. 2022, March 25. URL: <https://www.linkiesta.it/blog/2022/03/ecco-la-delibera-veneta-che-ha-riconosciuto-lannessione-della-crimea/> (дата обращения 24.03.2024).
342. Chasse J. Who are Putin and Russia's allies in Germany // Deutsche Welle. 2018, March 23. URL: <https://www.dw.com/en/who-are-the-allies-of-vladimir-putin-and-russia-in-germany/a-43167367> (accessed 25.01.2024).
343. Coll S. The Magnitsky case // The New Yorker. 2012, June 27. URL: <https://www.newyorker.com/news/daily-comment/the-magnitsky-case> (accessed 06.04.2022).

344. Comitato contro le sanzioni 213eop Russia, la Regione ci ripensa // Genova Today. 2022, March 30. URL: <https://www.genovatoday.it/cronaca/ritiro-mozione-sanzioni-russia.html> (accessed 17.03.2024).
345. Coratella T. Draghi race: Italian voters and Russia's war on Ukraine // European Council on Foreign Relations. 2022, June 22. URL: <https://ecfr.eu/article/draghi-race-italian-voters-and-russias-war-on-ukraine/> (accessed 24.03.2024).
346. Cristiani D. Opinion – Priorities and Challenges for Italy's G7 Presidency // E-International Relations. 2024, March 16. URL: <https://www.e-ir.info/2024/03/16/opinion-priorities-and-challenges-for-italys-g7-presidency/> (accessed 14.04.2024).
347. DAAD в России. URL: <https://www.daad.ru/ru/> (дата обращения 20.02.2024).
348. De Gregorio A. Mattarella in visita a Mosca. Putin: 'Superare le difficoltà' // Corriere della Sera. 2017, April 11. URL: http://www.corriere.it/esteri/17_aprile_11/mattarella-mosca-putin-la-nostra-amicizia-solida-b818cd7c-1e97-11e7-a4c9-e9dd4941c19e.shtml (accessed 21.03.2024).
349. De Stefano C. Dialogo con la Russia. Italia meno sola in Europa // MondoDem, 2017, June 15. URL: <https://www.mondodem.it/uncategorized/litalia-meno-sola-nel-cercare-il-dialogo-con-la-russia/> (accessed 21.03.2024).
350. Deal with Putin's party is off, reassures Salvini [Electronic resource] // Decode 39. 2024, April 3. URL: <https://decode39.com/8951/deal-with-putins-party-is-off-reassures-salvini/> (accessed 14.04.2024).
351. Der herzliche Herr Lawrow // Spiegel. 2020, December 8. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/afd-besuch-in-moskau-sergej-lawrow-empfaengt-tino-chrupalla-a-a2e17072-2dcf-4fa6-b6dd-de5b3100fe46> (accessed 20.04.2024).

352. Deutsch-Russischer Austausch e.V. // European Union Youth. URL: https://youth.europa.eu/volunteering/organisation/50611_en (accessed 20.02.2024).
353. Ellyat H., Bertetche J. Russia is set to gain from the Italian election result. Here's how // CNBC. 2018, March 6. URL: <https://www.cnbc.com/2018/03/06/russia-set-to-gain-from-m5s-and-legas-success-in-italys-election.html> (accessed 22.03.2024).
354. Eni не прекратит сотрудничество с Роснефтью из-за новых антироссийских санкций // ENI RUS. URL: <https://enirus.ru/blogs/News/eni-ne-prekratit-sotrudnichestvo-s-rosneftyu-iz-za-novyh-antirossiyskih-sanktsiy> (дата обращения 17.03.2024).
355. EUR-Lex document search. URL: https://eur-lex.europa.eu/search.html?textScope0=ti-te&lang=en&text=crimea&qid=1684085711393&type=quick&scope=EURL EX&andText0=Russia&DD_YEAR=2015&page=2 (accessed 02.04.2023).
356. European External Action Service. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_en (accessed 10.02.2022).
357. Fiott D., Parkes R. Protecting Europe: The EU's response to hybrid threats // EUISS Chaillot Paper 151. 2019. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_151.pdf (accessed 15.04.2023).
358. Fischer S. The Donbass Conflict. Opposing Interests and Narratives, Difficult Peace Process // SWP Research Paper 2019/RP 05, 17.04.2019, 35 Seiten. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2019S03/> (accessed 25.01.2024).
359. Frontex. URL: <https://frontex.europa.eu/> (accessed 13.03.2022).
360. Gautheret J. War in Ukraine: Mario Draghi is clearly backing Kyiv's European bid // Le Monde. 2022, June 17. URL: <https://www.lemonde.fr/en/international/article/2022/06/17/war-in-ukraine->

- mario-draghi-is-clearly-backing-kyiv-s-european-bid_5987209_4.html
(accessed 24.03.2024).
361. Gentiloni, Putin e i sei accordi di Sochi // AGI. 2017, May 17. URL: https://www.agi.it/estero/news/2017-05-17/gentiloni_putin_e_i_sei_accordi_di_sochi-1784336/ (accessed 17.03.2024).
362. Giumelli F. EU-Russia trade bouncing back despite sanctions // EUObserver. 2017, October 17. URL: <https://euobserver.com/opinion/139485> (accessed 07.04.2023).
363. Gli italiani e 215eopolit estera 2021 // DISPOC/LAPS (Università di Siena), Istituto Affari Internazionali. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/laps-iai_2021.pdf (accessed 21.03.2024).
364. Gogolashvili K. et al. Hybrid Threats in EaP Countries: Building a Common Response // Eastern Partnership Civil Society Forum. Tbilisi, Chisinau, Kyiv, Erevan, Brussels, 2019. URL: https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/Policy-paper_2019_EN_hybrid-threats-in-eap-and-common-response.pdf (accessed 22.04.2023).
365. Gottberg V. Big Business // Deutsche Welle. 2007, December 25. URL: <https://www.dw.com/en/booming-russian-economy-draws-german-firms-eastward/a-3010961> (accessed 10.01.2024).
366. Gressel G. Protecting Europe against hybrid threats // European Council on Foreign Relations. 2019, June 25. URL: https://ecfr.eu/publication/protecting_europe_against_hybrid_threats/ (accessed 15.04.2023).
367. Herszenhorn D.M., Momtaz R. Normandy talks land in Paris but fail to deliver peace in Ukraine // Politico. 2019, December 10. URL: <https://www.politico.eu/article/normandy-talks-land-in-paris-but-fail-to-deliver-peace-in-ukraine/> (дата обращения 15.01.2024).

368. How Brussels sprouted its own unique dialect // The Economist. 2022, November 10 URL: <https://www.economist.com/europe/2022/11/10/how-brussels-sprouted-its-own-unique-dialect> (accessed 12.12.2022).
369. Hundreds of expelled Germans set to leave Russia // BBC. 2023, May 27. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-65731546> (accessed 20.04.2024).
370. Il centrodestra, Putin e la Crimea // Il Foglio. 2022, March 26. URL: <https://www.ilfoglio.it/politica/2022/03/26/news/il-centrodestra-putin-e-la-crimea-3847958/> (accessed 17.03.2024).
371. Interview – Nicholas Onuf // E-International Relations, 2014, May 9. URL: <https://www.e-ir.info/2014/05/09/interview-nicholas-onuf/> (accessed 10.04.2022).
372. Italia e Siria: potenzialità e contraddizioni // Comitato Atlantico Italiano. 2015, October 17. URL: <https://www.comitatoatlantico.it/studi/italia-e-siria-potenzialita-e-contraddizioni/> (accessed 22.03.2024).
373. Italian President Says Ukraine War Can't Be Solved By Rewarding Moscow's Aggression // Radio Free Europe. 2024, May 8. URL: <https://www.rferl.org/a/italian-president-ukraine-war-russian-aggression-un/32938123.html> (accessed 10.05.2024).
374. Italy 2020 death toll is highest since World War Two as COVID-19 hits // Reuters. 2021, March 5. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-italy-dead-idUSKBN2AX1VJ/> (accessed 22.03.2024).
375. Italy's Berlusconi says Crimea split from Ukraine was democratic // Reuters. 2015, September 27. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKCN0RR0MV/> (accessed 17.03.2024).
376. Italy's Diplomatic and Parliamentary Practice on International Law // Italy's Practice. 2019, June 30. URL: <https://italyspractice.info/2019/06/30/the-italian-governments-stance-on-the-annexation-of-crimea-and-the-sanctions-against-the-russian-federation/> (accessed 22.03.2024).

377. Italy's Draghi calls for EU price cap on Russian gas // EurActiv. 2022, August 25. URL: <https://www.euractiv.com/section/energy/news/italys-draghi-calls-for-eu-price-cap-on-russian-gas/> (accessed 24.03.2024).
378. Kirillova K. Germany's Friends of the Kremlin «Setting the Media Tone» — Reitschuster // StopFake. 2018, September 20. URL: <https://www.stopfake.org/en/germany-s-friends-of-the-kremlin-setting-the-media-tone-reitschuster/> (accessed 20.04.2024).
379. Knipp K. Merkel, Putin and Sochi // Deutsche Welle. 2017, May 2. URL: <https://www.dw.com/en/merkel-putin-aim-to-ease-diplomatic-tensions-in-sochi/a-38655283> (accessed 15.01.2024).
380. Krone M.S. Baerbock bestellt Putin-Diplomat ein // Bild. 2024, May 3. URL: <https://www.bild.de/politik/nach-cyber-angriff-auf-spd-russen-vertreter-ins-auswaertige-amt-einbestellt-6634b48c5175582a192b1a76> (accessed 10.05.2024).
381. La Cooperazione Italia – Unione Europea – Russia Il rilancio di un dialogo 217eopolíti // L'Istituto di Studi Giuridici Internazionali. 2015, November 13. URL: https://www.isgi.cnr.it/wp-content/uploads/2015/11/Documento-Convegno-13-11-15-ISGI_Cnr_con-FOTO.pdf (accessed 21.03.2024).
382. Lanzavecchia O. Italy as an energy hub. Delving into Meloni's Mattei Plan // Decode 39. 2023, February 15. URL: <https://decode39.com/5845/italy-energy-hub-meloni-mattei-plan/> (accessed 28.03.2024).
383. Le regioni italiane votano per la revoca delle sanzioni anti-russe // Top War. 2016, June 1. URL: <https://it.topwar.ru/96119-italyanskie-regiony-golosuetza-otmenu-antirossiyskih-sankciy.html> (accessed 17.03.2024).
384. Le relazioni tra Italia e Russia // Senato della Repubblica. Novembre 2018. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/pi_a_0144.pdf (accessed 17.03.2024).
385. Loguercio L. La giravolta del Movimento 5 stelle sulla Russia // Pagella Politica. 2022, March 1. URL: <https://pagellapolitica.it/articoli/la-giravolta-del-movimento-5-stelle-sulla-russia> (дата обращения 24.03.2024).

386. Marsh S., Chambers M. Germany freezes Nord Stream 2 gas project as Ukraine crisis deepens // Reuters. 2022, February 22. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/germanys-scholz-halts-nord-stream-2-certification-2022-02-22/> (accessed 20.04.2024).
387. Maynes C. Russia's Putin, Germany's Merkel Hold Talks in Moscow // Voa News. 2020, January 11. URL: https://www.voanews.com/a/europe_russias-putin-germanys-merkel-hold-talks-moscow/6182451.html (accessed 25.01.2024).
388. Mengshu Z. A Brief Overview of Alexander Wendt's Constructivism // E-International Relations, 2020, May 19. URL: <https://www.e-ir.info/2020/05/19/a-brief-overview-of-alexander-wendts-constructivism/> (accessed 10.04.2022).
389. Merkel urges Russia cooperation, honours Soviet WWII dead // France 24. 2015, May 10. URL: <https://www.france24.com/en/20150510-merkel-calls-russia-cooperation-honours-soviet-wwii-dead-ukraine-putin-germany> (accessed 10.01.2024).
390. Merkel visits Russia for first time in two years, tense meeting with Putin // France 24. 2017, May 2. URL: <https://www.france24.com/en/20170502-russia-germany-merkel-putin-visit-two-years-tense-us-election-hacking-ukraine> (accessed 15.01.2024).
391. Mikhelidze N. Italy's Response to the Russian Invasion of Ukraine // Istituto Affari Internazionali. IAI Commentaries. 2023, February 24. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/italys-response-russian-invasion-ukraine#:~:text=Following%20the%20October%202022%20leadership,in%20its%20defence%20against%20Russia> (accessed 28.03.2024).
392. Missione di Renzi prima a Kiev e poi a Mosca. Vescovi ucraini: "Abbiamo invitato il papa" // La Repubblica. 2015, February 23. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2015/02/23/news/ucraina_renzi_prima_a_kiev_e_poi_a_mosca-108003903/ (accessed 17.03.2024).

393. Missoti S.V. Le sanzioni 219eop Russia danneggiano soltanto le aziende italiane // Il quotidiano «Opinione 219eopoli». 08.08.2017. URL: <https://www.opinione-pubblica.com/roasario-alessandrello-camera-commercio-italo-russa-sanzioni-russia-italia/> (accessed 17.03.2024).
394. Mölling C., Schütz T. Preventing the Next War. Germany and NATO Are in a Race Against Time (#EDINA III) // German Council on Foreign Relations. DGAP Policy Brief. 2023, November 17. URL: <https://dgap.org/en/research/publications/preventing-next-war-edina-iii> (accessed 05.02.2024).
395. Morgan S. Romanian MEP calls for EU-funded anti-Russian propaganda project // EurActiv. 2017, May 3. URL: <https://www.euractiv.com/section/europe-s-east/news/romanian-mep-calls-for-eu-funded-anti-russian-propaganda-project/> (accessed 24.02.2024).
396. Moskau enthüllt AfD-Strategie // BILD. 2024, February 6. URL: <https://www.bild.de/bild-plus/politik/inland/politik-inland/das-ziel-ist-staatsfuehrung-moskau-enthuellt-afd-strategie-87055336.bild.html> (accessed 20.04.2024).
397. Ngendakumana P.E. Von der Leyen castigates far-right AfD over Russiagate scandal // Politico. 2024, April 13. URL: <https://www.politico.eu/article/ursula-von-der-leyen-germany-afd-russia-scandal-voice-of-europe/> (accessed 20.04.2024).
398. Nord Stream 2: Interne Dokumente belegen leere Versprechen der Groko an die Ukraine // Table Media. 2024, May 31. URL: <https://table.media/berlin/analyse/nord-stream-2-interne-dokumente-belegen-leere-versprechen-der-groko-an-die-ukraine/> (accessed 17.07.2024).
399. Nye J.S. How Sharp Power Threatens Soft Power // Foreign Affairs. 2018, January 24. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed 15.04.2023).
400. Olszański T.A., Sarna A., Wierzbowska-Miazga A. The consequences of the annexation of Crimea // Centre for Eastern Studies. 2014, March 19. URL:

- <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2014-03-19/consequences-annexation-crimea> (accessed 07.04.2023).
401. Pavlova E.B. Resilience in EU Discourse: A New Norm in Relations with Russia? // *Russia in Global Affairs*. 2019, December 25. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/resilience-in-eu-discourse-a-new-norm-in-relations-with-russia/> (accessed 22.04.2022).
402. Pezard S. et al. European Relations with Russia. Threat Perceptions, Responses, and Strategies in the Wake of the Ukrainian Crisis // *Rand Research Report*. 2017. URL: <https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/AD1054032.pdf> (accessed 08.04.2022).
403. Pop V., Fleming S., Politi J. Weaponisation of finance: how the west unleashed ‘shock and awe’ on Russia // *Financial Times*. 2022, April 6. URL: <https://www.ft.com/content/5b397d6b-bde4-4a8c-b9a4-080485d6c64a> (accessed 24.03.2024).
404. Putin incontra Renzi: «Expo punto di partenza per relazioni Italia-Russia» // *Corriere della 220eop*. 2015, June 10. URL: http://milano.corriere.it/notizie/cronaca/15_giugno_10/expo-putin-renzi-visita-a6294e1a-0f4a-11e5-aa3a-b3683df52e95.shtml (accessed 21.03.2024).
405. Rácz A. Germany’s shifting policy towards Russia: The sudden end of Ostpolitik // *FIIA BRIEFING PAPER 335*, 2022, March 17. URL: <https://www.fii.fi/en/publication/germanys-shifting-policy-towards-russia?read> (accessed 05.02.2024).
406. Rame S. Forza Italia sfida il governo: “Ora via le sanzioni 220eop Russia” // *Il Giornale*. 2015, 11 June. URL: <https://www.ilgiornale.it/news/politica/forza-italia-sfida-governo-ora-sanzioni-russia-1139526.html> (accessed 17.03.2024).
407. Rame S. Renzi ammonisce la Russia: “Una violazione inaccettabile” // *Il Giornale*. 2014, March 2. URL: <http://www.ilgiornale.it/news/interni/renzi-ammonisce-russia-violazione-inaccettabile-997741.html> (accessed 17.03.2024).

408. Reid G. European Court Condemns Russia's Gay Propaganda Law // Human Rights Watch. 2017, June 22. URL: <https://www.hrw.org/news/2017/06/22/european-court-condemns-russias-gay-propaganda-law> (accessed 08.04.2023).
409. Renzi con Putin: "Guerra fredda fuori dalla realtà. Ue ridiscuta le sanzioni contro Mosca" // La Repubblica. 2016, 17 June. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2016/06/17/news/renzi_a_putin_guerra_fredda_fuori_della_realta_-142234257/ (accessed 21.03.2024).
410. Report of the East Stratcom: critical thinking Europeans also blame Russia // Weaponews.com. 2017, January 20. URL: <https://weaponews.com/news/507-report-of-the-east-stratcom-critical-thinking-europeans-also-blame-rus.html> (accessed 17.02.2024).
411. Rettman A. France and Germany fail to coax EU into Putin's arms // EU Observer. 2021, June 25. URL: <https://euobserver.com/world/152259> (accessed 25.01.2024).
412. Rinke A., Pinchuk D. Putin, Merkel struggle to move past differences in tense meeting // Reuters. 2017, May 2. URL: <https://www.reuters.com/article/uk-russia-germany-putin-syria-idUKKBN17Y1JZ/> (accessed 15.01.2024).
413. Rothwell J. German children 'should be prepared for war' // The Telegraph UK. 2024, March 19. URL: <https://www.telegraph.co.uk/world-news/2024/03/18/german-children-should-be-prepared-for-war/> (accessed 20.04.2024).
414. 'Russia turned off the gas' – German leader // Azerbaijan 24. 2024, April 13. URL: <https://www.azerbaijan24.com/en/russia-turned-off-the-gas-german-leader/> (accessed 20.04.2024).
415. Russia Unleashes Propaganda Offensive in Italy // Financial Times. 2024, March 13. URL: <https://www.ft.com/content/186b5518-b9ea-45ae-850c-f5f5af03fd38> (accessed 28.03.2024).

416. Russia waging effective information campaign in the Caucasus – report // EurasiaNet. 2024, March 6. URL: <https://eurasianet.org/russia-waging-effective-information-campaign-in-the-caucasus-report> (accessed 15.04.2024).
417. Santangelo S., Sansoni A. A tu per tu con Henri de Grossouvre: uno sguardo geopolítico sulla crisi ucraina // Geopolitica Info. 2014, February 17. URL: <https://www.geopolitica.info/tu-per-tu-henri-de-grossouvre-uno-sguardo-geopolitico-sulla-crisi-ucraiana/> (accessed 03.03.2024).
418. Sattler J. Why Twitter Bots Still Matter in 2018 // F-Secure Blog. 2018, December 6. URL: <https://blog.f-secure.com/twitter-bots-still-matter-2018/> (accessed 17.02.2024).
419. Scholz: ‘Russia must not win this war’ // Deutsche Welle. 2022, May 19. URL: <https://www.dw.com/en/chancellor-olaf-scholz-tells-german-parliament-russia-must-not-win-this-war/a-61845874/> (accessed 25.01.2024).
420. Scholz fordert mehr Druck auf Putin // Taz. 2024, April 16. URL: <https://taz.de/Regierungsbesuch-in-China/!6004439/> (accessed 20.04.2024).
421. Seaman J. Towards a more China-centred global economy? Implications for Chinese power in the age of hybrid threats // Hybrid CoE Paper 9, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, Helsinki, Finland. 2021. URL: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2021/11/20211117_Hybrid_CoE_Paper-9_Towards_a_more_China_centred_global_economy_WEB.pdf (accessed 20.02.2024).
422. Sinitsky J. EU-Ukraine Relations Before the 2014 Maidan Revolution // E-International Relations. 2015, April 23. URL: <https://www.e-ir.info/2015/04/23/eu-ukraine-relations-before-the-2014-maidan-revolution/> (accessed 06.04.2022).
423. Smith-Spark L. Russian court imprisons Pussy Riot band members on hooliganism charges // CNN. 2012, August 17. URL: <https://edition.cnn.com/2012/08/17/world/europe/russia-pussy-riot-trial/index.html> (accessed 06.04.2022).

424. The EU Parliament has approved a resolution to counter ‘propaganda’ by Russian media // Thepeoplesvoice..2016, November 23. URL: <https://thepeoplesvoice.tv/eu-parliament-approve-resolution-to-counter-russian-propaganda/> (accessed 17.02.2024).
425. Tokariuk O. The Kremlin’s Cultural Tentacles Still Poison Italian Debate // CEPA. 2024, January 11. URL: <https://cepa.org/article/the-kremlins-cultural-tentacles-still-poison-italian-debate/> (accessed 14.04.2024).
426. Von Arendt, J. et al. Putins Helfer // Tageschau. 2024, April 3. URL: <https://www.tagesschau.de/investigativ/monitor/ukraine-mariupol-wiederaufbau-russland-100.html> (accessed 20.04.2024).
427. Von der Leyen warns Russia of gas pipeline sanctions over Ukraine // The Guardian. 2022, February 4. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/04/von-der-leyen-warns-russia-of-gas-pipeline-sanctions-over-ukraine-nord-stream-2> (accessed 20.04.2024).
428. Westphal K. Nord Stream 2 – Germany’s Dilemma // SWP Comment 2021/C 32, 30.04.2021, 8 Seiten. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021C32/> (accessed 20.04.2024).
429. Why Ukraine must win – and what to expect further ahead. Draghi’s speech // Decode 39. 2023, June 6. URL: <https://decode39.com/6987/why-ukraine-must-win-what-to-expect-mario-draghi/> (accessed 24.03.2024).
430. Wintour P., Rankin J., Connolly K. EU to ban Russian state-backed channels RT and Sputnik // The Guardian. 2022, February 27. URL: <https://www.theguardian.com/media/2022/feb/27/eu-ban-russian-state-backed-channels-rt-sputnik> (accessed 10.05.2024).
431. Zindulka K. WW3 Watch: German Foreign Minister Declares ‘We Are Fighting a War Against Russia’ // Breitbart. 2023, January 26. URL: <https://www.breitbart.com/europe/2023/01/26/ww3-watch-german-foreign-minister-declares-we-are-fighting-a-war-against-russia/> (accessed 05.02.2024).

432. Zysk K. Russia's Geopolitical Vision: a Threat to European Security // Sciences Po. 2022, April 10. URL: <https://www.sciencespo.fr/cei/fr/content/dossiersducei/russia-s-geopolitical-vision-threat-european-security> (accessed 12.12.2023).
433. Американский исследователь: «Евромайдан» организовали власти США // ТАСС. 2014. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1101479> (дата обращения 06.04.2022).
434. Арбатова Н.К. Новая стратегия безопасности ЕС // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 2016, 8 июля. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-strategiya-bezopasnosti-es/> (дата обращения 01.02.2022).
435. Архитектор Бартоломео Растрелли: 7 знаменитых проектов // РБК. 2021. URL: <https://realty.rbc.ru/news/6087dcd99a7947e97febf5e0> (дата обращения 03.03.2024).
436. Барышева Е. Что обсуждали Меркель и Путин в Кремле // Deutsche Welle. 2020. URL: <https://www.dw.com/ru/что-обсуждали-меркель-и-путин-в-кремле/a-51969885> (дата обращения 20.01.2024).
437. В ЕС сочли инакомыслие признаком «российской пропаганды» // РИА Новости. 2017. URL: <https://ria.ru/20170120/1486089857.html?ysclid=lspu8of9v6151518622> (дата обращения 17.02.2024).
438. В Италии прошел митинг противников европейских санкций против России // Первый канал. 2015. URL: https://www.1tv.ru/news/2015-06-14/19245-v_italii_proshel_miting_protivnikov_evropeyskih_sanktsiy_protiv_rossii (дата обращения 07.04.2023).
439. Вааль де Т., Янгс Р. Упорно реформировать: чем должно заниматься Восточное партнерство // Московский Центр Карнеги. 2015. URL: <https://carnegie.ru/2015/05/21/ru-pub-60173> (дата обращения 14.03.2021).

440. Гончаренко Р. Саммит на прощание: зачем Меркель встреча с Путиным?
// Deutsche Welle. 2021. URL: <https://www.dw.com/ru/sammit-na-proshhanie-pochemu-merkel-s-peshit-vstretitsja-s-putinyum/a-58111373> (дата обращения 25.01.2024).
441. Дипломатия Франции – МИД Франции. 2024. URL: https://twitter.com/francediplo_RU/status/1762520272563843252.
442. ЕС ослабил санкции против России в космической сфере // Life News. 2015. URL: <http://lifenews.ru/news/163801> (accessed 07.04.2023).
443. Захарова обвинила США и ЕС в использовании IT-технологий для провокации и пропаганды // ТАСС. 2023. URL: <https://tass.ru/politika/17645681> (дата обращения 10.05.2024).
444. История создания ЕАЭС // Qaztrade. URL: <https://qaztrade.org.kz/rus/istoriya-sozdaniya-eaes/> (дата обращения 22.04.2024).
445. Кавешников Н. Антироссийская политика Европейского союза как реакция на украинский кризис // Российский совет по международным делам. 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/antirossiyskaya-politika-evropeyskogo-soyuza-kak-reaktsiya-na-ukrainskiy-krizis/> (дата обращения 03.04.2023).
446. Лавров: выполнен только один пункт из 9 решений саммита «нормандской четверки» в Париже // ТАСС. 2020. URL: <https://tass.ru/politika/8376977> (дата обращения 22.04.2022).
447. Ларина А. Reuters: Казахстан удвоил экспорт нефти в обход российских портов // Коммерсантъ. 2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6493617> (дата обращения 18.05.2024).
448. Лихачев: мы сделали шаг навстречу ЕС, ждем ответных действий // РИА Новости. 2016. URL: <https://ria.ru/20160627/1453051246.html> (дата обращения 07.04.2023).

449. Лукьянов Ф.А. Россия и ЕС закрыли страницу в отношениях // Россия в глобальной политике. 2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-es-zakryli-straniczu/> (дата обращения 17.03.2022).
450. Морозов В. Европа: ориентация во времени и пространстве // Россия в глобальной политике. 2008. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_10944 (дата обращения 25.04.2022).
451. На переговоры — с цветами: о чем Путин говорил с Меркель // Газета Ру. 2018. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/05/18_a_11755537.shtml (дата обращения 15.01.2024).
452. Немецкие депутаты рассказали о своих планах посетить Крым // РБК. 2015. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/55bead549a7947c08f3e8d81> (дата обращения 02.02.2024).
453. Павлова Е., Романова Т. Идеюное соперничество или «треш-дискурс»? «Нормативная сила Европы» vs «Россия как великая держава» // Россия в глобальной политике. 2014. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/idejnoe-sopernichestvo-ili-tresh-diskurs/> (дата обращения 22.04.2022).
454. Переговоры Путина и Меркель длились три часа // РБК. 2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/08/2018/5b787d479a794774a5d94369> (дата обращения 15.01.2024).
455. Ренци: РФ должна играть ключевую роль в решении международных проблем // РИА Новости. 2015. URL: <http://ria.ru/world/20150929/1290017581.html> (accessed 17.03.2024).
456. Рим подтвердил запрет на использование своего оружия для ударов по РФ // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20957019> (дата обращения 31.05.2024).
457. Россия была исключена из G8, ставшей G7, после присоединения Крыма. История отношений России и G7 // ТАСС. 2019. URL: <https://tass.ru/info/6792142> (дата обращения 06.04.2022).

458. Россия окончательно вышла из-под юрисдикции ЕСПЧ // РБК. 2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/17/09/2022/632564819a7947a3b0105b6f> (дата обращения 03.04.2023)
459. Россия приняла решение о выходе из Болонской системы в 2022 г. Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснётся // РБК. 2022. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d (дата обращения 09.06.2022).
460. РСМД, ISPI и МИД Италии обсудили роль международных игроков в кризисах в регионе Ближнего Востока и Северной Африки // Российский совет по международным делам. 2019. URL: https://russiancouncil.ru/news/rsmd-isp-i-mid-italii-obsudili-rol-mezhdunarodnykh-igrokov-v-krizisakh-v-regione-blizhnego-vostoka-/?sphrase_id=139703917 (accessed 27.03.2024).
461. Светлова А. Немецкие бизнесмены призвали правительство прекратить конфликт с Россией // Газета Ру. 2021. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2021/09/24/n_16585219.shtml (дата обращения 02.02.2024).
462. Сторонники Берлускони поставили вопрос об отмене санкций против России // РИА Новости. 2015. URL: <http://ria.ru/world/20150611/1069465525.html> (accessed 17.03.2024).
463. Тимофеев И. Россия и Запад: проблема в ценностях? // Российский совет по международным делам. 2011. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-zapad-problema-v-tsennostyakh/> (дата обращения 22.04.2023).
464. Тихо и глухо // Московская Немецкая Газета. 31.05.2023. URL: <https://ru.mdz-moskau.eu/tiho-i-gluho/> (дата обращения 20.02.2024).
465. Топорков А. Трехсторонние переговоры о транзите газа через Украину провалились // Ведомости. 2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/01/21/792015-trehstoronnie-peregovori> (дата обращения 10.04.2023).

466. Укрепление связей США и Казахстана через торговлю и инфраструктуру // Власть KZ. 2024. URL: <https://vlast.kz/opinions/60185-ukreplenie-svazej-ssa-i-kazahstana-cerez-torgovlu-i-infrastrukturu.html> (дата обращения 18.05.2024).
467. Эксперт рассказал о сплочённости ЕАЭС в отличие от ЕС в условиях пандемии // ТАСС. 2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8347565> (дата обращения 15.04.2024).

Глоссарий терминов методологии исследования

Дискурс – совокупность устойчивых практик производства и интерпретации смыслов в политической коммуникации, включающих тексты, высказывания, институциональные документы и публичные заявления. В соответствии с подходом Р. Водак и Н. Фэрклоу дискурс рассматривается не только как язык, но и как социальная практика, через которую формируются представления о политических акторах, угрозах и стратегических целях⁵²⁸. Таким образом, например, дискурс о гибридных угрозах в документах ЕС представляет собой систему интерпретаций, в рамках которой определенные явления международной политики описываются как угрозы безопасности.

Нарратив – структурированная интерпретационная схема, объясняющая политические события через последовательность причин, действий и последствий. В политической коммуникации нарратив формирует целостную историю о происходящем и задает роли ключевых акторов (например, «агрессор», «жертва», «защитник»). В рамках анализа нарратив рассматривается как один из ключевых элементов политического дискурса, через который институты ЕС интерпретируют действия России и процессы в странах их стратегического интереса.

Категория – устойчивый смысловой класс, «ярлык», по которому исследователь систематически кодирует содержание текста. Термин несколько схож с нарративом, но категория задается *до* анализа (или формируется на первом этапе пилотного кодирования) и затем применяется систематически ко всему корпусу текстов, а нарратив выявляется после общего смыслового анализа.

---

⁵²⁸ Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. London: Routledge. – P. 108.

Ключ/ключевое слово – конкретное слово или выражение в тексте, которое становится начальной точкой для более расширенного анализа (например, «угроза»).

Код – аналитическая единица в контент-анализе, представляющая собой категорию или метку, присваиваемую фрагменту текста для обозначения его смыслового содержания (например, «Россия как угроза»).

Кодирование (в контент-анализе) – процедура анализа текстового материала, заключающаяся в выделении смысловых фрагментов и отнесении их к определенным категориям (кодам) для выявления повторяющихся тем, смыслов и интерпретационных паттернов.

Редукция – этап качественного контент-анализа, направленный на сокращение и обобщение текстового материала путем отбора наиболее значимых смысловых элементов и устранения второстепенной информации.

Реккурентный – часто повторяющийся, частотный, указывающий на важность определенной проблематики в тексте.

Риторические паттерны/категории – повторяющиеся языковые конструкции, метафоры и устойчивые формулировки, регулярно используемые в официальных документах и политических заявлениях. Анализ подобных паттернов позволяет выявить устойчивые способы описания угроз и политических процессов, которые закрепляются в институциональной коммуникации. В данном исследовании к таким паттернам относятся, например, формулировки «гибридные атаки», «враждебное вмешательство» и «укрепление устойчивости».

Фрейм – когнитивная рамка интерпретации, определяющую, какие аспекты события подчеркиваются, а какие остаются вне внимания. Фрейминг (процесс выявления фреймов, их смыслов и границ) позволяет политическим акторам акцентировать определенные характеристики явлений – например,

представлять энергетические отношения как «энергетическое давление» или «энергетическую зависимость»⁵²⁹.

В рамках данной работы дискурс рассматривается как наиболее широкая категория, включающая различные формы политической коммуникации. Нарративы и фреймы выступают структурными элементами, определяющими интерпретацию событий и ролей политических акторов. Риторические паттерны и коды представляют собой языковые маркеры, через которые данные нарративы и фреймы воспроизводятся в текстах и публичных заявлениях.

---

⁵²⁹ Van Dijk, T. A. Frame analysis // *Discourse Studies*. 2023. Vol. 25, No. 2. – P. 151.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Параметры политических текстов в рамках многомерного анализа политической текстосферы по А.И. Волошину

Измерение политических текстов	Бинарная оппозиция	Показатели
Субъектное измерение	единоначалие – плюрализм	<p>S=-1, абсолютный унитаризм: содержательная интенция политического текста предполагает единоначалие как лучший метод разрешения любых политических проблем;</p> <p>S=1, абсолютный релятивизм: интенция политического текста направлена на обоснование того, что плюрализм лучше подходит для управления обществом;</p> <p>S=0, альтернативность: когда содержательно допускается, что и плюрализм обладают своими достоинствами и недостатками в различных ситуациях.</p>
Профессиональное (квалификационное) измерение	непрофессионализм – профессионализм	<p>Q=-1, охлократия: содержательная интенция политического текста предполагает, что представителем власти может стать любой человек с общественной поддержкой;</p> <p>Q=1, меритократия: интенция политического текста предполагает, что представителем власти может стать только профессионально подготовленный к управленческой деятельности индивид;</p> <p>Q=0, полиархия: интенция политического текста предполагает, что субъект политического управления должен пользоваться общественной поддержкой и, при этом, желательно обладать соответствующими профессиональными навыками.</p>
Гомеостатическое измерение	несменяемость – обновляемость	<p>H=-1, абсолютная несменяемость (наследственность): содержательная интенция политического текста выражена через постулирование позиции о необходимости несменяемости власти любой ценой;</p> <p>H=1, абсолютная обновляемость: интенция политического текста выражена через идею, что персональный состав власти подлежит постоянному обновлению, включая возможность отзыва или даже ниспровержения индивидов, утративших общественное доверие;</p> <p>H=0, периодическая выборность: интенция политического текста выражена через идею, что периодическая смена власти нужна и полезна, но в рамках установленного законом порядка и при условии сохранения общественной стабильности.</p>
Объектное измерение	власть – общество	<p>O=-1, примат интересов власти (государства): содержательная интенция политического текста направлена на обоснование приоритетности интересов власти или отдельных её носителей;</p> <p>O=1, примат интересов общества (личности):</p>

		<p>интенция политического текста направлена на обоснование приоритетности интересов общества или его представителей; $O=0$, тождество интересов власти и общества:</p> <p>интенция политического текста допускает, что в целом интересы власти и интересы общества тождественны.</p>
Мотивационное измерение	иррациональность – рациональность	<p>$M=-1$, иррациональность: содержательная интенция политического текста направлена на обоснование того, что в общем лучшим побудительным мотивом при принятии любого политического решения, должна быть некоторая иррациональная идея или эмоция;</p> <p>$M=1$, рациональность: интенция политического текста направлена на обоснование того, что при принятии политического решения необходимо осуществлять трезвый рациональный расчёт;</p> <p>$M=0$, прагматическая принципиальность: когда содержательная интенция политического текста направлена на возможность примирения рационализма и иррационализма как наличия рациональности до определённой красной черты.</p>
Информационное измерение	закрытость – открытость	<p>$I=-1$, закрытость: когда содержательная интенция политического текста направлена на обоснование возможности и желательности закрытости власти от общества;</p> <p>$I=1$, открытость: интенция политического текста направлена на обоснование неограниченной подотчетности власти обществу, необходимости поддержания обратной связи;</p> <p>$I=0$, стратегическая публичность: интенция политического текста допускает большую или меньшую степень закрытости власти от общества.</p>
Деятельностное измерение	активность – пассивность	<p>$P=-1$, активность: интенция содержательно представлена обоснованием желательности функционирования власти на правах «ночного сторожа», пассивно реагирующего на социальные изменения, не стимулирующего их, но дающего возможность развиваться наиболее удобным для них способом;</p> <p>$P=1$, пассивность: содержательно представлена желательностью перехода власти на проактивные позиции, принятия ею на себя ответственности за реализацию любых сколько-нибудь общественно-значимых проектов;</p> <p>$P=0$, регулятивность: когда содержательная интенция направлена на признание того, что власть и общество в равной мере разделяют ответственность за совместное развитие.</p>
Рефлексивное измерение	единомыслие – свободомыслие	<p>$R=-1$, единомыслие: содержательная интенция политического текста направлена на признание того, что любая социальная</p>

		<p>проблема имеет не более одного варианта решения, и тот вариант, который принимает власть, единственно возможный и корректный;</p> <p>R=1, свободомыслие: интенция политического текста, ввиду стохастичности и вариативности политической действительности, направлена на признание возможности существования более чем одного ответа на политический вопрос;</p> <p>R=0, публичная этичность: интенция политического текста направлена на постулирование свободомыслия, за исключением отдельных концептов, признаваемых недопустимыми или аморальными.</p>
Инструментальное измерение	традиционализм – инновационность	<p>T=-1, традиционализм: в случае содержательно-интенционного ориентирования на использование консервативного подхода к принятию политических решений;</p> <p>T=1, инновационность: в случае содержательно-интенционного ориентирования на поиск новых путей решения задач политического управления;</p> <p>– T=0, доказательный прогрессизм: в случае содержательно-интенционного ориентирования на рациональную оценку баланса возможных выгод и потерь при использовании консервативных и инновационных практик.</p>
Эксплуатационное измерение	интенсивность – экстенсивность	<p>– E=-1, экстенсивность: в случае содержательно-интенционного предпочтения методов экстенсивного роста, предполагающих решение политической проблемы за счёт привлечения большего количества ресурсов;</p> <p>– E=1, интенсивность: в случае содержательно-интенционного предпочтения методов интенсивного роста, предполагающих решение политической проблемы за счёт более эффективного использования ограниченного количества ресурсов;</p> <p>– E=0, расширительная эффективность: в случае достижения баланса экстенсивности и интенсивности.</p>

Источник: Волошин А.И. Многомерный анализ политической текстосферы в рамках политической текстологии // Электронный Вестник Московского государственного областного университета. 2014. №4(2). URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/845/842>

А. Кодбук: анализ основополагающих документов ЕС

Код	Определение	Пример из текста	Комментарий
Democracy/демократия	Все формы слова democracy, democratic, democratically, democratisation. Включает прямые упоминания демократии как ценности, принципа, цели или институциональной характеристики ЕС	«The Union is founded on the principles of liberty, democracy , respect for human rights and fundamental freedoms»/«Союз основан на принципах свободы, демократии, уважения к правам человека и основным свободам». (Маастрихтский договор, ст. 6)	Демократия выступает как ключевой нормативный ориентир: в ранних договорах — то <u>внутренняя</u> ценность ЕС, закрепленная в учредительных документах; в позднейших стратегических документах (Лаакен, Глобальная стратегия 2016) — экспортируемая норма, продвигаемая вовне. Динамика смещения акцентов (от «демократии внутри» к «продвижению демократии») отражает расширение нормативных претензий ЕС.
threat(s)/угроза(ы)	Все формы слова threat и threats. Включает любые упоминания угроз — безопасности, ценностям, стабильности, идентичности, — независимо от источника и направленности.	«The key threats facing Europe: terrorism, proliferation of weapons of mass destruction, regional conflicts, state failure, organised crime» / «Ключевые угрозы, стоящие перед Европой: терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные конфликты, несостоятельность государств, организованная преступность». (Европейская стратегия безопасности 2003)	Термин «угроза» конструирует семантику опасности и секьюритизации. В ранних правовых договорах (Маастрихт, Амстердам) присутствует редко и в техническом контексте; в стратегических документах (ЕСБ 2003, Глобальная стратегия 2016) — центральный концепт, структурирующий представление о внешнем мире как враждебном. Рост частотности отражает переход ЕС к «геополитическому» дискурсу безопасности.
cooperation/сотрудничество	Все формы слова cooperation и cooperate, cooperating. Включает межгосударственное сотрудничество, сотрудничество в сферах политики, безопасности, правосудия, экономики.	«Closer cooperation between police forces, customs authorities and other competent authorities» / «Более тесное сотрудничество между правоохранительными органами, таможенными органами и другими компетентными органами». (Маастрихтский договор, ст. 29)/	Сотрудничество — базовый механизм интеграции. В договорах (особенно ДФЕС) термин носит технически-правовой характер и описывает конкретные процедуры; в декларациях и стратегиях приобретает нормативную нагрузку («сотрудничество как метод решения общих проблем»). Исключительно высокая частотность в ДФЕС отражает его характер как

			операционального правового текста.
unity/единство	Слова <i>unity, unified, unification</i> в значении сплоченности, единства государств-членов или народов Европы.	«The Council shall ensure the unity , consistency and effectiveness of action by the Union»/ «Совет должен обеспечивать единство, последовательность и эффективность действий Союза». (Маастрихтский договор, ст. 13)	«Единство» выполняет двойную функцию: как конституирующий нарратив (объединение Европы после войн) и как операциональный принцип внешней политики (единый голос ЕС на международной арене). В Лаакенской декларации акцент смещается на категорию «единство» как достижение расширения; в Глобальной стратегии 2016 — как условие геополитической дееспособности.
resilience/устойчивость ⁵³⁰	Ключевые слова: <i>resilience, resilient, resiliency</i> . Включает упоминания устойчивости государств, обществ, институтов, экономик к внешним и внутренним вызовам.	«We will foster the resilience of states and societies to its East and South» / «Мы будем способствовать повышению устойчивости государств и обществ как на востоке, так и на юге». (Глобальная стратегия ЕС, 2016)	В ранних договорах (Маастрихт, Амстердам, Лиссабон) термин практически отсутствует или встречается лишь в контексте «устойчивого развития» — экономической, а не политической категории. Подлинный семантический взрыв происходит в Глобальной стратегии 2016 (14 упоминаний): устойчивость становится центральной концепцией внешней политики ЕС — ответом на нестабильность соседства и гибридные угрозы. Это лингвистически маркирует переход ЕС от нормативного к «реалистически-оборонительному» дискурсу.
human rights/права человека	Устойчивое сочетание <i>human rights</i> во всех формах. Включает как прямые упоминания, так и формулы «фундаментальные права», «уважение прав человека», «права меньшинств».	«The Union is founded on the principles of liberty, democracy, respect for human rights and fundamental freedoms» / «Союз основан на принципах свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод (Амстердамский договор, с. 8)	Права человека — наиболее устойчивый и сквозной код всего корпуса. В договорах (Маастрихт–Лиссабон) он является конституирующей ценностью ЕС, определяющим фактором функционирования ЕС как внутри, так и вовне.

⁵³⁰ Данный код не анализировался в документах, связанных с Россией (раздел Б), так как термин стал активно внедряться в именно общих документах ЕС и практически не использовался в исследуемом корпусе документов.

Normative/нормативный	Словоформы normative, norm, norms, включая устойчивую фразу normative power	«...the EU as a normative power... norm-based international order » / «...ЕС как нормативная держава... международный порядок, основанный на нормах» (Глобальная стратегия ЕС, 2016)	В ранних договорах «норма» и «нормативный» присутствуют преимущественно как технико-правовые термины (нормы Сообщества, нормативные акты). В стратегических документах (ENP 2003, Глобальная стратегия 2016) термин приобретает политологическое измерение: ЕС позиционирует себя как «нормативную силу» (normative power), продвигающую универсальные нормы вовне.
------------------------------	---	---	---

Количественный анализ кодов

№	Документ	Год	democracy	threat(s)	cooperation	unity	resilience	human rights	normative
1	Маастрихтский договор (консолидированная версия)	1997	12	2	16	3	2	8	3
2	Амстердамский договор	1997	5	2	14	2	1	7	2
3	Лаакенская декларация	2001	16	3	5	3	1	5	3
4	Ниццкий договор	2001	5	1	12	2	1	3	2
5	Европейская стратегия безопасности	2003	5	16	4	1	1	7	4
6	«Расширяющаяся Европа» (ENP)	2003	9	5	9	1	1	7	6
7	Лиссабонский договор	2007	10	4	12	5	1	10	3
8	ДФЕС	2012	3	2	27	1	1	6	3
9	Глобальная стратегия ЕС	2016	16	15	16	5	14	9	12

Б. Кодбук: анализ основополагающих документов ЕС, связанных с Россией

Код	Определение	Пример из текста	Комментарий
democracy / демократия	Все словоформы: democracy, democratic, democratically; демократия, демократический, демократических, демократизация. Включает прямые упоминания демократии как ценности, условия, цели или принципа партнёрства.	«Уважение демократических принципов и прав человека... составляет существенный элемент партнёрства и настоящего Соглашения» (СПС, 1994)	В документах 1994–2007 гг. демократия фигурирует как условие равноправного партнёрства — общая ценность, которую Россия признает, присоединяясь к европейским нормам. В документах 2012 г. ЕП (A7-0338) акцент смещается: демократия превращается в требование-условие, которому, по мнению ЕС, Россия не отвечает, что легитимизирует критику и осторожность в переговорах. К 2014 г. (Решение

			Совета) термин почти исчезает: документ сугубо санкционный, язык — юридически-технический.
threat(s) / угроза	Все словоформы: threat, threats, threatening; угроза, угрозы, угрожающий, угрожать. Охватывает любые упоминания угроз — безопасности, суверенитету, стабильности или территориальной целостности.	«...address the global and regional challenges and key threats of today, notably terrorism, the proliferation of WMD...»/ «...противодействовать глобальным и региональным вызовам и ключевым угрозам современности, в частности терроризму, распространению оружия массового уничтожения...» (Дорожная карта по безопасности, 2005)	В совместных документах (СПС, Дорожные карты) угрозы — <u>общие вызовы</u> , на которые Россия и ЕС должны реагировать совместно (терроризм, региональные конфликты). В Решении Совета 2014 г. семантика меняется радикально: угроза в тексте документа исходит от России, что означает полный разрыв нарратива сотрудничества.
cooperation / сотрудничество	Все словоформы: cooperation, cooperate, cooperating; сотрудничество, сотрудничать, сотрудничества. Включает любые форматы взаимодействия — политического, экономического, в области безопасности, культуры.	«Обеспечение основы для экономического, социального, финансового и культурного сотрудничества » (СПС, 1994)	Сотрудничество — структурообразующий концепт этого комплекса документов. Максимальная частотность в операциональных документах (СПС, Дорожная карта по безопасности, резолюция ЕП 2012): они подробно описывают механизмы взаимодействия. В Решении Совета 2014 г. практически отсутствует — символический разрыв нарратива партнерства.
unity / единство	Словоформы: unity, unified, unification; единство, единого, единой, единую. Включает единство ЕС как политического актора, единство ценностей и единство общих пространств.	«...stress the importance of the Union negotiating as a single body » / «...подчеркнуть важность того, чтобы Союз вел переговоры как единый орган» (Резолюция ЕП 2012, A7-0338)	В кооперативных документах (Дорожные карты) «единство» отсылает к строительству общего, <u>неделимого</u> пространства безопасности — нейтральный нарратив равноправных партнёров. В резолюции ЕП 2012 единство переформулируется как сплоченность ЕС перед лицом России, способной работать с отдельными государствами-членами в обход институтов — что уже маркирует нарастание недоверия.
human rights/права человека	Устойчивые сочетания human rights и права человека во всех падежных формах. Включает как прямые упоминания, так и формулы «фундаментальные права», «уважение прав человека», «права меньшинств».	«Уважение демократических принципов и прав человека... составляет существенный элемент партнёрства» (СПС, 1994)	В документах ЕС–Россия — это условие партнерства, апелляция к которому постепенно перерастает в инструмент критики. Пик в резолюции ЕП 2012 (26) отражает превращение прав человека из «разделяемого принципа» в «линию разлома»: несоответствие России этому стандарту становится главным аргументом против нового соглашения.
normative / нормативный	Словоформы: normative, norm, norms; нормативный, нормативного, норма, нормы, норм. Включает «нормативный порядок», «нормы международного	«Активизировать сотрудничество для содействия сближению норм регулирования...» («Дорожная карта» по общему экономическому пространству)	В документах ЕС–Россия (Дорожная карта по безопасности, Резолюция ЕП 2012) нормы международного права выдвигаются как критерий оценки поведения России — что

	права», «нормативная база», «нормативная сила».		обнажает асимметрию нормативных притязаний сторон.
--	--	--	---

Количественный анализ кодов

№	Документ	Год	democracy	threat(s)	cooperation	unity	human rights	normative
1	Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве ЕС–Россия (СПС)	1994	11	2	26	2	14	5
2	Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия–ЕС	2004	3	2	10	1	2	2
3	Дорожные карты четырёх общих пространств (сводный документ)	2005	4	2	6	3	9	5
4	Дорожная карта по общему пространству внешней безопасности	2005	6	8	36	1	11	8
5	Совместное заявление о расширении ЕС и отношениях Россия–ЕС	2007	5	3	10	1	3	4
6	Меморандум о взаимопонимании (региональный диалог)	2007	2	1	8	1	3	3
7	<i>EU–Russia relations: towards a new agreement?</i> (EP Think Tank)	2012	5	2	6	1	5	3
8	Резолюция ЕП о переговорах по новому Соглашению ЕС–Россия	2012	10	4	32	2	26	8
9	Council Decision 2014/145/CFSP (санкции по Украине)	2014	1	2	1	1	2	3

А. Кодбук: анализ внешнеполитических документов ЕС о России
в 2014-2016 гг.

Код	Определение	Пример из текста	Комментарий
pressure/давление	Словоформы pressure, pressures. Включает политическое, экономическое, военное и энергетическое давление одного актора на другого.	«EU resilience to Russian pressure and threats» / «Устойчивость ЕС к давлению и угрозам со стороны России» (EP Think Tank, 2016)	В ранних документах (Совместное заявление 2014) pressure отсутствует как концепт: язык ещё дипломатический. С 2014–2015 гг. термин закрепляется как описание систематической тактики России с точки зрения ЕС — энергетический шантаж, торговые эмбарго, демонстрация военной силы. К 2016 году «давление» становится одним из пяти структурообразующих принципов в отношениях ЕС-Россия (документ EP Think Tank).
Destabilization/ дестабилизация	Все словоформы destabilise, destabilising, destabilisation, destabilize. Включает намеренные действия по подрыву стабильности государств и регионов.	«deliberate actions aimed at destabilizing its neighbours» / «преднамеренные действия, направленные на дестабилизацию соседних стран» (EP Resolution 2015)	Ключевой код, маркирующий переосмысление роли России: от «трудного партнера» (2012) к «актору дестабилизации». Максимальная частотность в резолюции 2015 (14) — момент кодификации стратегического разрыва с Россией. Семантически связан с «гибридной войной» — дестабилизация как невоенный инструмент агрессии.
Militarization/ милитаризация	Словоформы militarise, militarize, militarisation, militarization. Военное наращивание, перевод гражданских / спорных территорий под военный контроль.	«Russia militarized the peninsula and warned against any outside intervention» / «Россия милитаризовала полуостров и предостерегла от любого внешнего вмешательства». (Joint statement on Crimea)	Концепт присутствует описательно, сам термин часто заменяется перифразами («military build-up», «military presence», «armed forces»). Показательный выбор фраз: ЕС избегает прямой «милитаризации» языка в официальных документах.
international law/международное право	Устойчивое сочетание international law в полной форме.	«Russia's direct and indirect military intervention in Ukraine violates international law including the UN Charter» / «Прямое и косвенное военное вмешательство России в Украину нарушает международное право, включая Устав ООН». (EP Resolution 2014)	Центральный нормативный якорь всего корпуса. Апелляция к «международному праву» выполняет функцию легитимации санкций и осуждения. Примечательно, что Совместное заявление 2014 о Крыме ссылается на него 5 раз на ~150 слов — это маркер исключительной плотности нормативного языка в момент кризиса.
conflict/конфликт	Словоформы conflict, conflicts. Любые вооруженные	«escalation of the conflict in eastern	В 2014–2015 гг. слово применяется осторожно — ЕС

	конфликты, «замороженные» конфликты, конфликтные ситуации.	Ukraine» / «эскалация конфликта на востоке Украины» (EP Resolution 2014)	избегает слова «война», предпочитая «конфликт» (что смягчает юридические и политические последствия). К 2015 году («frozen conflicts» в Грузии, Молдове, Нагорном Карабахе) термин расширяется: речь уже не только об Украине, но о системном паттерне, в котором рассматривается политика России.
territorial integrity/ территориальная целостность	Устойчивое сочетание territorial integrity в полной форме.	«The solution to the crisis must be based on the territorial integrity , sovereignty and independence of Ukraine» / «Решение кризиса должно основываться на территориальной целостности, суверенитете и независимости Украины». (Совместное заявление о Крыме, 2014)	Наряду с international law — самый плотный нормативный якорь. Пик в резолюции 2015 (10) отражает период, когда ЕС наиболее активно строит систему санкций вокруг территориальной целостности Украины. Риторическая конструкция «суверенитет, территориальная целостность и независимость» воспроизводится почти дословно во всех шести документах.
propaganda/ пропаганда	Слово propaganda в полной форме. Включает государственную пропаганду, дезинформацию, манипуляцию СМИ.	«development of strengthened analytical and monitoring capabilities of Russian propaganda » / «развитие усиленных аналитических и мониторинговых возможностей российской пропаганды» (EP Resolution 2015)	В 2014 году практически отсутствует (Совместное заявление использует юридический, а не коммуникативный язык). Нарастание с 2015 (7 раз) до 2016 (5 раз в коротком тексте) отражает «пропагандный поворот» в европейском дискурсе: борьба с дезинформацией становится самостоятельным направлением политики ЕС.
condemn/осуждать	Все словоформы condemn, condemns, condemned, condemning. Официальное осуждение действий или актора.	« Strongly condemn the Russian Federation for waging an undeclared 'hybrid war' against Ukraine» / «Решительно осуждает Российскую Федерацию за ведение необъявленной «гибридной войны» против Украины» (EP Resolution 2014)	Перформативный глагол политического дискурса, производящий осуждение как институциональный акт. Нарастание от 5 (Совместное заявление 2014) до 11 (резолюция 2015) отражает эскалацию: каждое новое нарушение требует нового осуждения. Многократное использование в одном документе создает кумулятивный риторический эффект «реестра обвинений».
threat(s)/угроза(ы)	Словоформы threat, threats.	«a threat not only to the unity and independence of Ukraine, but to the whole European continent» / «угроза не только единству и независимости Украины, но и всему европейскому	Показывает последовательное переопределение России: от «трудного партнера» с угрозами в общем региональном контексте (2014) — к системному источнику угрозы для ЕС, его соседей и европейского порядка безопасности (2015–

		континенту». (EP Resolution 2014)	2016). Динамика роста упоминаний отражает этапы радикализации дискурса.
--	--	-----------------------------------	---

Количественный анализ кодов

№	Документ	Год	pressure	destabilization	militarization	international law	conflict
1	Joint statement on Crimea	2014	2	2	1	5	1
2	EU restrictive measures	2014	5	5	1	6	5
3	Situation in Ukraine (resolution)	2014	6	12	2	8	7
4	State of EU-Russia relations	2015	7	14	1	9	10
5	Europe's strategy towards Russia	2016	6	4	1	3	4
6	The EU's Russia policy: Five guiding principles	2016	8	4	1	2	3

№	Документ	Год	territorial integrity	propaganda	condemn	threat(s)
1	Joint statement on Crimea	2014	7	1	5	2
2	EU restrictive measures	2014	6	1	4	3
3	Situation in Ukraine (resolution)	2014	6	4	6	9
4	State of EU-Russia relations	2015	10	7	11	10
5	Europe's strategy towards Russia	2016	1	4	4	5
6	The EU's Russia policy: Five guiding principles	2016	2			

Б. Кодбук: анализ внешнеполитических документов ЕС о России в 2017-2022 гг.

Код	Определение	Пример из текста	Комментарий
aggression/ агрессия	Все словоформы: aggression, aggressive, aggressiveness, aggressors, aggressively. Включает военную, гибридную и политическую агрессию государства.	«The EU measures have increased Russia's cost of further aggression and constrained the further use of military capabilities and expansion in Ukraine» / «Меры ЕС увеличили цену дальнейшей агрессии России и ограничили дальнейшее использование военных возможностей и экспансию на Украине». (Joint Communication, 2021)	Ключевой маркер сдвига в дискурсе ЕС: в декларации 2018 г. о Грузии термин почти отсутствует (дипломатическая осторожность), в 2019 г. появляется как устойчивый концепт, а к 2021 г. становится центральным — с максимальной частотностью (16). Используется как юридически-политический ярлык, легитимирующий санкционную политику ЕС.

<p>human rights/права человека</p>	<p>Устойчивое двусловное сочетание human rights (права человека). Включает права человека как ценность, условие, предмет нарушения и инструмент критики.</p>	<p>«strongly condemns human rights violations carried out by Russian representatives on the occupied territories» / «решительно осуждает нарушения прав человека, совершаемые российскими представителями на оккупированных территориях» (EP Resolution 2019)</p>	<p>Наиболее частотный код в аналитических/резолютивных документах (24 в резолюции 2019). В декларации о Грузии 2018 и в резолюции по науке 2019 — практически отсутствует, что подчеркивает жанровую специфику. Пик в 2019 и 2021 отражает превращение прав человека в центральный инструмент критики российской политики.</p>
<p>destabilization/ дестабилизация</p>	<p>Все словоформы: destabilise, destabilising, destabilisation, destabilize, destabilization. Намеренные действия по подрыву стабильности государств, обществ и институтов.</p>	<p>«Russia's attempts to weaken and destabilise EU Member States and their neighbours» / «Попытки России ослабить и дестабилизировать государства-члены ЕС и их соседей» (Joint Communication, 2021)</p>	<p>Пик частотности в Joint Communication 2021 (8) при высоком уровне в резолюции 2019 (7). Характерно, что даже краткая декларация 2018 г. содержит этот концепт, хотя и в одном упоминании — что указывает на его раннее вхождение в официальный дискурс ЕС по Грузии/Украине ещё до 2014 г.</p>
<p>threat(s)/ угроза(ы)</p>	<p>Словоформы: threat, threats. Угрозы безопасности, суверенитету, правопорядку, ценностям ЕС.</p>	<p>«Russia's systematic hybrid threats require strong deterrence» / «Системные гибридные угрозы со стороны России требуют мощного сдерживания». (EP Resolution 2019)</p>	<p>Максимальная частотность в резолюции 2019 (15), что отражает широкий спектр угроз, зафиксированных ЕП: военные угрозы, ядерная риторика, кибератаки, финансовое давление. В Joint Communication 2021 — снижение (6): документ более аналитичен и оперирует «агрессией» как более точным термином.</p>
<p>concern/обеспокоенность</p>	<p>Все словоформы: concerned, concern, concerns, concerning. Выражение институциональной обеспокоенности состоянием дел, нарушениями, тенденциями.</p>	<p>«Is deeply concerned about the links between the Russian Government and the extreme right and populist nationalist parties» / «Глубоко обеспокоен связями между российским правительством и крайне правыми и популистскими националистическими партиями». (EP Resolution 2019)</p>	<p>Маркер дипломатической озабоченности, сигнализирующий об институциональной тревоге без прямого осуждения. В документах по науке (2019) и энергетике — технический дискурс: «concerns» о визовых режимах, правовых рисках. В резолюции 2019 (14) — формула нарастающей эскалации: каждое слово concern предшествует новому требованию.</p>
<p>cooperation/ сотрудничество</p>	<p>Все словоформы: cooperation, cooperate, cooperating, cooperative, cooperatively. Политическое, научное, экономическое, гуманитарное взаимодействие.</p>	<p>«continued to facilitate cooperation with the Russian Federation in common science and technology priority areas» / «продолжили содействовать сотрудничеству с Российской Федерацией в приоритетных областях общей науки и техники» (EP resolution на продление, 2019)</p>	<p>Принципиально различные смысловые нагрузки в зависимости от жанра: в резолюции по науке (10) и документе по ЭХТ (11) — сугубо техническое содержание (научный обмен, энергетика); в Joint Communication 2021 (18) — «селективное взаимодействие» как один из трех стратегических принципов ЕС. Высокая частотность cooperation при одновременно высокой aggression в 2021</p>

			отражает двойственность стратегии ЕС и отсутствие факта полного разрыва связей.
--	--	--	---

Количественный анализ кодов

№	Документ	Год	aggression	human rights	destabilization	threat(s)	concerned	cooperation
1	Declaration by the High Representative on the 10th anniversary of the Russia-Georgia conflict	2018	2	1	1	2	2	2
2	EP resolution on the state of EU-Russia political relations	2019	6	24	7	15	14	13
3	Russia and the Energy Charter Treaty (EP Think Tank)	2019	1	1	2	2	6	11
4	EP legislative resolution on renewal of EU-Russia science and technology agreement	2019	1	1	1	1	1	10
5	Joint Communication EU-Russia relations: Push back, constrain and engage	2021	16	18	8	6	10	18

В. Кодбук: анализ внешнеполитических документов ЕС о России в 2022-2024 гг.

Код	Определение	Пример из текста	Комментарий
aggression/агрессия	Все словоформы: aggression, aggressive, aggressiveness, aggressors, aggressively. Любые упоминания вооруженной, военной, гибридной агрессии, а также агрессора как субъекта.	«Condemns in the strongest possible terms the Russian Federation's illegal, unprovoked and unjustified military aggression against and invasion of Ukraine» / «Самым решительным образом осуждает незаконную, неспровоцированную и неоправданную военную агрессию и вторжение Российской Федерации в Украину». (EP Resolution, 1 March 2022)	Центральный концепт всего корпуса. Постепенно вытесняет более осторожные формулировки («конфликт», «кризис», «дестабилизация»), которые доминировали до 2022 года. Максимальная частотность в резолюции ЕП от 1 марта 2022 г. (20) отражает исторический момент — первую реакцию на событие. В правовых и институциональных документах термин фиксирует юридическую ответственность России с позиции ЕС.
territorial integrity/территориальная целостность	Устойчивое сочетание territorial integrity в полной форме. Включает прямые упоминания неприкосновенности границ Украины, Грузии и других государств.	«Demands that Russia fully respect Ukraine's territorial integrity , sovereignty and independence within its internationally recognised borders»/ «Требует от России полного уважения территориальной целостности, суверенитета и независимости Украины в пределах ее международно признанных	Второй по значимости нормативный якорь наряду с <i>international law</i> . Формула «суверенитет, территориальная целостность и независимость в международно признанных границах» воспроизводится практически дословно во всех документах — это маркер институционального консенсуса и

		границ». (EP Resolution, 1 March 2022)	текстологического контроля. Пик в заключениях Европейского совета от 27 июня 2024 г. (8) означает нарастание нормативного акцента по мере продолжения войны.
international law/международное право	Устойчивое сочетание international law. Включает отсылки к нормам международного права, Уставу ООН, Хельсинкскому акту.	«Russia is grossly violating international law and the principles of the UN Charter and undermining European and global security» / «Россия грубо нарушает международное право и принципы Устава ООН, подрывая европейскую и глобальную безопасность». (European Council, 24 March 2022)	Функционирует как главный нормативный якорь, через который Россия квалифицируется как нарушитель, а санкции — как законный ответ. Особенно плотное использование в резолюции ЕП (9) и в первых заключениях Евросовета: чем острее кризис, тем интенсивнее апелляция к международно-правовым нормам.
norms/нормы	Словоформы norm, norms, normative. Нормы международного права, нормы демократии, нормативный порядок.	«violations of these sanctions undermine international law and the EU's legal norms » / «нарушения этих санкций подрывают международное право и правовые нормы ЕС». (документы о санкциях)	Документы описывают конкретные нормы (международное право, Устав ООН). Относительный пик в правовых документах (Council Decision 2022/2332: 6) отражает их технико-нормативную природу, в то время как нормативная сила больше присутствует в документах по странам, исследуемых далее в работе.
condemn/осуждать	Все словоформы: condemn, condemns, condemned, condemning. Официальное осуждение действий государства.	« Condemns in the strongest possible terms Russia's illegal, unprovoked and unjustified military aggression» / «Самым решительным образом осуждает незаконную, неспровоцированную и неоправданную военную агрессию России». (документы о санкциях)	Самый перформативный глагол корпуса. Формула «condemn in the strongest possible terms» воспроизводится почти дословно во всех политических документах — это знак максимальной институциональной интенсивности осуждения и акцента на эмоциональный, «живой» характер коммуникации по данному вопросу. Максимум в резолюции ЕП 1 марта 2022 (11).
threat(s)/угроза(ы)	Словоформы threat, threats, threatening. Угрозы безопасности, суверенитету, международному порядку.	«Russia will continue to represent an ever-present threat of aggression on the European continent» / «Россия и впредь будет представлять собой постоянную угрозу агрессии на европейском континенте». (Joint Motion, Feb 2024)	Характерно сочетание с <i>aggression</i> и <i>security</i> в одних и тех же предложениях — что формирует устойчивый семантический кластер «агрессия–угроза–безопасность». Нарастание к 2024 г. отражает переход от описания конфликта как события к его интерпретации как системной угрозы континентальной безопасности.

security/безопасность	Слово <i>security</i> . Включает европейскую безопасность, коллективную безопасность, энергетическую безопасность.	«Russia is grossly violating international law and the principles of the UN Charter and undermining European and global security and stability» / «Россия грубо нарушает международное право и принципы Устава ООН, подрывая европейскую и глобальную безопасность и стабильность». (European Council, 24 March 2022)	Наиболее широко распространённый код после <i>aggression</i> . В документах 2022 г. <i>security</i> преимущественно описывает угрозы; к 2024 г. смещается к проактивному дискурсу — что строить, как укреплять. Максимум в резолюции ЕП 1 марта 2022 (13).
democracy/ демократия	Все словоформы: <i>democracy, democratic, democratically</i> . Демократия как ценность, цель и предмет угрозы.	«This was an attack, not just against Ukraine, but against freedom, self-determination, and democracy » / «Это было нападение не только на Украину, но и на свободу, самоопределение и демократию». (EU Solidarity Ukraine, Commission)	В корпусе 2022–2024 гг. <i>democracy</i> занимает иную позицию, чем в ранних документах: теперь это не условие партнерства, а ценность под угрозой. Максимум в заключениях Евросовета 24 марта 2022 (10), что отражает мобилирующий нарратив противостояния.
victory (winning) / победа	Словоформы: <i>victory, win, winning, prevail, defeat</i> (в значении победы над Россией или недопущения победы России).	«It is in the vital interest of the EU and its Member States to ensure Ukraine's victory » / «В жизненно важных интересах ЕС и его государств-членов обеспечить победу Украины». (Joint Motion, Feb 2024)	Уникальный код для данного периода. До 2024 г. официальные документы ЕС избегали слова <i>victory</i> . Его появление в резолюции ЕП февраля 2024 г. (и формула «Russia must not prevail » в более поздних документах) — маркер дискурсивного сдвига от «поддержки права Украины на самооборону» к прямой формулировке цели войны.
unity / единство	Словоформы <i>unity, united, unification, unify, unifying</i> (за исключением собственного имени United Nations). Сплоченность ЕС и союзников как политический и стратегический актив.	«The continued unanimous rollover of sanctions demonstrates EU unity and credibility» / «Продолжающееся единогласное продление санкций демонстрирует единство и доверие к ЕС». (European Council conclusions, 30 May 2022)	В отличие от <i>consensus, unity</i> — нормативный и риторический концепт, присутствующий именно в политических документах. Функционирует на двух уровнях: (1) внутреннее единство — сплоченность государств-членов ЕС как условие эффективности санкций и поддержки Украины; (2) трансатлантическое единство — консолидация с НАТО и союзниками против России. Пики в заключениях Евросовета 24 марта 2022 и резолюции ЕП 1 марта 2022 (по 6) отражают период максимальной риторической мобилизации.

Количественный анализ кодов

№	Документ	Год	aggression	territorial integrity	international law	norms	condemn
1	EU response to Russia's invasion of Ukraine (EU solidarity webpage, EC)	2022	7	1	1	1	2
2	EP declares Russia state sponsor of terrorism (ЕП, пресс-релиз)	2022	8	1	3	1	6
3	EU sanctions against Russia following invasion (EC overview page)	2022	10	4	3	1	2
4	Proposal Council Decision Art. 83 TFEU — violations of sanctions as EU crime	2022	4	1	2	4	1
5	Council Decision 2022/2332 — violation of sanctions as EU crime (юрид. текст)	2022	3	1	2	6	1
6	EP resolution on Russian aggression against Ukraine (1 March 2022)	2022	20	6	9	3	11
7	European Council conclusions on Ukraine (30 May 2022)	2022	6	4	3	1	3
8	EU adopts sanctions over annexation of Donetsk, Luhansk, Zaporizhzhia, Kherson	2022	4	6	3	1	6
9	European Council conclusions on Russian military aggression against Ukraine (24 March 2022)	2022	12	5	5	1	6
10	European Council meeting (27 June 2024) — Conclusions	2024	5	8	2	3	4
11	Joint Motion EP — unwavering EU support for Ukraine, 2 years of aggression	2024	15	4	4	1	6

№	Документ	Год	threat(s)	trust	security	democracy	victory / winning	unity
1	EU response to Russia's invasion of Ukraine (EU solidarity webpage, EC)	2022	2	1	4	4	3	1
2	EP declares Russia state sponsor of terrorism (ЕП, пресс-релиз)	2022	4	1	3	5	6	4
3	EU sanctions against Russia following invasion (EC overview page)	2022	3	1	4	2	4	4
4	Proposal Council Decision Art. 83 TFEU — violations of sanctions as EU crime	2022	2	1	2	2	2	1
5	Council Decision 2022/2332 — violation of sanctions as EU crime (юрид. текст)	2022	1	1	1	1	1	0

6	EP resolution on Russian aggression against Ukraine (1 March 2022)	2022	6	1	13	8	3	6
7	European Council conclusions on Ukraine (30 May 2022)	2022	2	1	3	3	3	4
8	EU adopts sanctions over annexation of Donetsk, Luhansk, Zaporizhzhia, Kherson	2022	3	1	3	2	3	4
9	European Council conclusions on Russian military aggression against Ukraine (24 March 2022)	2022	4	1	9	10	3	6
10	European Council meeting (27 June 2024) — Conclusions	2024	2	1	7	8	4	6
11	Joint Motion EP — unwavering EU support for Ukraine, 2 years of aggression	2024	6	1	8	7	6	2

А. Кодбук: анализ документов по кейсу Германии в контексте взаимодействия ЕС и России⁵³¹

Код	Языки и словоформы	Определение	Пример из текста	Комментарий
сотрудничество / cooperation / Zusammenarbeit	EN: cooperation, cooperate, cooperative; DE: Zusammenarbeit, Kooperation; RU: сотрудничество, сотрудничать	Любые упоминания двустороннего или многостороннего взаимодействия между Германией и Россией — политического, экономического, энергетического, культурного.	« <i>Es braucht eine EU, die sich in der Blockkonfrontation unabhängig macht und ohne Doppelstandards Völkerrecht und Menschenrechte achtet – und überall für Gerechtigkeit, Kooperation und Demokratie eintritt.</i> » / «Нужен ЕС, который освобождается от блокового противостояния, соблюдает международное право и права человека без двойных стандартов — и повсеместно выступает за справедливость, сотрудничество и демократию. (Für einen gerechten Frieden in der Ukraine)	Доминирующий код в документах 2015–2021 гг.: структурообразующий концепт германо-русской политики в период «Wandel durch Handel» (Изменение посредством торговли). После 24 февраля 2022 г. резко снижается: речь Шольца (1) и страница МИД ФРГ (2) фиксируют прекращение сотрудничества с государственными структурами России.
диалог / dialogue / Dialog / Gespräch	EN: dialogue, dialog; DE: Dialog, Gespräch, Verhandlung; RU: диалог	Все упоминания двусторонних переговоров, политического диалога, дипломатического общения.	«"Я всегда считала: даже если есть серьезные разногласия — нужно продолжать говорить "» — А. Меркель (Reuters/Rinke, 2017)	Код, характерный для дипломатического нарратива Ангелы Меркель: <i>диалог</i> она использует как самоценный принцип («даже в условиях разногласий»). В документах 2015–2021 гг. присутствует стабильно. В речи Шольца 2022 г. — минимален: «разговор» уступает место «отпору».
угроза / threat(s) / Bedrohung	EN: threat, threats; DE: Bedrohung, Gefahr; RU: угроза, угрозы	Все формы упоминания угроз — безопасности, демократии, миропорядку, — со стороны любого актора.	«The pipeline poses a threat to the EU's collective energy security» / «Трубопровод представляет угрозу коллективной энергетической безопасности ЕС». (EPRS Brief NS2, 2021)	В период Меркель <i>угроза</i> связана преимущественно с энергетической безопасностью и «вмешательством» в выборы. После февраля 2022 г. семантика смещается к

⁵³¹ Для объективного и полного анализа взяты для редукции и интерпретации статьи из СМИ, где присутствуют прямые цитаты политических лидеров.

				экзистенциальной — «угроза существованию Украины и европейскому миропорядку». Пик в речи Шольца (2) и у Шольца в Бундестаге (3).
безопасность / security / Sicherheit	EN: security; DE: Sicherheit; RU: безопасность , безопасности	Безопасность в широком смысле — европейская, энергетическая, коллективная, военная.	«The twenty-fourth of February marks a watershed... security in Europe cannot be achieved in opposition to Russia but Putin is jeopardising this security» / «24 февраля знаменует собой переломный момент... безопасность в Европе не может быть обеспечена в противостоянии России, но Путин ставит под угрозу эту безопасность». (Scholz, 2022)	Код-доминант речи Шольца (14 упоминаний) — что отражает характер термина как фактора фундаментального пересмотра политики безопасности. В докладе EPRS о «Северном потоке» (10) — энергетическая безопасность. В русскоязычных источниках (6, 7, 11) — устойчивое присутствие «безопасность» как ключевого нарратива двусторонних встреч.
агрессия / aggression / Angriffskrieg	EN: aggression, aggressive; DE: Aggression, Angriffskrieg, Überfall; RU: агрессия, агрессии, агрессор	Вооруженная, политическая или гибридная агрессия.	«With the attack on Ukraine the Russian President Putin has started a war of aggression in cold blood» / «Нападением на Украину президент России Путин хладнокровно начал агрессивную войну». (Scholz, 2022)	В немецкоязычных и англоязычных источниках 2022 г. — центральный концепт.
международное право / international law / Völkerrecht	EN: international law; DE: Völkerrecht; RU: международное право, международного права	Нормы международного права, Устав ООН, обязательства государств по международным договорам.	«It is a violation of international law . There is nothing and nobody that can justify it» / «Это нарушение международного права. Ничто и никто не может это оправдать». (Scholz, 2022)	В документах до 2022 г. встречается редко и преимущественно в контексте «нарушения» применительно к Крыму. После февраля 2022 г. — в речи Шольца (3) и на странице МИД ФРГ (3) становится ключевым нормативным якорем, через который квалифицируются действия России.

Количественный анализ кодов

№	Документ	Год	сотрудничество	диалог	угроза	безопасность	агрессия	международное право
1	Listing of German NGOs as 'undesirable' — EP Delegation note	2022	2	1	1	1	1	1
2	Merkel urges Russia cooperation, honours Soviet WWII dead (France24)	2015	7	4	3	2	1	1
3	Merkel visits Russia, tense meeting with Putin (France24)	2017	4	3	3	2	1	0
4	Putin, Merkel struggle to move past differences (Reuters)	2017	1	2	1	1	1	0
5	Merkel, Putin and Sochi (DW EN)	2017	4	4	2	3	1	0
6	На переговоры — с цветами: о чём Путин говорил с Меркель (Газета.ру)	2018	9	3	2	3	0	2
7	Что обсуждали Меркель и Путин в Кремле (DW RU)	2020	5	6	3	3	0	1
8	Nord Stream 2 interne Dokumente leere Versprechen (table.media)	2022	4	1	2	5	1	1
9	Russia's Putin, Germany's Merkel hold talks in Moscow (VOA)	2021	6	4	3	3	2	2
10	The Nord Stream 2 pipeline (EPRS Brief)	2021	5	3	3	10	1	2
11	Саммит на прощание: зачем Меркель встреча с Путиным (DW RU)	2021	4	6	2	5	0	1
12	Policy statement by Olaf Scholz, 27 February 2022 (Bundesregierung)	2022	1	1	2	14	3	3
13	Scholz: Russia must not win this war (DW EN)	2022	2	2	3	5	2	2
14	Germany and the Russian Federation: Bilateral relations (AA.de)	2024	2	1	2	1	4	3

Б. Кодбук: анализ документов по кейсу Италии в контексте взаимодействия ЕС и России

Код	Языки и словоформы	Определение	Пример из текста	Комментарий
cooperazione / cooperation / сотрудничество	IT: cooperazione, cooperare, collaborazione; EN: cooperation, cooperate; RU: сотрудничество, сотрудничать	Любые упоминания двустороннего или многостороннего взаимодействия — экономического, политического, культурного, в сфере безопасности.	«la prossimità geografica e i legami storici e culturali obbligano Europa e Russia a trovare un compromesso sulle questioni più difficili e a riprendere una cooperazione ad ampio spettro» / «географическая близость и исторические, культурные связи обязывают Европу и Россию найти компромисс по наиболее сложным вопросам и возобновить сотрудничество в широком спектре областей» (ISGI-CNR, La Cooperazione Italia–UE–Russia: il rilancio di un dialogo necessario, 2015)	Доминирующий код в документах 2015–2017 гг., пик приходится на официальные заявления и документы 2017 г. (11). После 2022 г. обрушивается: в документах Драги и Маттареллы <i>cooperazione</i> либо отсутствует, либо описывает сотрудничество с союзниками против России, а не с Россией.
dialogo / dialogue / диалог	IT: dialogo, dialogare; EN: dialogue, dialog; RU: диалог	Упоминания политического, дипломатического диалога, переговоров между Италией/ЕС и Россией.	«Italia meno sola nel cercare il dialogo con la Russia»; «L'Italia ha sempre sostenuto un approccio dialogico verso la Russia» / «Италия не одинока в стремлении к диалогу с Россией»; «Италия всегда поддерживала диалогический подход к России». (IAI, 2017)	Структурообразующий концепт итальянской дипломатии в период Ренци–Джентилони. Максимум у аналитических документов 2015–2017 гг. (ISGI 7, Mondodem 7). После 2022 г. <i>dialogo</i> сохраняется, но обусловливается («только если Россия соблюдает международное право»).
minaccia / threat / угроза	IT: minaccia, minacciare; EN: threat, threats; RU: угроза, угрозы	Угрозы безопасности — военные, энергетические, террористические, угрозы международному порядку.	« <i>Есть общие угрозы, и думаю, что нам надо на них всем вместе ответить</i> » (Джентилони, пресс-конференция Сочи 2017, kremlin.ru)	Примечательно: в российско-итальянских переговорах 2017 г. <i>угроза</i> относится прежде всего к терроризму и региональным кризисам, а не к России. После 2022 г. семантика меняется: угроза — это Россия.
sicurezza / security / безопасность	IT: sicurezza; EN: security; RU: безопасность, безопасности	Безопасность — европейская, энергетическая, региональная, национальная.	«La sicurezza europea richiede dialogo con la Russia»; «Russia's aggression threatens our collective prosperity and security » / «Европейская безопасность требует диалога с Россией» (IAI, 2017); «Агрессия России угрожает нашему коллективному процветанию и безопасности» (Draghi, MIT 2022)	В документах 2015–2017 гг. безопасность достигается через сотрудничество с Россией; после 2022 г. — через противодействие России. Пик у Драги в речи MIT и Mattei Plan (5) — там <i>security</i> описывает именно угрозу от российской агрессии.

aggressione / aggression / агрессия	IT: aggressione, aggressore, aggressivo; EN: aggression, aggressor, aggressive; RU: агрессия, агрессор	Военная, политическая или гибридная агрессия государства.	« L'aggressione russa contro l'Ucraina viola il diritto internazionale» / «Российская агрессия против Украины нарушает международное право» (L'Italia condanna gli attacchi...2022)	Практически отсутствует в документах 2015–2017 гг. — показательный факт: италоцентричный нарратив тех лет избегает слова «агрессия» применительно к России. Максимум у Маттареллы 2022 (5) и Драги MIT 2022 (4) — маркер полного разрыва с прежним дискурсом и подчинения общеевропейскому.
diritto internazionale / international law / международно е право	IT: diritto internazionale; EN: international law; RU: международно е право, международного права	Нормы международного права, принцип суверенитета, территориальной целостности.	«le sanzioni sono uno strumento per ottenere il rispetto degli accordi relativi alle norme del diritto internazionale » / «санкции являются инструментом обеспечения соблюдения соглашений, касающихся норм международного права») (Italy's Diplomatic and Parliamentary Practice on International Law)	В документах 2014–2015 гг. итальянские официальные лица апеллируют к международному праву сдержанно. После 2019 г. частотность нарастает, а пик у Маттареллы (6) — где международное право становится центральным аргументом против взаимодействия с Россией.

Количественный анализ кодов

№	Документ	Год	cooperazione	dialogo	minaccia	sicurezza	aggressione	diritto internazionale
1	Rapporti con Italia- Russia (infomercatiesteri)	2016	7	2	0	2	0	0
2	Renzi ammonisce Russia «violazione inaccettabile» (Il Giornale)	2014	2	2	2	2	2	3
3	Renzi: missione a Kiev e poi a Mosca (Repubblica)	2015	3	3	2	1	2	2
4	Ренци: РФ должна играть ключевую роль (РИА Новости)	2015	6	1	2	3	0	1
5	Berlusconi: Crimea split was democratic (Reuters)	2015	4	1	1	2	2	2
6	Сторонники Берлускони об отмене санкций (РИА Новости)	2015	5	0	1	2	0	1
7	Forza Italia sfida il governo: via le sanzioni (Il Giornale)	2015	4	2	2	2	0	1
8	Putin incontra Renzi: Expo punto di partenza (Corriere)	2015	5	3	2	2	1	2
9	La Cooperazione Italia- UE-Russia: il rilancio del dialogo (ISGI-CNR)	2015	9	7	2	3	1	3

10	Renzi con Putin: «Guerra fredda fuori dalla realtà» (Repubblica)	2016	5	4	1	2	1	0
11	Gentiloni, Putin e i sei accordi di Sochi (AGI)	2017	7	5	2	3	1	1
12	Заявления для прессы по итогам российско- итальянских переговоров (kremlin.ru)	2017	11	1	6	2	0	1
13	Mattarella a Mosca. Putin: «Superare le difficoltà» (Corriere)	2017	5	4	1	2	1	2
14	G7 Summit Taormina (MOFA Japan)	2017	1	2	1	2	2	3
15	Dialogo con la Russia: Italia meno sola (Mondodem)	2017	6	7	1	4	0	0
16	Le relazioni tra Italia e Russia (IAI)	2017	5	5	1	4	2	3
17	Italy's Diplomatic Practice on Crimea and sanctions (italyspractice.info)	2019	2	4	2	4	1	4
19	Riunione Ministri Esteri e Difesa Italia-Russia (difesa.it)	—	3	2	1	3	1	1
20	Delibera veneta su annessione della Crimea (Linkiesta)	2022	2	1	1	2	1	2
21	Draghi race: Italian voters and Russia's war (ECFR)	2022	2	2	3	2	3	3
22	Why Ukraine must win — Draghi's MIT speech (Decode39)	2022	2	2	3	5	4	3
23	Conversione in legge del decreto-legge Ucraina (Gazzetta Ufficiale)	2022	1	0	1	2	2	1
24	Draghi calls for EU price cap on Russian gas (Euractiv)	2022	2	1	1	4	2	2
25	Italy as energy hub: Meloni's Mattei Plan (Decode39)	2023	4	1	1	5	2	2
26	Deal with Putin's party is off: Salvini (Decode39)	2023	2	2	2	2	1	2
27	L'Italia condanna gli attacchi missilistici contro Kyiv (esteri.it)	2022	2	3	3	3	3	4
28	Atto di Indirizzo Difesa 2024–2026 (difesa.it)	2024	4	3	3	4	2	2
29	Dichiarazione Ministri Esteri 1000 giorni invasione (esteri.it)	2024	1	2	1	3	3	3
30	Italian President: war can't be solved by rewarding Russia's aggression (RFERL)	2022	2	2	3	3	5	6

Кодбук: анализ документов, связанных с конкуренцией ЕС и России на постсоветском пространстве

Код	Словоформы	Определение	Пример из текста	Комментарий
partnership /партнерство	<i>EN</i> : partnership, partner, partners, partnerships; <i>RU</i> : партнёрство, партнёр, партнёрства	Институциональное или политическое партнерство между ЕС и третьими странами/регионами — как обозначение рамочного формата отношений.	«The EU should establish a Partnership for Enlargement that offers Ukraine, Moldova, Georgia, and Western Balkans states concrete steps towards deeper integration» / «ЕС должен создать Партнерство в интересах расширения, которое предложит Украине, Молдове, Грузии и государствам Западных Балкан конкретные шаги на пути к более глубокой интеграции». (ECFR, 2022)	Доминирующий концепт институциональных документов ЕС по постсоветскому пространству (Восточное партнерство и страны Центральной Азии). В юридических/торговых документах (MoU, EPSCA) <i>partnership</i> часто выступает официальным названием соглашения. В аналитических текстах (ECFR 2022) — программным призывом к переосмыслению формата.
cooperation /сотрудничество	<i>EN</i> : cooperation, cooperate, cooperating; <i>RU</i> : сотрудничество, сотрудничать	Конкретные формы взаимодействия — торговое, политическое, в сфере безопасности, по вопросам прав человека и демократии.	«The Council looks forward to increased cooperation with Central Asian countries to promote sustainable, comprehensive and rules-based connectivity» / «Совет рассчитывает на расширение сотрудничества со странами Центральной Азии в целях содействия устойчивой, всеобъемлющей и основанной на правилах взаимосвязи». (Council Conclusions on the New Strategy on Central Asia, 2019)	Наиболее частотный код в документах EEAS и Комиссии. Пик у Специального представителя ЕС (EUSR) (9) отражает мандатную направленность: вся деятельность спецпредставителя описывается через <i>cooperation</i> . В отличие от <i>partnership</i> , <i>cooperation</i> всегда конкретно — указывает на тематическую область взаимодействия.
values/ценности	<i>EN</i> : value, values; <i>RU</i> : ценность, ценности	Общие ценности как основа отношений ЕС с партнерами — демократия, верховенство права, права человека.	«My regional mandate will focus on the EU's continued and comprehensive cooperation with the countries in the region guided by our common values » / «В рамках моего регионального мандата основное внимание будет уделено продолжению всестороннего сотрудничества ЕС со странами региона, руководствуясь нашими общими ценностями». (EUSR Stiprais, EEAS, 2025)	Характерен для нормативно-политических документов ЕС (ENP, ВП, Центральная Азия), используется как фактор нормативного сближения и стремления ЕС влиять на ценностное поле взаимодействия. Практически отсутствует в торгово-экономических источниках (MoU 2022: 2; Коммерсантъ: 1) — показатель того, что в экономической прагматике ценностный язык вытесняется.
democracy/ демократия	<i>EN</i> : democracy, democratic, democratically;	Демократия как ценность, цель	«Calls for stronger cooperation on democracy , human rights and rule of	Один из двух нормативных «якорей» вместе с <i>human rights</i> . Максимум в ENP

	<i>RU</i> : демократия, демократический, демократических	реформ и условие партнерства с ЕС.	law» / «Призывает к укреплению сотрудничества в области демократии, прав человека и верховенства права» (EP Recommendation Eastern Partnership Summit, 2017)	Belarus (7) — там демократия центральна именно в контексте ее нарушения. Минимум в торговых и энергетических документах — наглядная жанровая асимметрия.
human rights/права человека	<i>EN</i> : human rights; <i>RU</i> : права человека, прав человека	Права человека как условие партнерства, предмет диалога и критерий оценки.	«The EU expects Kazakhstan to uphold its commitments on human rights and democratic standards» / «ЕС ожидает от Казахстана выполнения своих обязательств в области прав человека и демократических стандартов». (EP Resolution EU-Kazakhstan EPCA, 2017)	Устойчиво присутствует во всех политических документах ЕС, включая соглашения с Казахстаном. Активно поддерживает дискурс нормативных аспектов и условия сотрудничества.
security/безопасность	<i>EN</i> : security; <i>RU</i> : безопасность, безопасности	Безопасность — региональная, энергетическая, в сфере поставок, коллективная.	«Russia's war against Ukraine represents the greatest security threat to the European Union since the bloc's foundation ... and its Neighbours» / «Война России против Украины представляет из себя главную угрозу безопасности ЕС ... и его соседям ... с момента основания блока» ECFR, Partnership for Enlargement, 2022)	Семантически неоднородный код: в политических документах это безопасность как ценность и задача; в торгово-энергетических (MoU, EU Trade page) — безопасность цепочек поставок сырья. Пик у ECFR 2022 (8) отражает геополитический контекст: предложение о новом партнерстве строится именно на аргументе общей безопасности.

Количественный анализ кодов

№	Документ	Год	partnership	cooperation	values	democracy	human rights	security
1	Annual Action Programme 2015 (EC, Enlargement)	2015	4	5	4	6	5	6
2	EP Resolution on EU-Central Asia Strategy	2016	5	5	3	6	5	5
3	EUSR for Central Asia — Message from Ambassador Stiprais (EEAS)	2025	4	9	2	2	3	2
4	EESC Opinion on ENP Joint Communication	2016	5	7	5	4	4	4
5	EP Recommendation — Eastern Partnership Summit	2017	7	4	4	6	5	5
6	EU-Kazakhstan EPCA — EP Resolution	2017	8	7	3	4	5	4
7	Evaluation of European Neighbourhood Instrument (EC SWD)	2017	4	5	4	4	4	5
8	ENP Belarus page (EC Neighbourhood-Enlargement)	2015	3	2	5	7	4	3
9	Report on state of EU-Russia relations (EP, A8-0162)	2015	7	4	5	5	5	4
10	ECFR — Partnership for Enlargement	2022	9	4	3	5	3	8

11	The European Union and Kazakhstan (EEAS)	2023	7	5	1	3	3	3
12	Enhanced Partnership and Cooperation Agreement — Kazakhstan (EP delegation)	2017	7	7	3	4	4	3
13	Joint press statement 25th anniversary EU-Kazakhstan diplomatic relations	2018	3	6	2	2	2	2
14	EP delegation official visit to Kazakhstan (EEAS)	2018	3	3	3	4	4	2
15	Council Conclusions New Strategy on Central Asia	2019	6	6	4	3	3	4
16	The European Union and Kazakhstan 2023 (EEAS)	2023	6	5	3	4	3	5
17	Укрепление связей США и Казахстана (vlast.kz)	2024	4	3	2	3	3	3
18	EU-KAZ MoU Strategic Partnership on Raw Materials	2022	8	6	2	1	1	2
19	Казахстан удвоил экспорт нефти (Коммерсантъ)	2024	1	2	1	0	0	2
20	Как изменилась география экспорта нефти (kapital.kz)	2023	3	2	1	0	0	2
21	EU trade relations with Kazakhstan (EC Trade page)	2023	7	4	1	1	1	2

Кодбук: анализ документов ЕС, связанных с гибридными угрозами и информационным влиянием

Код	Словоформы	Определение	Пример из текста	Комментарий
threat(s)/ угроза(ы)	threat, threats, threaten	Угрозы безопасности, демократии, международному порядку — со стороны гибридных акторов, России, нелегальных сетей.	«Hybrid warfare and foreign information manipulation and interference are not just foreign policy and security issues, but in fact threaten the very basis of our democracies» / «Гибридная война, а также манипулирование и вмешательство в иностранную информацию — это не просто вопросы внешней политики и безопасности, а угроза самим основам наших демократий». (EP Resolution Russiagate, Feb 2024)	Один из самых частотных кодов в аналитических документах ISS и общих заявлениях ЕС по тематике гибридных угроз и дезинформации. Семантика расширяется от конкретных атак (кибер, дезинформация) к экзистенциальной угрозе самому основанию демократии — особенно выражено в документах 2022–2024 гг.
security/ безопасность	security, securities	Безопасность как цель и предмет угрозы — европейская безопасность, безопасность институтов, избирательных процессов.	«disinformation campaigns by third countries can be part of hybrid threats to internal security , including election processes» / «Дезинформационные кампании третьих стран могут быть частью гибридных угроз внутренней безопасности, включая избирательные процессы». (EC Communication — Tackling online disinformation)	Максимум в резолюции ЕП 2024 (11) — наиболее плотная связка «безопасность + демократия + дезинформация» в одном документе. В документах 2016 г. (EUGS, резолюция ЕП) — ещё в контексте общей внешней политики; к 2022–2024 гг. — центральный концепт гибридных угроз.
Democracy/ демократия	democracy, democratic, democratically	Демократия как ценность под угрозой, цель защиты, мишень операций влияния.	«Foreign interference, information manipulation and disinformation constitute a serious violation of the universal values and	Рекорд в резолюции Russiagate 2024 (14): «демократия» появляется в каждом пункте как ключевое слово атаки — не как политическое содержание, а как мишень. Показательная динамика: в 2016 г.

			principles on which the Union is founded, such as... democracy and the rule of law» / «Иностранное вмешательство, манипулирование информацией и дезинформация представляют собой серьезное нарушение универсальных ценностей и принципов, на которых основан Союз, таких как... демократия и верховенство права». (EP Resolution Russiagate, Feb 2024)	democracy ~ 3–5; к 2023–2024 — 9–14.
propaganda/ пропаганда	propaganda	Государственная или организованная дезинформационная/идеологическая деятельность, направленная на манипуляцию общественным мнением.	«calls on the Commission to promote the strengthening of the resilience of the media... to counter propaganda and disinformation» / «Призывает Комиссию содействовать укреплению устойчивости средств массовой информации... для противодействия пропаганде и дезинформации» (EP Resolution 2016)	Рекорд в резолюции ЕП 2016 (10) — документ называет <i>propaganda</i> прямо и многократно применительно к России. К 2022–2024 гг. частичное вытеснение <i>propaganda</i> термином FIMI (foreign information manipulation and interference) — более юридически нейтральным, но семантически эквивалентным.
disinformation/ дезинформация	disinformation	Намеренное распространение ложной или вводящей в заблуждение информации с целью причинения вреда демократическим процессам.	«Russia's spread of disinformation through both traditional media outlets and social media platforms... have risen to an unprecedented level» / «Распространение Россией дезинформации как через традиционные СМИ, так и через социальные сети... достигло беспрецедентного	Достаточно новый для документов ЕС код, ставший доминирующим в дискурсе ЕС после 2016 г. В документах 2015–2016 гг. используется редко, в 2018–2022 нарастает, в 2023–2024 достигает максимума (9–10). Семантически конкурирует с <i>propaganda</i> и постепенно вытесняет его в институциональном дискурсе ЕС.

			уровня». (EP Resolution Russiagate, Feb 2024)	
influence/ влияние	influence, influences, influencing	Операции влияния, иностранное влияние на политические и демократические процессы.	«Russia has established contacts with parties, personalities and movements in order to rely on actors within the Union's institutions in order to legitimise Russian positions... and gain influence in their domestic processes» / «Россия установила контакты с партиями, деятелями и движениями, чтобы опираться на деятелей внутри институтов Союза для легитимизации своих позиций... и получения влияния на внутренние процессы». (EP Resolution Russiagate, Feb 2024)	Код вошел в институциональный словарь ЕС после 2014 г. как часть нарратива «гибридных угроз». К 2023–2024 гг. устойчиво сочетается с <i>interference</i> в формулах типа «foreign influence and interference». Максимум в резолюции 2024 (10) отражает детальное описание конкретных агентурных сетей.
resilience/ устойчивость	resilience, resilient	Устойчивость — общественная, институциональная, медийная — как способность противостоять гибридным угрозам и дезинформации.	«To enhance our societal resilience , we will also strengthen access to credible information and free and independent media»/ «Для повышения устойчивости нашего общества мы также будем укреплять доступ к достоверной информации и свободным и независимым СМИ». (Strategic Compass, 2022)	Центральный новый концепт этого корпуса, появляющийся в словаре ЕС после 2016 г. и достигающий пика в Стратегическом компасе (10). Показательно, что <i>resilience</i> — это не реактивный («отражение угрозы»), а проактивный концепт: речь о том, что нужно построить, а не отразить. В технических/криминальных документах подчеркивает его принадлежность к нормативно-политическому дискурсу.
solidarity / солидарность	solidarity, solidarities	Коллективная сплочённость государств-членов ЕС и партнеров как основа совместного противодействия гибридным угрозам.	«The strength of our Union lies in unity, solidarity and determination» / «Сила нашего Союза заключается в единстве, солидарности и решимости» (	Рекорд у Стратегического компаса (6) и резолюции Russiagate 2024 (5) — документов, где единство ЕС подчеркивается наиболее интенсивно. Примечательно, что <i>solidarity</i> в этом корпусе выполняет не описательную, а перформативную функцию:

			(Strategic Compass, 2022)	каждое упоминание само по себе является демонстрацией солидарности.
vulnerability/ уязвимость	vulnerability , vulnerabilities, vulnerable	Уязвимость — демократических институтов, информационного пространства, критической инфраструктуры, избирательных процессов — как мишень гибридных атак.	«Hybrid actors exploit the vulnerabilities of states and societies» / «Гибридные субъекты используют уязвимости государств и обществ». (ISS Chaillot Paper, 2018)	Семантически ключевой концепт: <i>vulnerability</i> — это то, что атакующий эксплуатирует, а <i>resilience</i> — то, что защищающийся строит. Два кода образуют структурную пару. Максимум у аналитических документов ISS (7), Western Balkans Study (7), INGE2 (7) — именно там, где разбираются конкретные механизмы гибридных операций.

Количественный анализ кодов

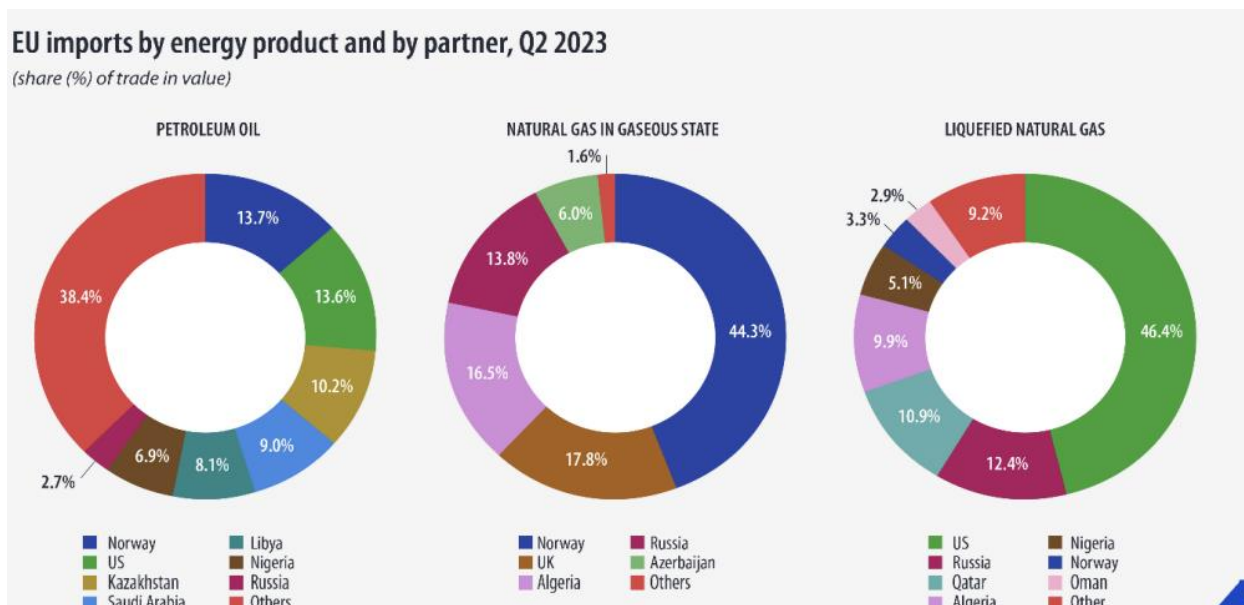
№	Документ	Год	threat(s)	security	democracy	propaganda	disinformation	influence
1	EU Global Strategy (EUGS)	2016	6	4	3	4	3	4
2	Protecting Europe: EU response to hybrid threats (ISS)	2018	10	4	5	4	3	3
3	Countering hybrid threats: EU & Western Balkans (EP Study)	2018	6	3	4	4	4	3
4	Protecting Europe against hybrid threats (ECFR)	2019	6	3	5	4	3	4
5	EMPACT leaflet (Eurojust)	2021	6	6	2	0	0	1
6	EP Resolution — EU strategic communication counteract propaganda	2016	2	2	6	10	7	5
7	Romanian MEP: EU-funded anti-Russian propaganda project (Euractiv)	2015	1	2	3	8	2	3
8	Strategic Compass of the EU	2022	8	9	6	2	6	5
9	Hybrid Threats in EaP Countries: Building a Common Response	2019	7	2	4	4	3	2
10	EP INGE2 Report on foreign interference 2023	2023	8	6	10	6	10	7
11	Second EEAS FIMI Report	2024	9	2	4	5	6	7
12	EU report on disinformation — Ukraine most targeted (EEAS)	2024	2	2	3	2	6	2
13	EC Communication — Tackling online disinformation	2018	5	3	6	3	9	2
14	Hybrid CoE Paper — China & hybrid threats	2021	7	4	4	5	3	4
15	EU Cyber Statement HR — Russian malicious behaviour	2024	5	3	4	2	2	2
16	DSA Study — Risk management disinformation	2022	4	2	5	2	9	3
17	EUREN Interim Report	2018	2	3	3	3	2	2
18	Russia 2024 presidential election (EPRS Brief)	2024	2	2	7	4	2	3

19	EU-Russia relations under strain (EP topics)	2021	3	2	5	5	3	3
20	EP Resolution 1 June 2023 — foreign interference	2023	6	4	9	6	8	5
21	EP Resolution 8 Feb 2024 — Russiagate	2024	9	11	14	6	9	10

№	Документ	Год	resilience	solidarity	vulnerability
1	EU Global Strategy (EUGS)	2016	6	4	4
2	Protecting Europe: EU response to hybrid threats (ISS)	2018	5	4	7
3	Countering hybrid threats: EU & Western Balkans (EP Study)	2018	4	4	7
4	Protecting Europe against hybrid threats (ECFR)	2019	6	2	5
5	EMPACT leaflet (Eurojust)	2021	0	2	2
6	EP Resolution — EU strategic communication counteract propaganda	2016	5	4	5
7	Romanian MEP: EU-funded anti-Russian propaganda project (Euractiv)	2015	2	2	2
8	Strategic Compass of the EU	2022	10	6	6
9	Hybrid Threats in EaP Countries: Building a Common Response	2019	5	2	5
10	EP INGE2 Report on foreign interference 2023	2023	6	3	7
11	Second EEAS FIMI Report	2024	6	2	5
12	EU report on disinformation — Ukraine most targeted (EEAS)	2024	2	2	2
13	EC Communication — Tackling online disinformation	2018	4	2	6
14	Hybrid CoE Paper — China & hybrid threats	2021	4	2	4
15	EU Cyber Statement HR — Russian malicious behaviour	2024	2	2	4
16	DSA Study — Risk management disinformation	2022	3	2	4

17	EUREN Interim Report	2018	2	2	2
18	Russia 2024 presidential election (EPRS Brief)	2024	3	2	2
19	EU-Russia relations under strain (EP topics)	2021	4	3	4
20	EP Resolution 1 June 2023 — foreign interference	2023	6	3	5
21	EP Resolution 8 Feb 2024 — Russiagate	2024	6	5	6

Страны-экспортеры сырьевых ресурсов в ЕС на середину 2023 г.⁵³²

Источник: EU Imports of energy products – latest development // Eurostat. 2023.

URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_imports_of_energy_products_-_latest_developments

⁵³² Изображение не переведено на русский язык, так как является оригинальным примером, иллюстрирующим ключевые положения главы работы.

Заголовок Интернет-статьи

ЗДЕСЬ НЕ НА ЧТО СМОТРЕТЬ, ПОСМОТРИТЕ-КА ТУДА

16 ФЕВРАЛЯ, 2023

Источник:

<https://euvdisinfo.eu/ru/%d0%b7%d0%b4%d0%b5%d1%81%d1%8c-%d0%bd%d0%b5-%d0%bd%d0%b0-%d1%87%d1%82%d0%be-%d1%81%d0%bc%d0%be%d1%82%d1%80%d0%b5%d1%82%d1%8c-%d0%bf%d0%be%d1%81%d0%bc%d0%be%d1%82%d1%80%d0%b8%d1%82%d0%b5-%d0%ba%d0%b0/>

Баннер с призывом подписаться на новости «дезинформации»

Подпишитесь на ОБЗОР ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Еженедельные новости о прокремлевской
дезинформации (на русском языке)

Подписаться

[Нет, спасибо](#)

Источник: <https://euvsdisinfo.eu/ru/>